Д. Н. ШМЕЛЕВ

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ

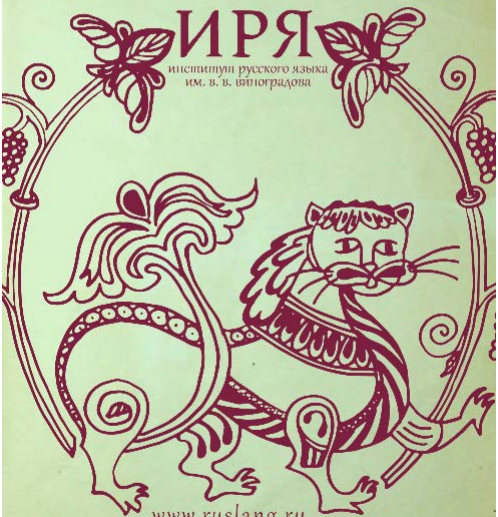
Академия наук СССР

*

Институт русского языка

ИРЯ

институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

Д. Н. Шмелев

*

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ

*

(на материале русского языка)

Издательство «Наука» Москва 1973

Ч
Ш-72
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
67480

В книге дается обоснование общих теоретических положений, которые делают возможным взаимосвязанное и систематическое описание словарного состава языка. Рассматриваются общие понятия парадигматических и синтагматических отношений, дифференциальных признаков, нейтрализации, позиции и т. д. На основе этих понятий решаются вопросы полисемии и омонимии, синонимии и антонимии, фразеологии и т. д.

Ш $\frac{0712—0453}{042(02)—73}$ 360—73

© Издательство «Наука», 1973 г.

От автора

В работе рассмотрены некоторые проблемы, связанные с изучением лексических значений, решение которых до сих пор остается спорным. Автор не думает, что на поставленные вопросы им даны исчерпывающие или окончательные ответы.

Изучение лексики и семантики в настоящее время находится на таком этапе, когда пересматриваются многие даже не вызывавшие прежде сомнений положения, причем на формирование новых концепций заметное влияние оказывают не только общетеоретические соображения, но и обнаружение целого ряда конкретных фактов, которые раньше не привлекали к себе внимания. Возможность различной интерпретации этих фактов во многих случаях свидетельствует прежде всего о внутренней сложности и многоаспектности анализируемого материала.

Настоящая работа явилась следствием предпринятой автором попытки объединить результаты проведенного им анализа различных групп лексики русского языка. Такое объединение предполагало последовательное и достаточно непротиворечивое освещение материала. Это потребовало критического рассмотрения тех понятий, которыми оперирует обычно лексиколог. Работа и представляет собой в первую очередь обоснование некоторых общих положений, которые, как кажется автору, делают возможным

взаимосвязанное и более или менее систематическое описание такого сложного механизма, каким является словарный состав языка. В работе использованы некоторые материалы из «Очерков по семасиологии русского языка» («Просвещение», 1964).

Именно в самое последнее время появилось довольно много семасиологических исследований, в частности по «генеративной семантике», с большей частью которых автору пришлось ознакомиться только после окончания работы над рукописью. Учет этих исследований, по-видимому, позволил бы уточнить отдельные формулировки, а также, может быть, изменил бы характер освещения отдельных фактов, однако, по-видимому, не повлиял бы сколько-нибудь существенно на основные положения предлагаемой работы.

Введение

*

1. В современных исследованиях по лексике успешно преодолевается «атомизм» лексикологических описаний прошлого. В настоящее время, по-видимому, трудно найти лингвиста, который отстаивал бы необходимость изолированного анализа значений отдельных слов, который не говорил бы о преимуществах системного изучения лексики. Хотя методика такого изучения во многом еще неясна, его преимущества тем не менее настолько очевидны, что не нуждаются теперь в доказательствах.

Показателен сдвиг в изучении диалектной лексики. Пока изучение диалектной лексики состояло главным образом в регистрации словарных (в том числе и семантических) различий, в установлении разрозненных «изоглосс», лексико-семантическое своеобразие различных говоров могло угадываться только сквозь призму довольно случайных, почти несопоставимых друг с другом фактов. Первые же опыты системного описания некоторых групп диалектной лексики представили эти факты в новом, гораздо более глубоком освещении. Было показано, в частности, что тождество словарных единиц в говорах никак не свидетельствует об их семантической эквивалентности, поскольку важно соотношение данных единиц с другими единицами, которым и определяется реальное семантическое содержание как тех, так и других.

Требование системного изучения лексики стало почти аксиомой, но при этом гораздо меньше внимания было уделено преодолению «атомизма» иного рода.

Отдельные лексикологические проблемы в лингвистической литературе продолжают рассматриваться и решаться изолированно друг от друга, решение одной из них, по существу, никак не влияет на решение другой. Достаточно вспомнить о проведенных в последнее время обсуждениях синонимии, фразеологии, многозначности

и омонимии, компонентного анализа лексики и т. д., чтобы убедиться в том, что в настоящее время на первый план выдвигается необходимость создания общей лексикологической теории, которая позволила бы взглянуть на соответствующие проблемы под каким-то единым углом зрения, а тем самым и наметила бы до некоторой степени пути их разрешения.

Хотя в последние годы и у нас и за рубежом появился ряд работ, в которых ставятся и решаются важные лексикологические проблемы, методика исследования словарного состава языка во многом остается спорной и неясной. По сути дела, каждый исследователь, приступающий к семантическому анализу той или иной области лексики, вынужден обосновывать свои исходные теоретические позиции и методологические принципы. Тогда как теоретическое развитие других областей языкознания идет в основном по пути развития уже существующих теорий (критического отталкивания от них, их переоценки и т. д.), лексикологические исследования в целом остаются разрозненными и разобщенными.

Между тем именно в области лексики интенсивно проводится огромная практическая работа, особенно трудоемкая и требующая больших коллективных усилий. Отсутствие последовательной лексикологической теории, несомненно, в значительной мере затрудняет лексикографическую практику, делает неизбежными те недостатки и противоречия в толковых словарях, которые неоднократно отмечались как многочисленными рецензентами последних, так и самими лексикографами.

Неразрешенность многих вопросов, относящихся к семантической структуре слова, сказывается на характеристиках многозначных слов, вызывая поразительный разнобой как в количестве выделяемых значений у семантически однородных слов, так и в порядке их расположения в словарных статьях. Отсутствие теоретически обоснованного представления о составе лексического значения слова во многих случаях лишает словарные толкования желательной строгости и последовательности. Понятно, что составление таких словарей, как фразеологические, синонимические, словообразовательные и т. д., в еще большей мере связано с решением соответствующих теоретических вопросов, так как от этого решения должны зависеть и характер, и самый материал подобных словарей.

2. Успешное применение новых методов в языкознании, оказавшее благотворное влияние на развитие ряда лингвистических дисциплин, привело вместе с тем к тому, что в последние годы наука о языке по существу оказалась раздробленной не только на ряд совершенно несовместимых направлений (с чем психологически можно было бы еще примириться), но и на такие замкнутые области изучения, которые уже только по традиции можно объединять в пределах единой науки о языке. Никогда еще о языке не говорили на столь разных (и почти не поддающихся никакому переводу) языках. Вряд ли можно закрывать глаза на тот факт, что серьезное изучение различных сфер языка или различных его ярусов часто оказывается невозможным в пределах той же системы понятий, которая оказывалась действенной для одного из этих ярусов.

Поэтому одной из первостепенных задач лингвистики в настоящее время представляется рассмотрение тех наиболее общих понятий, которые лежат в основе исследования различных сторон языка, с точки зрения их соотношения друг с другом, их «совместимости» при попытках создать общую лингвистическую теорию.

Как это часто отмечается, в развитии современного языкознания революционную роль сыграла фонология[1]. Принципы и методы, выработанные в фонологии, многими своими чертами оказались притягательными и для исследователей других сфер языка. Во-первых, импонировала строгость лингвистического анализа, требование точного определения вводимых терминов и последовательного их применения; во-вторых, привлекательны были и некоторые из общих лингвистических представлений, получившие развитие и глубокую разработку именно в фонологических исследованиях (разграничение синхронии и диахронии, понимание языка как системы, основанной на определенного вида оппозициях, понятия дифференциальных признаков, нейтрализации и т. д.).

---

[1] Е. Курилович, например, писал: «Наблюдавшийся в последние 20 лет прогресс в фонологии продвинул развитие теории знака вперед. Основная заслуга фонологии в этом отношении состоит в том, что она ввела понятия противопоставления (оппозиции) и корреляции» (Е. Курилович. Лингвистика и теория знака.— В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 10).

Многочисленные фонетические и фонологические исследования достаточно ясно показали, как организованы в определенную систему единицы плана выражения. При этом оказалось, что при всем конкретно-материальном разнообразии фонетических явлений различных языков принципы функционирования звуков как смыслоразличительных единиц, т. е. как собственно лингвистических единиц, в основном являются общими. Оказалось также возможным установить общие категории, при помощи которых можно описывать организацию и функционирование этих единиц в конкретных языках.

Успехи фонологии создали такую ситуацию, когда дальнейшее развитие языкознания в целом стало зависеть от применения при изучении морфологии, синтаксиса, а также и лексики тех новых идей и понятий, которые были впервые сформулированы или конкретно разработаны в фонологических работах. Само собой разумеется, что поверхностное и механическое приспособление иородной терминологии к грамматике и лексике не могло способствовать прогрессу в этих областях науки. Примеры таких чисто терминологических реформ русской грамматики и лексикологии, предлагавшиеся в последнее десятилетие некоторыми исследователями, достаточно хорошо известны. По существу, они мало продвинули изучение языка. Но некоторые из них явились поводом для более широкого и серьезного обсуждения важных теоретических проблем языкознания. Появились также предостережения против «фонологической контрабанды» в языкознании. Одновременно были предприняты попытки глубже осмыслить выдвигаемые вначале довольно декларативно положения об изоморфизме плана выражения и плана содержания, о необходимости соответствий между единицами разных «ярусов» или «уровней» языка и т. д.

Становится все более очевидным, что речь должна идти не о поисках различных фактов «изоморфизма» в узком смысле слова (таких фактов приводилось в литературе уже много, но они разрознены и разнородны), а об установлении основных принципов организации языка, которые, как это можно с большой долей вероятности предположить, являются общими для всех его «уровней». Е. Курилович отметил: «Между расчленением семантической структуры на семантические единицы (элементы) и звуковым анализом лежит пропасть, которая дает воз-

можность осознать, насколько глубоки различия между фонологией и семантикой. Расстояние, разделяющее их, столь же велико, сколь и то, которое лежит между элементами архитектурного стиля и физико-химическими свойствами материала, использованного для какого-либо сооружения. И если, несмотря на это, звуковые и семантические системы обладают в области структуры рядом общих особенностей или даже идентичных черт, то приходится признать существование законов, справедливых не для какой-либо одной определенной системы, а вообще для систем, удовлетворяющих некоторым общим условиям» [2].

Так, несомненно, что единицы определенного уровня получают свое «значение» на основе их сопоставленности с другими единицами того же уровня, что делает возможным и необходимым их рассмотрение в определенном парадигматическом ряду (чаще — в целой системе парадигматических рядов). Установление некоторых тождеств и различий, существующих между единицами данного ряда, иначе говоря, установление того, в чем одна единица сходна и чем она отлична от другой единицы того же ряда, предполагает выделение некоторых элементов, являющихся элементами сходства и различия. Самый термин «парадигма», как известно, издавна применяется в морфологии (парадигмы имени существительного, парадигмы глагола). Однако новый подход к языку, обусловленный прежде всего развитием фонологических идей, неизмеримо обогатил представление о такого рода связях и позволил по-новому взглянуть на самый их характер.

Во-первых, именно в некоторых исследованиях по фонологии понятие парадигмы получило более глубокое и принципиальное обоснование и стало применяться к таким рядам единиц, которые находятся в отношении корреляции по определенным признакам. Во-вторых, парадигматические ряды стали определяться в связи с последними, т. е. теми существенными отличительными (дифференциальными) признаками, которые и определяют противопоставленность каких-то членов этих рядов, характеризуемых тождеством других признаков.

---

[2] Е. Курилович. Лингвистика и теория знака, стр. 11.

Указание на отличительные признаки тех или иных членов парадигматического ряда является основой для разложения данной единицы на какие-то составляющие ее элементы, что выдвигает вопрос о соотношении, повторяемости и общей значимости различных элементов, существенных для различных единиц языка.

Далее, именно применительно к фонологическим единицам было выдвинуто понятие дистрибуции: поскольку каждая единица имеет свою собственную сферу возможных для нее сочетаний с другими единицами того же уровня, или, иначе говоря, свои собственные позиционные ограничения в сочетаемости, эти ограничения могут служить характеристикой данной единицы.

Вместе с тем существуют такие позиции, которые столь же жестко и необходимо приводят к нейтрализации функционального различия: признак, который отличает один из членов парадигмы от другого члена той же парадигмы, перестает быть существенным; в результате происходит нейтрализация соответствующего противопоставления. Например, в русском языке на конце слова (т. е. в определенной позиции) признак звонкости — глухости согласных перестает быть существенным, так как утрачивает различительную способность.

Понятие нейтрализации является очень важным не только для фонологии, где оно было впервые отчетливо сформулировано, но и для других разделов науки о языке. В лексикологии оно дает возможность по-новому подойти к явлениям синонимии и многозначности, т. е. к таким явлениям, которые все еще получают самые разнообразные истолкования в лингвистической литературе.

Можно с уверенностью полагать, что понятия парадигмы, дифференциальных признаков, дистрибуции, нейтрализации вполне естественно распространяются на все уровни языка, в том числе и на лексику, т. е. наиболее трудную и не поддающуюся пока упорядоченню сферу языка.

3. Для того чтобы определить значение слова, недостаточно указать на то явление действительности, на тот предмет (в широком смысле), который данное слово обозначает, для этого необходимо выяснить, как данное значение соотнесено с какими-то другими значениями. Собственно, самая возможность обозначения словом того или иного явления действительности обусловлена известным

вычленением этого явления, т. е. тем или иным соотнесением данного явления с некоторыми другими явлениями действительности. Словарные толкования как раз и основываются на определенном соотнесении обозначаемых словами предметов действительности с другими предметами. При этом отмечаются те отличия, которые существенны для отграничения данного значения от других, соотносимых с ним. Таким образом, «элементы значения» слов выступают как дифференциальные семантические признаки последних, выделенные в результате «соизмерения» определенным образом сопоставленных друг с другом единиц лексики.

Сравнительно легко в результате подобного «соизмерения» могут быть выделены те наиболее общие элементы семантики слов, которые квалифицируются как их «грамматические значения». Сложнее обстоит дело с определением стилистических и экспрессивно-оценочных элементов содержания слов, хотя теоретически они также могут быть подведены под некоторые обобщенные формулы, основанные на многомерном (по терминологии Трубецкого) характере соответствующих противопоставлений (оппозиций). Но основная трудность изучения лексического состава языка, как хорошо известно,— как раз в анализе (получившегося в результате выделения грамматических и экспрессивно-стилистических элементов) «остатка», который и составляет индивидуальное, собственно лексическое, как его обычно понимают, значение слова. Индивидуальные лексические значения слов в значительной степени обусловлены природой обозначаемых словами предметов и явлений самой действительности.

Отображая определенным образом те или иные «отрезки действительности», слова, естественно, связаны между собой, как взаимосвязаны и отображаемые ими явления самой действительности. Благодаря этим «внеязыковым» связям слова объединяются в группы, которые можно назвать тематическими.

Совершенно ясно, что выделение тематических групп слов основано на внеязыковых критериях. Однако вряд ли было бы целесообразно заранее отказаться на этом основании от лингвистического анализа соответствующих объединений слов, от попыток найти в них общие семантические элементы. Например, названия водоемов, та-

кие, как *река, ручей, канал, озеро, пруд, море* и т. д., или названия возвышенностей, такие, как *гора, холм, курган, сопка, пригорок* и т. д., представляют собой, бесспорно, не собственно языковые, а предметные объединения слов. Однако для лингвистики, конечно, вовсе не безразлично то, как членится в каждом конкретном языке данная предметно-смысловая область, какие признаки предметов отражаются в отдельных наименованиях, а следовательно, характеризуют отдельные члены той или иной тематической группы. Так, в отдельных наименованиях тех же водоемов или возвышенностей по-разному сочетаются признаки величины, формы, происхождения и т. д., причем соответствующие противопоставления слов по данным признакам являются характерной особенностью уже именно лексики русского языка, а не самих этих предметов.

В целом ряде случаев слова, объединяемые на основании какого-либо общего признака, объединяются также и на основании общих словообразовательных возможностей или сходной синтаксической сочетаемости. Например, глаголы со значением «руководства» имеют объектом имя существительное в творительном падеже: *руководить* кем-чем, *ведать* кем-чем, *заведовать* кем-чем, *править* кем-чем, *управлять* кем-чем, *командовать* кем-чем, *распоряжаться* кем-чем.

Подобные факты довольно многочисленны, но они никак не охватывают всего словаря в целом. Однако ограничить «лексическую парадигматику» только такого рода словами не представляется оправданным хотя бы потому, что в ряде случаев, только выделив различные тематические группы, можно обнаружить семантическое своеобразие каждой из них (например, общие особенности семантической структуры входящих в эти группы слов, регулярность переносного употребления данных слов и т. п., что, конечно, существенно именно с лингвистической точки зрения).

Обнаружение каких-либо одинаковых формальных примет, общих для слов той же тематической группы, разумеется, делает выделение последней гораздо более объективным и лингвистически обоснованным Тем не менее не следует забывать, что даже наличие вполне объективных формально-языковых критериев для отнесения слов к той или иной смысловой группе не освобождает нас

от обращения к внеязыковым фактам. Ведь для того, чтобы установить, что какие-то формальные приметы, общие для данных слов, параллельны их смысловой близости (или обусловлены ею), мы должны уже знать их смысл, т. е. внеязыковое, предметное содержание. Без этого можно было бы только предполагать такую близость.

4. Непосредственная обращенность лексики к внеязыковой действительности является ее существенной особенностью по сравнению со всеми другими областями языка, и вряд ли всестороннее исследование лексики осуществимо без учета этой особенности. Конечно, возможно изучение значений слов на основе их лексической и синтаксической сочетаемости, т. е. рассмотрение лексических контекстов и синтаксических конструкций, в которых они выступают. Но такое изучение, очень важное для семасиологии, не является само по себе изучением значений слов. Оно дает возможность объективно охарактеризовать и в известной мере классифицировать эти значения, но не может раскрыть подлинной природы существующих между ними различий.

Нужно согласиться с О. С. Ахмановой, писавшей: «Если, например, слепой от рождения никогда не видал ни мела, ни молока, ни снега, ни вообще каких-либо белых предметов, значение слова «белый» никогда для него по-настоящему не раскроется»[3]. Прилагательные, обозначающие разные цвета, имеют, конечно, различную лексическую сочетаемость. Но конкретное значение их определяется не особенностями сочетаемости, а особенностями самих признаков реальных (или воображаемых) предметов, для обозначения которых они служат.

Слово всегда что-то обозначает, в этом его назначение, этим определяется его «смысл» и самое существование как знака. Сущность всякого знака заключается в том, что он является знаком чего-то, это «что-то», конечно, должно быть вне его самого,— иначе знак и не был бы знаком,— но значение знака определяется не только его «предметной отнесенностью», но и тем, в каком он находится соотношении с другими знаками, как он пред-

---

[3] О. С. Ахманова. Некоторые вопросы семантики в современном языкознании.— В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961, стр. 22.

ставляет тот смысл, который закреплен за ним. Этим обусловлена двойственная природа лексического значения слова: слово одновременно является знаком реалии и единицей языка. Оно обозначает что-то вне языка и в то же время связано определенными отношениями с другими элементами языка.

Некоторые исследователи подчеркивают, что только внутриязыковые отношения слова существенны для лингвистики. Иногда с этим связано противопоставление лексического значения слова — значимости. Так, по мнению А. А. Реформатского, «для лексики единственная возможность понять и построить систему заключается в отказе от термина и понятия „значение"... лексику как систему образуют те связи и отношения, которые составляют „сетку значимостей"» [4]. «Отрицать у слов значение,— отмечает А. А. Реформатский,— никто не собирается, и в очень многих случаях этим и должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру» [5]. Однако при всей привлекательности идеи о некоторой освобожденной от значения «сетке значимостей» неясно, как можно изучать номинативные единицы как таковые, игнорируя их номинативную функцию. Примеры, которые приводит А. А. Реформатский, никак не проясняют это; скорее, как кажется, они подтверждают то, что «сетка значимостей» не может быть обнаружена без учета «значений».

В самом деле, если «при построении лексической системы важно не то, что значит отдельное слово (есть = essen или manger), а то, что возникает при наличии *есть, вкушать, кушать, жрать, шамать...*» [6], то ведь для того, чтобы увидеть, как распределен между этими словами некоторый общий смысл, мы должны знать их значения, иначе у нас нет оснований ни сопоставлять, ни даже объединять их [7].

---

[4] А. А. Реформатский. Термин как член лексической системы языка. «Проблемы структурной лингвистики. 1967». М., 1968, стр. 108.

[5] Там же, стр. 114.

[6] Там же, стр. 119.

[7] Обосновывая «закон языкового поля», Л. Вейсгербер писал: «Чтобы установить значение, необходимо знать значение целого и место в нем отдельного слова» (L. Weisgerber. Grundzüge

А. А. Реформатский пишет: «Многие объективно данные системы язык номинативно переводит в свои — лингвистические системы, и каждый язык это делает по-разному и по-своему. Таково, например, отражение в лексике системы спектра цветов». И дальше: «В тюркских языках *кёк* также соответствует и синему и зеленому, почему возникает затруднение в переводе обозначения знаменитой среднеазиатской реалии *кёк чай*: «зеленый» или «синий" чай? Обычно переводят „зеленый чай", но это идет не от языковой систематики, а от того, что растения по-русски принято называть „зелеными", а не „синими". Русскому „синий", „голубой", „зеленый" в большинстве европейских языков соответствуют две единицы,, и наоборот, в киргизском языке наряду с „нормальными" с европейской точки зрения *кара* черный, *сары* желтый, *кызыл* красный, *ак* белый есть *кёк* и синий, и зеленый, и серый,— последнее не элемент спектра, но член серии цветовых слов, наряду с такими, как *боз*, *сур* тоже серый. Лингвисту неважно, как это все с точки зрения физики „на самом деле", а то, как оно „разыгрывается" в разных языках, как преломляется и искажается в разных языках» [8].

Однако, если лингвисту важно, как «все это разыгрывается» в разных языках, более того, как «преломляется и искажается», ему, по-видимому, необходимо знать, что же такое «все это» — не с точки зрения физики, а с точки зрения того, как это отражено в лексических значениях слов,— такое знание только и дает возможность говорить о переводе с одного языка на другой, о межъязыковых «соответствиях» и т. д.

Другое дело, что определение лексического значения слова не должно подменяться описанием реалии. В этом плане с А. А. Реформатским нужно полностью согласиться. Следует только иметь в виду, что вследствие той фундаментальной особенности лексики, что она непосредственно обращена к внеязыковой действительности, она непосредственно реагирует на то, что происходит в мире реа-

---

der inhaltbezogenen Grammatik. Schwann-Dusseldorf, 1962, стр. 98). Можно утверждать и обратное: для того чтобы установить значение целого, нужно знать значение его частей и их соотношение.

[8] А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 110—111.

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

лий, в ней непосредственно отражаются и наши представления о различных явлениях внеязыковой действительности. Например, так называемые метафорические переносы значений слов основаны, конечно, на уподоблении самих реалий, на наших представлениях об особенностях этих реалий, но они отражаются в семантической структуре слова, становясь, таким образом, фактами языка, фактами лексической системы [9].

Лингвист, действительно, должен принимать во внимание только те реальные признаки, которые являются релевантными с точки зрения семантической структуры слова. Однако при установлении семантических признаков обращение к семантической субстанции столь же неизбежно и в общем-то не менее оправданно, чем при установлении дифференциальных фонологических признаков обращение к физической субстанции (ср. звонкость — глухость, мягкость — твердость и т. п.). Другое дело, если отрицать вообще законность в лингвистике понятий дифференциальных признаков (ср. воззрения глоссематиков). Но в таком случае нет оснований говорить и о сетке значимостей, т. е. о парадигматических рядах, члены которых определенным образом сопоставлены друг с другом.

Основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в единицах языка (словах) отображается внеязыковая действительность. Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые главным образом и обусловливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами самой данной системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы (в противоположность значимости знака, которая определяется его положением внутри системы).

---

[9] См.: J. Filipec. Zur innersprachlichen Konfrantation von semantischen Teilstructuren im lexikalischen System. «Travaux linguistiques de Prague», 3. Prague, 1968, стр. 111.— Е. Курилович подчеркивал, что «социальный фактор, который с первого взгляда кажется внешним по отношению к системе языка, в действительности органически связан с ней» (Е. Курилович. Лингвистика и теория знака, стр. 19).

Сказанное никоим образом не следует понимать как какое-либо преуменьшение роли собственно языковых особенностей лексико-семантической системы языка.

О существовании в языке таких особенностей, которые должны быть признаны собственно языковыми, или внутриязыковыми, свидетельствует хотя бы тот хорошо известный факт, что значения слов в разных языках редко полностью совпадают, или тот факт, что те же отрезки действительности неодинаково членятся лексикой разных языков.

Точно так же сдвиги в значениях слов, развитие у слов новых значений, образование новых слов и т. д., будучи обусловлены изменениями в объективной действительности, вместе с тем не могут происходить в языке независимо от уже существующих в нем семантических отношений. Исследование внутриязыковых факторов семантических изменений, происходящих в языке, нельзя, однако, произвести, не установив того, чем вообще могут быть вызваны эти изменения, т. е. без учета и внешних по отношению к системе языка факторов.

5. Непосредственное воздействие на лексику внеязыковой действительности обусловливает то, что она должна представлять собой открытую и незамкнутую систему. Особенностью открытых систем является то, что они взаимодействуют с внешней средой, характер этого взаимодействия предопределяет их собственную сущность.

С указанной особенностью лексики внутренне связана ее другая существенная особенность — подвижность. Этой особенностью определяются не только такие достаточно очевидные процессы, как появление неологизмов, вытеснение устаревших слов, семантические сдвиги внутри тех или иных групп слов и т. д., но и более глубинные процессы, приводящие к изменениям в стилистической стратификации словаря, к перераспределению словообразовательных типов, постепенному изменению лексической и синтаксической сочетаемости слов и т. д.[10]

---

[10] Ст. Ульман писал по этому поводу: «Словарь не поддается точному и исчерпывающему описанию при применении тех методов, которые используются при описании фонетических и грамматических средств языка. Фонетические и грамматические средства языка ограничены в количественном отношении и строго систематизированы; в значительной степени, хотя и не полностью, они не подвержены внешним явлениям. Словарь же

В результате всех этих процессов оказывается, что словарный состав языка не только находится в непрестанном движении, но по существу и не очерчен в каждый момент существования языка с достаточной определенностью.

Действительно, пытаясь определить границы словарного состава современного литературного языка, мы оказываемся перед целым рядом трудностей, которые ярко обнаруживаются при составлении соответствующих словников, причем эти трудности нельзя всецело объяснить недостаточностью или несовершенством лексикографических критериев. В значительной степени они являются следствием указанной особенности лексики, которая обусловливает «размытость» ее границ, их принципиальную неопределенность. Существенно при этом, что границы остаются зыбкими и открытыми с разных сторон: нет четкой демаркационной линии ни между словами, которые можно считать архаизмами современного языка, и словами, которые должны рассматриваться как историзмы, ни между ассимилированными заимствованиями и «чужими словами», иноязычными вкраплениями, ни между признанными нормой, закрепившимися в литературном языке неологизмами и все еще остающимися за гранью кодифицированного языка новообразованиями, ни между примелькавшимися в литературных текстах «диалектизмами» и диалектными словами, лишь спорадически выходящими за пределы своих говоров. Очевидно также, что литературная лексика находится в непрерывном взаимодействии с просторечной и жаргонной лексикой, а также со специальными терминологиями, состав которых исчисляется многими тысячами единиц и влияние которых на общелитературный словарь в наши дни все время возрастает.

Нужно добавить, что лексика — это единственная сфера языка, которая открыта для всевозможных индивиду-

---

представляет собой расплывчатую массу бесконечно большого числа элементов; границы его зыбки и трудно определяемы; характернейшим свойством словаря является его способность бесконечно разрастаться за счет новых слов и новых значений, которые поступают из самых разнообразных источников» (Ст. Ульман. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 18).

альных и окказиональных образований. Значение этого обстоятельства нельзя недооценивать, так как, хотя подобные образования, как правило, остаются на периферии речевой деятельности, самая возможность их появления в речи ярко отражает особый характер лексической системы языка.

Кроме того, влияние терминологии на общелитературный язык в наши дни, как это отмечается исследователями, возрастает, а терминология — это как раз та область, которая, как об этом легко судить хотя бы по лингвистической терминологии, не может противостоять индивидуальному словотворчеству.

6. Следующая существенная особенность лексики, которую важно отметить здесь,— это то, что может быть названо семантической неопределенностью.

В отличие от системы грамматических значений с ее отчетливой сеткой противопоставлений, лексические значения не образуют регулярных рядов, наличие тех или иных членов лексико-семантической парадигмы, как правило, не дает оснований предположить о существовании каких-либо других членов. Такие семантически симметричные ряды, какие образуют так называемые термины родства, в нетерминологической лексике крайне редки.

Более того, в значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью: некоторый элемент значения не может быть приписан слову безусловно. Такая ситуация достаточно определенно отражена в толковых словарях, где указания на некоторые семантические признаки ряда слов сопровождаются своеобразными оговорками: «обычно», «преимущественно», «главным образом» и т. п. Ср. в «Словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова: «*Р о щ а*. Небольшой, обычно лиственный лес»; «*Я д р и ц а*. Крупная, из нераздробленных зерен крупа, преимущественно гречневая»; «*О б р я д*. Церемония, чин; ряд строго определенных обычаем действий, сопровождающих и оформляющих совершение актов преимущественно культового характера»; «*С п л а в*. Смесь из двух или нескольких плавких тел, преимущественно металлов»; «*Т р е в о г а*. 1. Беспокойство, сильное душевное волнение, смятение (обычно в ожидании опасности, чего-нибудь неизвестного)». Ср. аналогичные указания при толковании слов *обух, малыш, стая, угодье, угнать, увести* и мн. др.

7. Названными особенностями лексики (ее подвижностью и неопределенностью в указанном смысле) определяется то, что разграничение фактов синхронии и диахронии наталкивается здесь на ряд специфических трудностей.

В общих чертах это разграничение не вызывает в настоящее время существенных расхождений во взглядах [11].

Значения слов, так же как и соотношения между значениями одного и того же слова и между значениями различных слов, обусловлены, конечно, историей языка, связанной с историей народа. Однако самые эти значения и соотношения выступают в каждый отдельный момент развития языка независимо от их истории в том смысле, что для языкового общения важна не история тех или иных элементов языка, а результаты истории, т. е. самые эти элементы в их отношении друг к другу.

В общих чертах это положение кажется очевидным однако не только при оценке отдельных конкретных фактов, но и при суждении о некоторых более общих явлениях мы встречаемся с устойчивым стремлением «мыслить диахронически». Так, например, для некоторых исследователей понятие «мотивированности», по-видимому, допускает только диахроническое истолкование. Утверждая, что «такие категории, как „основное значение", „прямое значение", „переносное значение", оказываются совершенно бесцельными», В. А. Звегинцев пишет: «Пожалуй, самым точным определением „переносного значения" является то, которое дает А. А. Реформатский: «Переносное значение любого типа объяснимо (мотивировано) через прямое, но прямое значение непроизводных слов данного языка, где это слово существует, необъяснимо». Но это определение вскрывает и всю условность разделения «значений» на прямые и переносные. В самом деле, если обратиться к этимологии, то почти все прямые в указанном смысле значения исторически оказываются переносными... Сама переносность значений опять-таки целиком

[11] Возражения против этого разграничения, которые появлялись в нашей литературе в прошлом (см., например, сборник «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960), были направлены больше против структурной лингвистики вообще, чем против очевидных различий этих двух планов языка.

опирается на «языковое чувство», точность суждения которого можно проиллюстрировать хотя бы таким примером: в слове *темный* все современные словари его световое значение (*темная комната*) называют основным или прямым, а морально-оценочные (*темная речь, личность*) — переносным. Но в период X—XIV вв. по существующим памятникам не удается обнаружить ни одного случая употребления этого слова в световом значении, но зато встречается огромное количество случаев употребления в морально-оценочном значении. Характерно при этом, что и антоним к слову *темный — светлый* в этот период имеет только морально-оценочное значение. Где же тут прямые и переносные значения?» [12]. Не совсем ясно, в каких источниках исследователю не удалось обнаружить «световых значений» двух указанных слов, так как было бы достаточно обратиться к «Материалам...» И. И. Срезневского, чтобы их заметить («нощи бо сущи тьмьнѣ», «вѣ такои тьмьнѣ пещерѣ пребывая единъ» и т. п.). Главное, однако, не в этом,— никак нельзя согласиться с тем историческим (даже этимологическим!) толкованием мотивированности, которое дает автор, поскольку речь идет о значениях слова в современном языке (ведь говоря о значениях прилагательного «темный» в сочетаниях «темная комната», «темная личность», автор, несомненно, имеет в виду «все современные словари» с о в р е м е н н о г о русского языка).

Несомненно, что ознакомление с историей слова часто помогает понять особенности его употребления в современном языке. Но не менее очевидно и то, что уже пройденный словом путь не может иметь значения для установления места и функций слова, так, например, общность происхождения слов *прятать* и *опрятный, спасти* и *опасный* и т. п. не определяет их употребления в современном языке.

Совершенно ясно также и то, что историческая характеристика значений слова не может основываться на современном восприятии его семантики. Так, только с точки зрения современного языкового восприятия могут быть поняты, например, такие высказывания, как следующее замечание Р. А. Будагова об истории слова

---

[12] В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957, стр. 222.

красный в русском языке: «От фигурального значения, известного уже (? — *Д. Ш.*) старому языку (*красный* 'красивый'), слово устремляется как бы к более точному «предметному» значению (*красный* по отношению к цвету) с тем, чтобы на основе этого значения вновь подняться к фигуральному осмыслению (*красный* 'революционный')»[13]. Конечно, первоначальное значение этого слова не является «фигуральным» в историческом плане.

«Переносное» с исторической точки зрения значение в тот или иной период развития языка может стать его основным значением; употребление слова в исторически «основном» значении будет ощущаться говорящими в таком случае как какая-то реализация его метафорических возможностей.

Однако в целом ряде случаев процесс перераспределения значений слова нельзя считать завершенным. В этих случаях семантическая характеристика слова, действительно, нередко оказывается как будто не вполне ясной. В частности, возникает вопрос о том, как определить реальные критерии того, что новое, развивающееся значение уже стало основным, а устаревшее значение оттеснено на второй план. Этот вопрос существен не только для лексикографической практики, поскольку от его решения зависят принципы построения многих словарных статей[14], но и в теоретическом отношении, так как он связан с тем или иным пониманием семантической структуры слова.

8. То, что словарный состав языка непрерывно изменяется, а при этом, во-первых, сохраняет в своем пассивном фонде устаревшие элементы, во-вторых, оказывается проницаемым для самых различных по происхождению новообразований, делает вопрос о характеристике динамического аспекта словаря актуальным и при описании его современного состояния.

Основные способы номинации, т. е. способы образования новых названий предметов и явлений, обычно действуют в языке на протяжении длительного времени,

---

[13] Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 32.

[14] Так же, как и расстановка соответствующих помет, ср.: Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., 1958, стр. 122—123.

вновь образуемые в соответствии с тем или иным из этих способов названия в известной мере обусловливаются уже существующими образованиями, их место в словаре зависит от установившихся в нем отношений. Кроме того, лексика является как раз той областью, где говорящие не только наиболее непосредственно реагируют на различные изменения, но и наиболее активно оценивают употребляемые ими языковые средства, в том числе их происхождение, историю, строение, этимологическую форму.

Однако именно все эти обстоятельства особенно настоятельно диктуют необходимость отграничения собственно генетической характеристики современного словаря (в том числе — действовавших и действующих в нем способов номинации) от характеристики его современного состава и структуры.

С точки зрения того, как складывался словарь современного языка, существенно определить различные источники его пополнения и выделить в нем связанные с этими источниками элементы. Так, мы можем установить, какие слова и в какое время были заимствованы русским языком из других языков, для каких слов иноязычный оригинал служил образцом всевозможных семантических преобразований.

Однако с точки зрения современного словоупотребления это оказывается несущественным; гораздо более существенным становится вопрос о частотности различных лексических единиц и их стилистической прикрепленности. Более того, здесь возможно (и действительно часто наблюдается) своеобразное переразпределение, изменение характерологической значимости определенных слов. Например, с точки зрения исторической лексикологии было бы существенным определить слова типа *варака, карбас, корба, лахта, луда, пахта* и др. под. как заимствования из прибалтийско-финских языков сравнительно рано[15] (уже в XVI—XVII вв.) засвидетельствованные памятниками русской письменности, относящимися к северным районам страны. С точки зрения современного словоупо-

[15] Вопреки тому мнению, что «севернорусские слова финского происхождения не встречаются в наших древних памятниках письменности за редкими исключениями» (П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 156).

требления все эти слова характеризуются как диалектные (севернорусские) наименования, смыкаясь в этом смысле с другими, исконными по происхождению, диалектными словами, ограниченными той же территорией.

Говоря об этом в более общем плане, нужно заметить, что вопрос о заимствовании и заимствованиях по существу это вопрос исторической, а не описательной лексикологии. Для последней он дробится на ряд других вопросов, касающихся так называемых иностранных слов в составе национальной общелитературной лексики (ср. существование словарей именно с таким названием), варваризмов, профессионализмов, иногда диалектизмов и жаргонизмов и т. д. Однако вопрос о заимствовании как одном из способов номинации, действующих в современном языке, тесно связан с определением системных отношений, существующих в лексике современного языка, с установлением конкретного характера того «динамического равновесия», в котором она находится.

Точно так же при характеристике современного состава и структуры лексики проблема словообразования как процесса, естественно, вытесняется проблемой мотивированности различных лексических единиц. Для нас становится важным не то, как было образовано слово, а то, на какие связи указывает его словообразовательная форма и в какой мере она влияет на его применение в речи.

Отдельные примеры так называемого обратного словообразования, которые часто приводятся (*зонтик→зонт-ик→зонт* и т. п.), любопытны как подтверждение общего тезиса о возможности изменения направления деривации, но они, конечно, никак не исчерпывают этой общей проблемы [16], которая в целом важна для уяснения «мотивационных» отношений, существующих в тот или иной период существования языка.

Проблема семантических переносов наименований, появления у слова новых значений актуальна для описательной лексикологии только в той мере, в какой эти новые значения ощущаются носителями языка именно как новые, еще не вполне закрепившиеся в языке». По-

[16] Ср.: Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая.— В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике, стр. 60.

нятно, что процесс их закрепления в языке не регламентирован какими-то определенными сроками; в отдельных случаях он растягивается на неопределенное время, иногда вообще закрепления так и не происходит.

Однако в тех случаях, когда перед нами многозначное слово с устойчивыми значениями (даже если некоторые из них определяются как «переносные»), вопрос о времени возникновения каких-то из этих значений, об их историческом развитии, естественно, не ставится при синхронном анализе смысловой структуры слова. Но поскольку в самой структуре отражен характер связей между отдельными значениями, постольку в задачи такого анализа входит его определение. Поэтому ошибочно полагать, будто бы понятия метафоры, метонимии отсылают к истории, а потому ссылка на них неправомерна в синхронном исследовании. Другое дело, что два разных их аспекта должны быть четко отграничены друг от друга; но метафорические или метонимические связи между значениями слова, существующие в данное время, естественно, должны учитываться при синхронном анализе. Опять-таки другое дело, что они должны быть более точно определены.

Но это же относится, к сожалению, и ко многим другим терминам и понятиям лексикологии.

Учитывая особенности лексики, о которых говорилось выше, мы должны заранее предположить, что установление системных связей здесь значительно сложнее, чем в грамматике или фонологии, нет поэтому ничего удивительного в том, что самое понимание лексики как системы оказывается у различных исследователей весьма неоднородным.

В ряде работ, вышедших за последнее время, был поставлен вопрос о теоретических предпосылках и принципах системного анализа лексики, о возможностях ее структурного изучения[17]. По поводу того, какие элемен-

---

[17] См., например: B. Pottier. Vers une sémantique moderne. «Travaux de linguistique et de litterature, II, 1. Strasbourg, 1964; J. Lyons. Structural semantics. Oxford, 1963; U. Weinreich. On the semantic structure of language. «Universals of language». Ed. by J. Greenberg. Cambridge (Mass.), 1966, стр. 142—216; A. Greimas. Sémantique structurale (recherche de methode). Paris, 1966; ср. также соображения Л. Ельмслева о структурной семантике, высказанные им на VIII Международном лингвисти-

ты значений слов могут быть выделены в результате собственно лингвистического анализа, что принадлежит семантике слова как единице языка, а что представляет собой свойства обозначаемого словом денотата внеязыковой реалии, высказывались очень различные мнения. Здесь наблюдается, например, стремление одних исследователей анализировать лексические значения лишь со стороны наиболее «общих» семантических признаков, в то время как другие предлагают включать в лингвистическое описание семантики слова даже такие признаки, которые можно почерпнуть лишь из специальных наук.

Так, А. Греймас выделяет в значении французского слова tête два семантических инварианта («семических ядра»); это, по его мнению, во-первых — extrémité, во-вторых — sphéroïdité. Вокруг этих «семических ядер», в ряде случаев осложненных добавочными признаками (столь же общего характера), группируются различные употребления французского слова «голова». Характерно, что (как замечает сам автор) определение «часть тела» вообще не входит при этом в семантическое содержание слова [18].

Т. П. Ломтев, напротив, считает, что «если бы мы поставили задачу определить смысл слова *земля*, то мы должны были бы привести три смысла слова *земля* в качестве имени трех разных предметов», при этом «смысл слова как имени первого предмета можно представить в виде множества следующих дифференциальных семантических элементов: 1) „космическое тело", 2) „несамосветящееся космическое тело", 3) „космическое тело, вращающееся вокруг солнца", 4) „космическое тело с большой массой" [19]. Как отмечает автор, «дифференциальный элемент „космическое тело с большой массой" необходим для того, чтобы отличить космическое тело Земля от других космических тел, например метеоров. Дифференциальный элемент „космическое тело, третье от солнца" необходим для того, чтобы отличить Землю от других планет солнечной системы» [20] и т. д.

ческом конгрессе в Осло (см. сб. «Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 117—136).

[18] A. Greimas. Указ. соч., стр. 45—48.

[19] Т. П. Ломтев. О построении аналитико-смыслового словаря русского языка. «Русск. язык за рубежом», 1957, № 3, стр. 31.

[20] Там же.

Самое отношение к семантическому анализу «конкретной лексики» у разных исследователей далеко не совпадает.

Так, например, Ю. Д. Апресян в числе прочих отличий «современной структурной» семантики от «традиционной» отмечает и такое: «В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. При этом обычно не проводится различия между тем, что́ в некотором языке принадлежит его собственной системе, а что́ — искусственным языкам наук и других терминологических областей, пользующихся некоторыми средствами данного естественного языка» [21]. «В этом отношении отличие современной семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов» [22].

В последние годы появился целый ряд исследований самых различных групп лексики, которые представляют несомненный интерес, в той или иной степени дают возможность наметить дальнейшие пути семантического анализа.

Например, компонентный анализ отдельных областей лексики (термины родства и т. д.) был проведен рядом американских ученых [23]. Э. Бендикс проанализировал семантическую структуру группы глаголов (соответствующих значениям *иметь, дать, взять* и т. д.) в английском, хинди и японском языках и т. д.[24] Из работ, исследующих материал русского языка, можно назвать работу О. Н. Селиверстовой, посвященную анализу группы глаголов с общим смысловым компонентом «излучать свет» [25]. Автор обнаруживает системную организацию этих глаголов, представив их значения в виде комбина-

---

[21] Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 17.

[22] Там же, стр. 19.

[23] См. обзор этих работ: A. Wallace and J. Atkins. The meaning of kinship terms. «American anthropologist», 1960, v. 62, № 1, стр. 58—60.

[24] E. Bendix. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. Bloomington, 1966.

[25] См.: О. Н. Селиверстова. О роли исследования свойств денотатов при выделении семантических компонентов. «Материалы II симпозиума по психолингвистике». М., 1968, стр. 39—44.

ции четырех различительных признаков: «контрастной смены освещенности сетчатки глаза», «периодичности изменения интенсивности излучения (уменьшения и увеличения)», «рассеяния света» и «четкости деления на периоды». Как отмечает автор, первый из выделенных признаков может быть определен только в результате исследования «денотативной способности» слова.

На важных общетеоретических предпосылках основано конкретное исследование, предпринятое А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком [26]. Авторы считают, что выделив около 30 «семантических параметров» (представляющих «в содержательном плане» некий «очень общий смысл», имеющий множество словесных реализаций), можно описать огромное количество несвободных сочетаний типа «тяжело болен», «хранить молчание» и т. п. Фрагменты исследования, которые авторы опубликовали к настоящему времени, представляются очень интересными, хотя во многом не кажутся пока что до конца убедительными. Наиболее спорным представляется допустимость объединения в одном параметре очень различных по степени связанности словосочетаний; ср. Func (приказ) = исходить от; Func (зависть) = снедать; Real (голод) = утолять; Real (испытания) = выдержать и т. д.

Оригинальное исследование семантики русских глаголов проведено Ю. Д. Апресяном [27]. Главный интерес исследования заключается в том, что оно показывает на конкретном материале возможность применения объективных критериев как для разграничения значений многозначных глаголов, так и для объединения их в определенные семантические группы.

---

[26] См.: А. К. Жолковский и И. А. Мельчук. О возможном методе и инструментах семантического синтеза. «Научно-техническая информация», 1965, № 6, стр. 23—28 (другие работы этих же авторов указаны в статье: И. А. Мельчук. К вопросу о «внешних» различительных элементах: семантические параметры и описание лексической сочетаемости. «To honor Roman Jakobson». Hague, 1967, стр. 1340—1361).

[27] См.: Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола.— См. также: Он же. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. «Лексикограф. сборник, вып. V. М., 1962, стр. 52—72; Он же. О понятиях и методах структурной лексикологии. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 141—162; Он же. К вопросу о структурной лексикологии.— ВЯ, 1962, № 3, стр. 38—46.

Ю. Д. Апресян исходит из предположения, что синтаксические свойства глагола взаимосвязаны с его семантикой. Анализируемые глаголы рассматриваются в предикатных фразах, которые сведены к «ядерным конструкциям», отражающим, по мнению автора, основные синтаксические свойства данного глагола. Все множество фраз на основании принципов совместимости и трансформируемости разбивается на «идеальные фразы»; «идеальная фраза интерпретируется как самостоятельное значение глагола, а различие идеальных фраз — как различие его значений» [28]. Таким образом, выдвигаются объективные критерии для разграничения глагольных значений.

Кроме того, проведенный анализ делает возможным и объективную группировку различных значений, так как во многих случаях общность синтаксических признаков различных «идеальных фраз» совпадает с общностью их семантических признаков.

То, что вызывает больше всего сомнений в книге Ю. Д. Апресяна, связано с общим понятием «трансформируемости». Границы «трансформируемости» в ряде случаев оказываются достаточно неопределенными, так как не принимаются во внимание те семантико-грамматические соотношения, которые лежат в основе разных типов трансформаций, основанных на деривационных связях слов (ср.: *Он ненавидит пошлость — Пошлость ненавистна ему; Книга интересна ему — У него интерес к книге* и т. п.; ср.: *Снег покрывает поле — Снежный покров поля* и т. п.). Не совсем ясно также, не следует ли различать разные типы совместимости (несовместимости), например, с одной стороны, несовместимость фраз *Пилить рамку из дерева — Пилить рамку на части* (в случае их «ориентированности»), и с другой — фраз, вроде *Поддержать женщину за талию — Поддержать женщину советом* и т. д.

При всем различии подходов к изучению системных отношений в лексике, при всем несходстве методологических принципов и исследовательских приемов, в лингвистических работах последних десятилетий совершенно очевидно стремление к раскрытию взаимосвязанности и взаимообусловленности лексико-семантических явлений.

---

[28] Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, стр. 79.

Как кажется, в настоящее время основным требованием к семантическому анализу должно быть требование точных лингвистических оценок, которые даются анализируемым фактам; его выполнение не гарантируется только строгим определением «исследовательского аппарата» [29],— не менее важным представляется точное определение самих лингвистических понятий, лежащих в основе наших представлений о разных сторонах языка.

По-видимому, нужно всячески стремиться к тому, чтобы разграничить те расхождения во взглядах лингвистов на цели, задачи и «границы» семантического анализа лексики, которые действительно предполагают обсуждение, так как связаны с разным пониманием языковых явлений, требующих однозначной характеристики, и те из них, которые в общем вытекают только из того, что сферы интересов различных исследователей не совпадают.

Поэтому вряд ли нужно дискутировать по поводу того, например, какие части лексики подлежат семантическому анализу. Кстати, постулируемое Ю. Д. Апресяном (и упомянутое выше) ограничение ставит под угрозу применимость семантических методов анализа не только к конкретной, как думает автор, но и к абстрактной лексике, которая, как известно, тоже в значительной своей части «терминологична».

---

[29] Разумеется, можно по-разному оценивать «строгость» различных исследовательских методов, но совершенно несомненно, что даже самая искусная «математизация» неопределенных лингвистически фактов языка является пустым занятием, «так как,— отмечал А. Ляпунов в статье «Математика и современность»,— тщательное описание эмпирического материала является необходимым этапом построения точной системы знаний». Возможно ли такое предварительное описание в виде «семантической алгебры», не кажется заранее очевидным. Мнения специалистов по этому вопросу расходятся. Автор книги «Язык, математика и лингвистика», задумавшой как «введение в математику для лингвистов» (и заметим, кстати, раскритикованной другими специалистами по этому вопросу) признает, что он пришел к выводу, что «язык в действительности не является строго определенной системой». «Я думаю теперь,— пишет он,— что всякое приближение, которого мы можем достигнуть, предположив, что язык — это строго определенная система, оставляет в стороне как раз те свойства реальных языков, которые наиболее важны» (Ch. Hockett. Language, mathematics and linguistics. The Hague, 1967, стр. 10).

Такое ограничение не кажется бесспорным и по следующим соображениям. Автор предполагает «существование особого, не данного в прямом наблюдении «семантического языка», на котором мысль записывается и хранится в психике человека... «Словами» семантического языка являются, по предположению, некоторые элементарные семантические признаки...; их комбинации дают значения слов естественного языка» [30]. В другой своей книге автор так поясняет роль семантического языка: «Мы говорим: «Я не помню его точных слов, но мысль его состояла в следующем», и мы излагаем далее своими словами то, что сохранили в своем сознании на языке мысли» (разрядка везде Ю. Д. Апресяна)[31]. Но ведь мы запоминаем и можем передать своими словами и сообщения о конкретных предметах. Как же оно записывается в нашей памяти? Почему в нашей памяти вообще хранятся значения, отягощенные конкретными, не воспроизводимыми в других значениях признаками?

По-видимому, самая возможность правильно передать своими словами чужую мысль (любую понятную нам мысль) свидетельствует лишь о существовании в естественном языке самых разнообразных связей, сближений между различными значениями, которые и отражены в сознании говорящих на данном языке.

Одной из задач семантики нужно считать именно определение характера такого рода связей и сближений. При этом, по-видимому, будет установлена единичность, уникальность некоторых отношений, но в то же время обнаружены и некоторые повторяющиеся типы отношений между различными словами [32].

---

[30] Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, стр. 9.

[31] Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, стр. 253.

[32] Ср. замечания У. Чейфа «Например, 'цвет' можно считать компонентом значения 'красный', а оба значения 'цвет' и 'красный' компонентами значений 'темнокрасный', 'алый'... Но понятие таксономических компонентов не имеет никакой другой ценности, кроме того, что оно подчеркивает... явление включения. 'Цвет', 'красный' и любой другой подобный компонент характеризуется уникальными дистрибутивными свойствами. Ни одна единица... не может быть определена ее таксономическими компонентами. Темнокрасный — это, действительно, 'цвет' и разновидность 'красного', но тем не менее это значение должно

Вряд ли целесообразно заранее отказываться от рассмотрения каких-то лексико-семантических связей только на том основании, что они обусловлены реальными связями обозначаемых данными словами предметов и явлений. Поскольку значения лексических единиц всегда в той или иной степени определяются природой обозначаемых ими предметов и явлений действительности, установление каких-либо «чисто семантических» категорий в этой области вообще оказывается в известном смысле иллюзорным. И те семантические элементы, к которым в конечном счете могут быть сведены «абстрактные» значения, столь же «экстралингвистичны» и несопоставимы друг с другом, как и те «уникальные» признаки «конкретных» значений, которые отягощают так называемую конкретную лексику. Самое понятие «конкретная лексика» не кажется вполне определенным, а тем более однородным. Несомненно, что среди массы слов, обозначающих физические предметы, могут быть обнаружены самые разнообразные лексические группы, по-разному организованные и различно соотнесенные друг с другом. Было бы странно считать, что значения соответствующих слов не являются «значениями» в лингвистическом смысле слова только на основе того, что те или иные методы исследования неприменимы для их анализа.

получить еще и уникальное определение 'темнокрасный', чтобы его можно было отличить от 'алый'. Таким образом, 'темнокрасный' сам по себе является компонентом, который делает все другие компоненты избыточными. Большой интерес... представляют единицы, которые входят в повторяющиеся отношения...» (W. L. Chafe. Meaning in language. «American anthropologist», 1965, v. 67, № 5 (2), стр. 26—27.

Проблема определения слова

*

1. Никто не сомневается в том, что единицей лексики (соответственно: лексикологии) является слово; но как только речь заходит об определении этой единицы, многое сразу же становится сомнительным и спорным.

Слово относится к числу тех лингвистических категорий, предлагаемые определения которых сразу же встречаются с некоторой настороженностью и даже недоверием. Самая возможность проявления приемлемой для большинства лингвистов дефиниции слова представляется, по крайней мере сейчас, довольно сомнительной.

Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, уже предложено бесчисленное количество определений слова, которые существенно отличаются друг от друга[1] и редко использовались кем-нибудь, кроме (да и то не всегда) самих их авторов. Чаще о них вспоминают лишь для того, чтобы показать их неудовлетворительность[2].

Во-вторых, в слове перекрещиваются самые различные лингвистические интересы: фонетические, морфологические, лексикологические, синтаксические, социо- и этнолингвистические, не говоря уже о слове как объекте логики, психологии, философии, а в наше время также и

---

[1] Как отмечал К. Тогебю, «слово, несомненно, является таким лингвистическим термином, который подвергался самым различным интерпретациям» (K. Togeby. Qu'est ce qu'un mot. «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», 1949, v. V, стр. 97).

[2] Одним из немногих исключений является книга Р. Росетти о слове, в которой в общем принимается определение А. Мейе (см.: A. Rossetti. Le mot, esquise d'une théorie générale. Copenhague, 1947). В переведенном у нас «Словаре лингвистических терминов» (М., 1960) Ж. Марузо также воспроизведено это определение.

общей семиотики, теории информации и т. д. А это делает возможным (и оправданным) определение слова с разных сторон. В то же время учет всех разнообразных аспектов слова, который сам по себе очень важен, вряд ли может быть осуществлен при формулировке его определения.

В-третьих (и это тоже немаловажная причина), слово является той единицей языка, которая наиболее непосредственно воспринимается и выделяется самими говорящими. У каждого носителя языка (в том числе и лингвиста) есть какое-то несформулированное представление о слове. Понятно, что научная дефиниция не может полностью соответствовать данному представлению. Но такое несоответствие до сих пор оказывалось не в пользу последней.

Трудность сформулировать удовлетворительное лингвистическое определение слова была причиной тому, что некоторым лингвистам казалось целесообразным вообще не рассматривать слово как единицу лингвистического анализа[3]. Едва ли можно считать, что это решает проблему. Слово все равно остается исходной единицей лингвистического анализа, даже если в центре внимания оказываются такие единицы, как монема, морфема, текст, высказывание и т. д. В ряде случаев выделение слова является и конечной целью анализа. Независимо от того, что, по общепринятому мнению, нет удовлетворительных определений слова, большинство лингвистов считает его «основной единицей языка». Попытки отказаться от понятия слова как лингвистической категории[4] в настоящее время в общем не встречают сочувствия.

---

[3] «Необходимо освободиться от неопределенного понятия слова» (Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 315). «Язык состоит в основном из единиц, которые, согласно распространенному мнению, являются словами, но термин «слово» неясен и не поддается определению» (H. E. Palmer. The scientific study and teaching of languages. London, 1937, стр. 11).

[4] На практике, главным образом, в работах американских дескриптивистов, признавших базисной единицей языка «морфему». «Американский структурализм, таким образом, все еще не пришел к необходимости вычленения лексем как элементарных единиц, обладающих лексемной функцией, принципиально отличной от морфемной (ср. характерный для дескриптивистов термин «морфемный лексикон»). По-видимому, это связано с

2. Вместе с тем разительные расхождения в определениях слова, неудовлетворительность или недостаточность отдельных определений приводили и приводят некоторых исследователей к выводу, что дать удовлетворительное общее определение слова невозможно. Ж. Вандриес писал: «Есть языки, в которых слово очень легко определяется как единица независимая и неделимая. Но зато есть языки, в которых оно сливается с фразой и где его можно определить только при условии включения в него самых разнообразных элементов» [5]. В связи с этим «слову не может быть дано общего определения, применимого ко всем языкам, кроме предложенного Мейе и оставляющего неясной как раз грамматическую категорию слова: «Слово есть результат связи определенного значения с определенным комплексом звуков, способным к определенному грамматическому употреблению» [6].

Эта точка зрения разделяется и некоторыми современными лингвистами [7].

тем, что американцы игнорируют такую основную «глобальную» единицу языка, как слово...» (Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова. Американский структурализм. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 197—198). Следует заметить, что избежать термина «слово» часто при этом не удается; см., например: Т. Гэлсон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959; Z. S. Harris. Methods of structural linguistics. Chicago, 1951.— Хоккетт (см. ниже) дает и определение слова. Довольно подробно о слове как единице языка, занимающей «парадоксальное положение в современной лингвистике», говорит Гринберг (J. H. Greeberg. Essays of linguistics. N. J., 1957, стр. 27 и сл. (там же предлагается и определение слова, на основе понятия субституции, которое, по мнению автора, снимает противоречие между его фонологическими и грамматическими определениями).

[5] Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 89.

[6] Там же, стр. 90.— Ср. часто цитируемое замечание Л. В. Щербы: «В самом деле, что такое «слово»? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия «слово вообще», не существует» (Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. «Избр. работы по языкознанию и фонетике», т. I. Л., 1958, стр. 9).

[7] Например, И. П. Иванова считает, что «жалобы на отсутствие общего удовлетворительного определения слова едва ли обоснованы. Различие языков в типологическом отношении делает, по-видимому, невозможным удовлетворительное определение слова для всех языков» (И. П. Иванова. К вопросу о возможности единого определения слова. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.— Л., 1963, стр. 163). К этой точ-

То, что структура и функционирование слова в языках различных типов могут быть различны, совершенно бесспорный факт. Но следует ли отсюда, что отказ от общего определения слова неизбежен и теоретически оправдан? Собственно, самая формулировка этого положения (ср. в приведенном высказывании Л. В. Щербы: «... что такое слово?... в разных языках это будет по-разному») никак не представляется безупречной: ведь для того чтобы утверждать, что признаки слова в разных языках не совпадают, как раз и нужно знать, что такое слово во всех этих разных языках, а следовательно, усматривать что-то общее в сопоставляемых единицах; иначе у нас вообще нет никаких оснований их сравнивать и тем более отмечать какие-то различия. Как писал А. И. Смирницкий, «все многообразие особенностей отдельных языков может, однако, нисколько не препятствовать определению „слова вообще", поскольку в этом многообразии выделяются и общие черты, выступающие как наиболее существенные признаки слова, при всех возможных отклонениях от типичных случаев» [8].

Примечательно, что указания на трудность дать общее определение слова, пригодное для языков разных типов, чаще всего вовсе не следует из сопоставления «частных» определений слова для отдельных языков, которые признавались бы удовлетворительными. Таким образом, в основе подобных высказываний лежит имплицитное представление об универсальной значимости этого понятия.

3. Отказу от понятия слова как лингвистического понятия, безусловно, препятствует реальность слова как единицы самого языка. Э. Сэпир писал, что «переходные случаи, как бы они ни были головоломны, все же не в состоянии подорвать принцип психологической реальности слова. Языковой опыт, будь он выражен в стан-

---

ке зрения присоединяется и М. Д. Степанова: «Как представляется, односторонность характеристики слова и стремление к универсализации самого понятия слова в разных языках являются основными источниками ошибочности или неполноты его толкований и, особенно, определений», см.: М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). М., 1968, стр. 26.

[8] А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). «Вопросы теории и истории языка...» М., 1952, стр. 184.

дартизованной писанной форме или же засвидетельствован в каждодневном употреблении, непререкаемо показывает, что по общему правилу не бывает ни малейшей трудности осознать слово как психологически нечто реальное. Неопровержимым доказательством этого может служить хотя бы тот факт, что у наивного индейца, совершенно непривычного к понятию написанного слова, никогда не чувствуется серьезного затруднения при диктовке ученому лингвисту текста на родном языке слово за словом...» [9]. Скептическое отношение к понятию слова и призыв освободиться от него, как известно, сопровождались у Ф. де Соссюра (насколько об этом можно судить по тексту его «Курса») признанием реальности, более того, решающей роли этой единицы в механизме языка. Ф. де Соссюр отмечал, что «в нас сразу же вселяется недоверие, как только мы вспомним, что о природе слова было много споров; и несколько поразмыслив об этом, мы убеждаемся, что понятие слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице языка» [10]. Но несколько дальше он заметил следующее: «С практической точки зрения любопытно было бы начать с единиц языка, определить их и классифицировать в меру их разнообразия. Надо было бы выяснить, на чем основывается разделение на слова, ибо слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка,— по одной этой теме достаточно для заполнения целого тома» [11].

---

[9] Э. Сэпир. Язык. М.— Л., 1934, стр. 27.— Ср. у М. В. Панова: «С каким упорством и трудом обучают детей морфологическому анализу, а словесному не учат — это дается без всякой науки. В бытовом разговорном языке нет ни слова *предложение* (в грамматическом его значении), ни тем более слова *морфема*. Попросите человека, не знающего школьной премудрости, сказать какое-нибудь предложение — он не поймет вас. На просьбу же сказать какое-нибудь слово отзовется всякий. Такая простая и ясная вещь: слово. Но она же оказывается самой трудной, неясной, загадочной» (М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1956, т. 51, стр. 129).

[10] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 107.

[11] Там же, стр. 111.— «Против всех аргументов «хулителей» слова,— пишет А. А. Реформатский,— как бы ни были глубокомысленны их соображения, восстает непосредственное ощущение слова и слов в речи, опыты счета слов наивно говорящими и, наконец, здравый смысл» (А. А. Реформатский. О фоно-

Но именно центральное положение слова в механизме языка, как это ни парадоксально с первого взгляда, и делает его определение столь трудным, так как, благодаря такому положению, слово является своего рода средоточием самых разнообразных и разнородных признаков, которые неодинаково отграничивают его от других единиц языка. Естественно, что определения, учитывающие одни из этих признаков, оказываются не вполне совместимыми с определениями, основанными на других признаках. А поскольку в языке к тому же существуют, как это хорошо известно, «переходные», «промежуточные» явления, то границы слова, устанавливаемые тем или иным определением, действительно, часто оказываются не вполне определенными.

«Создано много определений слова,— отмечает М. В. Панов,— они разнообразны, но у всех есть одна общая особенность: эти определения требуют по самому существу своему небольшого дополнения в скобках:

Слово — это то, что называет (но иногда слово и не называет: *ах, за, бы*).

Слово — это то, что передает понятие (а иногда и не передает: *это, Сидор Павлович*).

Слово — то, что легко выделяется в предложении (иногда — не очень, о чем говорят частые ошибки малограмотных: *аунего изавтра временито можетбыть ненайдется*).

Слово — то, что имеет определенные фонетические признаки (увы, иногда их и нет).

И т. д. и т. д. Все определения, очевидно, улавливают только отдельные, причем обычно даже не самые существенные стороны слова» [12].

В том же примерно смысле, но не столь «импрессионистично», наоборот, с классификацией различных определений и с соответствующими ссылками, но зато без каких бы то ни было указаний на то, в чем «недостаточность» и «несостоятельность» приводимых определений, высказывается И. Е. Аничков [13]. Предложенные ра-

---

морфологической делимитации слова. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», стр. 62).

[12] М. В. Панов. О слове как единице языка, стр. 129—130.

[13] И. Е. Аничков. Об определении слова.— В сб.: «Морфологическая структура слова».— Автор отмечает только недостаточность определения слова, данного А. Мейе, упрекая его, в част-

нее определения слова автор распределяет по шести группам:

«1) как предельного минимума предложения — Щерба, Блумфилд, братья Фаулеры, Л. Р. Пальмер, Поливанов, Блок и Трейджер, Харрис;

2) как минимальной синтаксической единицы (вариант: как минимального заменимого, или поддающегося подстановке, или смыслоразличительного компонента предложения) — Сунт, Бодуэн-де-Куртенэ, Сепир, Якобсон, Альман [14], Мейе, Трнка, Дж. Фирс, Глинц;

3) как минимальной (вариант: как предпоследней в порядке убывающей сложности) значимой единицы речи — Норейн, Ельмслев, Тогебю, Реформатский;

4) как совмещающего в себе признаки фонетические, семантические и грамматические — Мейе, Овсянников-Куликовский, Бюлер, Лазицкус [15];

5) как обозначения элемента действительности — Виноградов, Дорошевский, Галкина-Федорук;

6) как самостоятельного и цельного элемента речи — Норейн, Мейе, Фортунатов, Виноградов, Шор и Чемоданов, Вандриес» [16].

«Каждое из этих определений,— считает И. Е. Аничков,— содержит большую или меньшую долю истины: каждое из них недостаточно и само по себе несостоятельно» (стр. 150).

Недостаточность определений, основанных на отдельных признаках слова, отмечается и другими современными лингвистами.

Здесь снова возникает проблема «слова вообще» — уже не в разных языках, а хотя бы в одном языке, но такого «слова», которое могло бы объединить все приписываемые ему признаки.

ности, в том, что «оно не дает критерия для разграничения полисемии и омонимии» (стр. 147). Здесь вопрос о слове как единице языка (т. е. об отграничении его от других единиц языка) переходит уже в другой вопрос — о слове как семантическом единстве (т. е. об отграничении единиц одного уровня друг от друга). Неясно, кроме того, как можно дать такой критерий (его, как известно, усердно ищут многие лингвисты) уже в определении самого слова.

[14] В более обычной у нас транскрипции — Ульман.

[15] В обычной транскрипции: Лазицкиш.

[16] И. Е. Аничков. Указ. соч., стр. 148—149.

4. Из того факта, что определения слова, основанные на отдельных его признаках, неодинаково очерчивают границы последнего, можно сделать, разумеется, разные выводы.

Одним исследователям представляется, что «слово вообще» — это фикция. Как пишет С. Е. Яхонтов, «слово вообще» просто «не существует». Каждый «признак слова» есть в действительности признак или фонетического слова, или флективного слова, или «цельного» слова и т. д.»[17]. «Графическое слово, словарное слово, фонетическое слово, флективное слово, «цельное» слово — все это разные вещи. Они связаны между собой, очень часто даже совпадают; например, в русском языке, как правило, совпадают графическое, флективное и «цельное» слово. И все же это не одно и то же»[18]. Остается неясным, чем обусловлена, на чем основана «связанность друг с другом» этих «разных вещей» и в чем она заключается. Ведь если какие-то явления, как правило, совпадают, то между ними должно быть что-то общее. Это общее и подлежит в данном случае определению, а соответствующая дефиниция и будет отражать признаки именно «слова вообще».

Другие исследователи приходят к выводу, что в определении слова необходимо отразить если не все разнообразные признаки, то по крайней мере все наиболее существенные, которые только в совокупности способны охарактеризовать данную единицу языка. Такой точки зрения придерживается, например, Н. М. Шанский. «Основными признаками слова как лингвистической единицы

---

[17] С. Е. Яхонтов. О значении термина «слово».— В сб.: «Морфологическая структура слова...», стр. 170.

[18] Там же, стр. 171.— В том же сборнике помещена статья А. А. Леонтьева, в которой автор солидаризируется с О. П. Суником, «когда он говорит о возможности нескольких гетерогенных определений слова (фонетического, грамматического, лексикологического) и об ошибочности эклектического объединения таких разнородных определений» (А. А. Леонтьев. О специфике слова, стр. 133).

Следует заметить, что эклектическое объединение чего бы то ни было, конечно, неоправдано,— в том числе и гомогенных определений. Сама же по себе возможность объединения гетерогенных признаков свидетельствует лишь о возможности разносторонней характеристики явлений. Это далеко не всегда нежелательно.

в целом (во всей своей совокупности свойственными лишь классическим словам),— по мнению Н. М. Шанского,— являются следующие: 1) фонетическая оформленность, 2) семантическая валентность, 3) непроницаемость, 4) недвудударность, 5) лексико-грамматическая отнесенность, 6) постоянство звучания и значения, 7) воспроизводимость, 8) цельность и единооформленность, 9) преимущественное употребление в сочетаниях слов, 10) изолируемость, 11) номинативность, 12) фразеологичность»[19]. Тут же Н. М. Шанский выделяет из этих «основных признаков» еще и «предельный минимум признаков, характерных для слова», в который входят: «фонетическая оформленность, семантическая валентность, недвуударность, лексико-грамматическая отнесенность и непроницаемость». «Рабочее определение» слова дается в такой формулировке: «Слово — это лингвистическая единица, имеющая (если она не безударна) в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью»[20]. Недостатки этого определения очевидны: в него включено вторичное по отношению к понятию самого слова указание на его «исходную форму», а также ссылка на «лексическую отнесенность», вносящая в определение элемент «порочного круга». Тем не менее мысль о том, что адекватное определение слова невозможно на основании одного признака, как и о том, что «различные слова могут быть словами в разной степени»[21] (хотя такая формулировка, по-видимому, не вполне удачна), не кажется неправильной.

В то же время ряду исследователей представляется наиболее целесообразным дать определение слова («слова вообще») на основании некоторых однородных критериев; в таком случае заранее очевидно, что наше эмпирическое (интуитивно-языковое, донаучное) представление о слове может не полностью совпасть с тем понятием слова, которое мы получим в результате соответствующей дефиниции.

---

[19] Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1964, стр. 10.
[20] Там же, стр. 31.
[21] Там же, стр. 9.

Исходя из чисто фонетических критериев, дает определение слова, например, Ч. Хоккетт: «Словом является... любой сегмент предложения, ограниченный следующими одна за другой точками, в которых можно сделать паузу»[22].

В. Яссем использует дистрибутивный метод для определения, определяя слово на основе принципа коммутации: «Паузы, или места раздела между непосредственно составляющими, в разделительных коммутациях называем фугами, а словом — фонический ряд, находящийся между двумя последовательными фугами»[23].

К слову как звуковой последовательности, но учитывая одновременно его выделимость и целостность, подходит и П. С. Кузнецов. Он дает определение слову как «единице речи». «Единицу языка, соответствующую слову как единице речи, обычно называют „лексемой". Формальное определение понятия лексемы также очень важно для языкознания, однако оно должно быть построено, пользуясь уже полученным определением слова как единицы речи»[24]. Самостоятельное слово определяется П. С. Кузнецовым так: 1. «Звуковая последовательность, могущая быть ограниченной паузами любой длины, есть звуковая последовательность, которая содержит по крайней мере одно самостоятельное слово»; 2. «Звуковая последовательность, определенная указанным выше способом, внутрь которой не может быть вставлена другая звуковая последовательность, определенная таким же способом, и есть отдельное самостоятельное слово». Служебное слово определяется на основе только что полученных определений: «Звуковая последовательность, которая не является ни отдельным самостоятельным словом, ни частью отдельного самостоятельного слова, есть служеб-

---

[22] Ch. Hockett. A course in modern linguistics. N. J., 1958, стр. 167.— В более ранней работе он определяет слово так: «Любой ряд фонем, употребляемый как целое высказывание и не разложимый на два или более коротких ряда, которые также выступали бы как целые высказывания» (Ch. Hockett. Two fundamental problems in phonemics. «Studies in linguistics», 7, 1949, стр. 36).

[23] W. Jassem. Proba funkcjonalnej definicji wyrazu. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», 1960, XIX, стр. 47.

[24] П. С. Кузнецов. Опыт формального определения слова.— ВЯ, 1964, № 5, стр. 75.

ное слово»[25]. Таким образом, самостоятельное слово определяется как звуковая последовательность, могущая быть ограниченной паузами любой длины и внутрь которой не может быть вставлена другая звуковая последовательность, определенная таким же способом; служебное же слово получает негативную характеристику. Неприменимость указанных критериев в отдельных случаях, требующих введения дополнительных условий, отмечена в другой работе самого автора[26].

На возможность вероятностного определения слова указывает А. Мартине в статье, посвященной слову[27]. Вероятность звука (буквы), возрастающая к концу слова, по мнению автора, делает более понятным тот факт, что «между препозитивным грамматическим элементом и следующим ядром существует естественный раздел, которого нет между ядром и постпозитивным элементом», т. е. грамматическим аффиксом[28].

Об объективных фонетических признаках, выделяющих слово в речевом потоке, говорится в последней из указанных выше статей П. С. Кузнецова, в цитированной работе А. А. Реформатского и др.; основы общего учения о делимитативной функции звуков было заложено Н. С. Трубецким, который отмечал: «Большей частью мы безошибочно узнаем из совокупности контекста, где находится та или иная «звуковая примета» (реализованная фонема): в конце одного или в начале другого, следующего за первым осмысленного звукового комплекса = слова или морфемы). Возможность недоразумений, как

---

[25] Там же, стр. 76—77.— Ср.: А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова.— В кн.: А. М. Пешковский. Сб. статей. М., 1925, стр. 36—37.

[26] П. С. Кузнецов. Введение к объективному определению границ слова в потоке речи. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». Изд-во МГУ, 1968, стр. 192 и сл.

[27] A. Martinet. Le mot. «Diogène», 1965, № 51, Juillet — Sept., стр. 39—53.

[28] Там же, стр. 50.— Указывая далее, что, наряду с бесспорными случаями, обнаруживается ряд промежуточных, А. Мартине снова обращается к понятию «монемы», отмечая, что без остатка всякое высказывание делится именно на монемы, а не на слова. На невозможность дать слову такое определение, которое совпало бы с его «наивным» пониманием, А. Мартине неоднократно указывал ранее. См., например, его «A functional view of language» (Oxford, 1962, стр. 90).

правило, крайне незначительна, главным образом потому, что при восприятии любого звукового выражения мы обычно уже заранее настраиваемся на определенную, ограниченную сферу понятий и принимаем во внимание только такие лексические элементы, которые принадлежат этой сфере. Если все же каждый язык имеет особые фонологические средства, которые в определенном пункте непрерывного звукового потока сигнализируют о наличии или отсутствии границ предложения, слова или морфемы, то эти средства играют всего лишь подсобную роль»[29]. Наблюдения Н. С. Трубецкого и других исследователей[30] над разграничительными сигналами важны потому, что они показывают объективные (специфические в каждом языке) особенности членения звукового потока в соответствии со смысловыми единицами языка. Ведь, конечно, языковая роль «разграничительных сигналов» не только в том, что они довольно нерегулярно («не всюду, где они в принципе возможны, а лишь кое-где») сигнализируют о границах морфемы, слова и предложения, но и в том, что они отражают реальное языковое членение; они являются не только сигналами в речевом потоке, но и сигналами языковой стратификации. Вместе с тем наблюдения Н. С. Трубецкого важны потому, что они указывают на ограниченную роль звуковых сигналов, на их факультативный характер при разграничении языковых единиц. Исходя из этого, мы с большой долей вероятности можем предположить, что и другие фонетические признаки слова не могут быть сами по себе решающим фактором при его определении.

Привлекательность «формальных» определений слова (из которых наиболее удачным представляется определение П. С. Кузнецова) состоит в том, что в них используются объективные языковые показатели, что они основаны на «языковой материи», которая наиболее доступна непосредственному наблюдению, а заключения о ней — прямой экспериментальной проверке[31]. Но все эти опре-

---

[29] Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 300.

[30] См. также: М. В. Панов. О разграничительных сигналах в языке.— ВЯ, 1961, № 1, стр. 3—19.

[31] Отвергая, например, приведенное выше определение Хоккетта, В. Яссем ссылается именно на экспериментальные данные (указ. соч., стр. 48).

деления являются, конечно, по существу не определением «единицы, неотступно представляющейся нашему уму», о которой говорит Ф. де Соссюр, а всего лишь правилами выделения того, что мы должны (согласно данному определению) считать «словом». Поэтому поиски еще каких-то признаков слова по-прежнему остаются актуальными.

5. Интересной и, как кажется, во многом убедительной представляется точка зрения А. И. Смирницкого, также стремящегося дать определение слова, основываясь главным образом на одном его признаке. Определяющим признаком слова А. И. Смирницкий считает грамматическую оформленность. Он пишет: «Проблема отдельности слова расчленяется на два основных вопроса: а) вопрос выделимости слова, представляющий собой вместе с тем вопрос о различии между словом и частью слова (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); и б) вопрос цельности слова, являющийся вместе с тем вопросом о различии между словом и словосочетанием» [32].

Говоря о выделимости слова, он устанавливает, наряду с непосредственной выделимостью слова, «косвенную, остаточную, или отрицательную», выделимость слова, т. е. выделимость слова «вследствие прямой, положительной выделимости соединяемых с ним слов» [33]. А. И. Смирницкий отмечает, что «если в каком-либо языковом образовании АВ единица А (или В) есть часть слова, то и единица В (или А) также есть часть слова, и, напротив, если А (или В) есть слово, то и В (или А) есть по меньшей мере слово (т. е. либо слово, либо более сложное образование — эквивалент слова: фразеологическая единица или даже свободное словосочетание, но никак не часть слова)» [34].

Приведенное рассуждение представляется вполне логичным, но только именно по отношению к комплексу АВ. Как кажется, из него нельзя делать вывод, что В (или А) являются отдельным словом или частью слова и во всех других случаях. Так, например, из того факта, что *-шел* (В) является частью слова в сочетании *пошел* (АВ) (так как А, т. е. *по-*, есть часть слова), нельзя, очевидно,

---

[32] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 187.
[33] Там же, стр. 193.
[34] Там же, стр. 192—193.

заключать, что В является частью слова во всех случаях употребления этого звукового комплекса.

В отличие от словосочетаний (как свободных, так и фразеологически связанных) слово характеризуется «цельнооформленностью», которая представляет собою «наиболее существенный и сам по себе достаточный признак, отличающий сложное слово от словосочетания»[35]; идиоматичность, невыводимость значения целого из значения составляющих его частей, может сопутствовать цельнооформленности (в сложных словах), но может и выступать в «раздельнооформленных образованиях». Существенным признаком словосочетания, признаком, отличающим его от слова, признается именно его «раздельнооформленность».

Рассматривая взаимоотношение между сложным словом, фразеологической единицей и словосочетанием, А. И. Смирницкий указывает, что «признаки цельнооформленности и идиоматичности взаимно пересекаются — сложные слова могут быть «идиоматичными» (*прямоугольник, пароход, железнодорожный* и т. п.) и «неидиоматичными» (*седобородый, черноглазый* и т. п.); в свою очередь «раздельнооформленные образования» разделяются на «идиоматичные» (фразеологические единицы) и «неидиоматичные» (свободные, «классические» словосочетания). Так, идиоматичными являются такие словосочетания, как *дом отдыха, общественный деятель, железная дорога*, неидиоматичными — *седая борода, длинная борода, человек с бородой*[36].

6. Как видим, критерий идиоматичности при определении слова играет для А. И. Смирницкого дополнительную роль.

Этот критерий признан решающим (достаточным для отграничения слова от других единиц) в цитированной выше статье М. В. Панова.

М. В. Панов считает, что «при определении слова через грамматическую форму мы упускаем специфику лексики; лексику определяем как нечто не лексическое,

---

[35] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 202.

[36] Там же, стр. 200; см. также: А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1952, вып. II, стр. 99—103.

слово определяем через часть слова — притом через лексически как раз менее всего характерную часть (через аффикс)» [37]. Он подвергает серьезной критике основные положения А. И. Смирницкого. Поскольку в своем определении слова мы в значительной степени основываемся именно на концепции А. И. Смирницкого (а также и автора цитируемой статьи), рассмотрим подробнее аргументы, выдвинутые М. В. Пановым.

В первую очередь у М. В. Панова вызывает возражение утверждение А. И. Смирницкого, что «слово оформляется определенным образом именно как таковое, как целое: части слова, вообще говоря, лишены той степени оформленности, какую имеет слово, почему они и не обладают необходимой закопченностью и воспринимаются именно как части слова, а не как отдельные слова...» М. В. Панов указывает, что аналитические формы глагола, вроде *буду писать* противоречат этому определению (*буду* — единица вполне грамматически оформленная, так же как и *писать*, следовательно, это отдельные слова, но «единая грамматическая оформленность более высокого порядка есть и у всего сочетания — значит, это слово, Таким образом, слово состоит из слов...» [38]. Ведь есть, — продолжает М. В. Панов,— служебные слова, которые вносят грамматическую оформленность в другие слова: следовательно, они — фактор (и факт) грамматической оформленности другого слова, т. е. (по взглядам А. И. Смирницкого) эти слова — часть другого слова. Здесь т у п и к» [39].

Здесь не будет тупика, если искать выход в другом направлении. Нужно решительно признать, что при любом определении слова — основано ли оно на перечислении всех эмпирически обнаруженных признаков тех единиц, которые мы заранее (на основании интуитивных представлений или каких-то других соображений) считаем словами, или на выдвижении «основного» их признака,— служебные и знаменательные слова не могут приобрести одинаковый лингвистический статус. Служебные слова всегда будут соответствовать либо лишь части выдвигаемых признаков, либо определяться в результате

---

[37] М. В. П а н о в. Указ. соч., стр. 137.
[38] Там же, стр. 131.
[39] Там же, стр. 131—132.

«остаточной выделимости» (ср. их характеристику, данную П. С. Кузнецовым в цитированной работе). Идущее из древности деление слов на служебные («неполнозначные», «частичные», «несамостоятельные») и знаменательные («полнозначные, «самостоятельные») имеет под собой глубокую основу.

Нужно заметить, что и критерий идиоматичности не дает возможности определить служебные слова наравне со знаменательными. М. В. Панов отмечает такой вид фразеологичности: «единство ряда значений при немотивированности изменения звуковой формы» (*желтизна, краснота, синева, фиолетовость*) [40]. Но такой же вид фразеологичности мы наблюдаем и в предложно-падежных сочетаниях: ср. *на Кубе*, но *в Англии; на Кавказе*, но *в Крыму* и т. п. Оспаривая использованный А. И. Смирницким принцип «косвенной, или остаточной, выделимости», М. В. Панов пишет: «... *на суд. Суд* — слово, значит и *на* — слово... Все это не так просто, как кажется. Ведь с точки зрения, которую отстаивает А. И. Смирницкий, здесь *суд* явно не слово (значит и *на* — тоже не слово). В сочетании *на суд* винительный падеж дан не только нулевой флексией; но и предлогом... А. И. Смирницкий считает доказанным, что в этом сочетании *суд* — слово, по это доказано не данной теорией» [41]. «*Он явился на суд. Он, явился, суд* — подходят под определение; это слова. *На* — остаток, не подходит под определение..., но — все-таки слово. Впервые к такому допущению прибегнул А. М. Пешковский; за ним — А. И. Смирницкий» [42].

Но такое допущение не кажется столь уж неправомерным. Можно утверждать, что к аналогичному допущению, вслед за названными исследователями, прибегает и М. В. Панов. Сам он не останавливается на вопросе о служебных словах с точки зрения принимаемого им критерия. Но посмотрим, дает ли данный критерий возможность отграничить их.

Слову дается такое определение: слова — «это смысловые единства, части которых не составляют свободного сочетания» [43]. Автор допускает разную степень идиома-

---

[40] М. В. Панов. Указ. соч., стр. 152.
[41] Там же, стр. 132.
[42] Там же, стр. 135.
[43] Там же, стр. 146.

гичности («фразеологичности»): «Все, что отвечает этому требованию, есть (в той или иной степени) слово» [44]. И дальше: «...во многих фразеологических сочетаниях (*железная дорога, дом отдыха*) на раздельность указывают и грамматические признаки. Они спорят с главными, решающими признаками слова. Однако те единицы, в которых основные признаки слова не в ладу со второстепенными, составляют полосу переходных случаев от слова к не-слову... Переходные случаи такого рода должны быть: они есть в любой области языка. Если сказанное верно, т. е. если сочетание *не видно ни зги* и пр.— слово, хотя и занимающее переходные области к не-словам, то, кроме ранее сделанного вывода: слово — то, что фразеологично,— следует сделать и иной: то, что фразеологично — слово» [45].

Если допускается существование промежуточной зоны от слов к не-словам в сторону словосочетаний, почему не допустить существование такой же промежуточной зоны (от слов к не-словам) в направлении к морфемам (частям слов)?. В *явился на суд* — три слова, по-видимому, потому что *явился, на, суд* — фразеологичны каждое в отдельности. Но ведь в *не видно ни зги — не, видно, ни* — сами по себе такие же слова (они как раз в том же смысле фразеологичны, как и слова в предыдущей фразе), но все сочетание, по М. В. Панову,— тоже слово, так как оно тоже фразеологично само по себе (фразеологично уже по другой причине, а именно вследствие того, что *ни зги* не употребляется в других сочетаниях). Перед нами та же остаточная выделимость — только «наоборот». Кстати, сочетание *на суд* тоже до некоторой степени фразеологично. Ср. *явиться на суд* и *явиться в суд*. Ср. *на дворе и во дворе*, но только *на улице*. Эти ограничения (а таких случаев масса среди предложно-именных сочетаний) не мотивированы, как и в сочетаниях: *страх берет, зависть берет* (при невозможности *удовольствие берет, радость берет* и т. п.), которые признаются фразеологичными [46]. Как использовать критерий фразеологичности для выделения предлогов — остается неясным. *Желтизна, краснота, синева, фиолетовость* —

---

[44] Там же.
[45] Там же, стр. 163.
[46] Там же, стр. 140—141.

фразеологичны, поэтому слова. «Все суффиксы синонимичны. Но поменять их местами, сказав *желтота, синесть, фиолетовизна, краснева* — нельзя»[47]. Предлоги *в* и *на* в сочетаниях *в комнате* и *на кухне, в Крыму* и *на Кавказе* и т. д.— тоже синонимичны, но поменять их местами, сказав *на комнате, на Крыму* и *в Кавказе* — тоже нельзя. Следовательно, эти сочетания — слова, а предлоги — части слов? С таким решением М. В. Панов не соглашается.

Доказывая недостаточность критерия грамматической оформленности, он пишет: «Следовательно, слово — это то, что грамматически оформлено, а также и то, что грамматически не оформлено. Представим, что у вас в корзине яблоки и камни. Мы начинаем искать определение тому, что в корзине: вкусное, сочное, румяное... Выбираем все, что подходит под это определение. В корзине остаются камни. Неожиданный вывод: ничего не поделаешь, будем и их считать яблоками... Разве не ясно, что если получается остаток, то самое наше определение неверно. Определи мы общие признаки всех предметов в корзине верно (круглое, относительно твердое), не получилось бы никакого остатка. Определение слова прямо требует признать предлоги чем угодно, только не словами. Но исследователь на это решиться не может, так как этого не позволяет общее, всем присущее живое чувство языка»[48].

Но ведь то же живое чувство языка никак не противоречит утверждению, что предлоги — это все-таки какие-то особые, «не совсем» слова. Особый принцип их определения («остаточная выделимость») это и отражает. Понятие же фразеологичности именно здесь и не вносит большей последовательности и ясности в вопрос о слове.

Так обстоит дело с критерием идиоматичности («фразеологичности»).

М. В. Панов доказал на целом ряде убедительных примеров, что слово — идиоматично. Но он не доказал с той же степенью убедительности (и, как нам кажется, и не мог доказать), что все, что идиоматично,— слово. Можно еще согласиться с тем, что *съесть собаку, не видно ни зги, дом отдыха, железная дорога* — слова. Труднее согла-

---

[47] М. В. Панов. Указ. соч., стр. 152.
[48] Там же, стр. 135—136.

ситься с тем, что *зависть берет* — тоже слово (так же как *страх берет* и т. д.; однако здесь и автор непоследователен, так как он пишет: «... слово *берет* в сочетаниях *тоска берет, страх берет...*» [49] и т. д., т. е. *берет* он называет словом). Но служебные слова явились вообще тем «камнем», который остался не преодоленным (и не определенным).

7. Рассмотрение точек зрения А. И. Смирницкого и М. В. Панова на критерии слова приводит к выводу, что оба критерия неизбежно дополняют друг друга: один учитывает форму выражения единицы, другой форму ее содержания. Нет никаких оснований сожалеть о разнородности этих критериев: сама определяемая единица является двусторонней единицей, ее двусторонний характер и должен быть отражен в определении,— следовательно, определение как раз должно быть построено на разнородных критериях. Можно поддержать такое утверждение Ч. Бейзелла об определении фонемы: «... фонемы — это ни артикулярные, ни акустические, ни первые (neural), ни чисто функциональные единицы; фонемы — это лингвистические единицы, которые должны быть постулированы на основании совпадающих показаний всех уровней. Именно это совпадение создает единицу. «Лингвистическая реальность» фонемы, как и любой другой единицы языка,— это как раз факт совпадения различных критериев в одной точке. Маргинальный характер единицы определяется отсутствием их совпадения» [50].

Соображения А. И. Смирницкого требуют двух дополнений.

Во-первых, грамматическую оформленность нужно понимать более широко, чем просто морфологическую оформленность. В понятие грамматической оформленности слова входит, также его синтаксическая характеристика. То, что эта характеристика не предопределена лексическим содержанием, показывает, в частности, такое наблюдение: «В некоторых случаях,— замечает Т. В. Булыгина,— элементарный знак в самом себе несет указание на отношение к другим элементам высказывания (так, например, русск. *вчера* или *завтра* содержат соответствен-

---

[49] Там же, стр. 140.

[50] C. E. Bazell. Phonemic and morphemic analysis. «Word», 8, 1952, № 1, стр. 35.

по не только идею «вчерашности» или «завтрашности», но и указание на то, что данный знак является обозначением времени действия, т. е. несет адвербиальную функцию; русск. *там* помимо идеи «тамошности», содержит указание на то, что данный знак играет роль «обстоятельства места» и т. п.)»[51]. Вообще морфологическая оформленность слова неразрывно связана с его синтаксической функцией и в целом подчинена ей. Отсутствие внешних показателей этой оформленности в свою очередь предопределяется синтаксической функцией слова. Поэтому-то во многих определениях слова и подчеркивается именно его синтаксическая самостоятельность, его роль в предложении[52].

Во-вторых, критерии грамматической и фонетической оформленности слова вряд ли целесообразно рассматривать независимо при определении слова, так как они решающим образом дополняют друг друга. М. В. Панов, безусловно, прав, когда он говорит, что есть служебные слова, которые вносят грамматическую оформленность в другие слова; в этом смысле они, действительно, являются фактором грамматической оформленности другого слова, наряду с аффиксами. Но они не являются в том же смысле, что аффиксы, факторами фонетической оформленности слова. Это и позволяет не считать их частью данного слова. А их «отъединяемость» в потоке речи позволяет считать их также словами, хотя и другого «сорта». Если учесть, что критерии А. И. Смирницкого и П. С. Кузнецова во многом однотипны (невозможность вставить в слово другое слово; «остаточная» выделимость служебных слов), хотя эти исследователи исходят из разных уровней «оформленности» слова, можно признать, что фонетическое и грамматическое в целом характери-

---

[51] Т. В. Булыгина. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке. «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 8.

[52] Одним из последних по времени определений слова, в котором синтаксический момент выдвинут на первый план, является определение, данное в «Словаре лингвистических терминов» (М., 1966) О. С. Ахмановой: «Предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного участка («кусочка») действительности и направляться (указывать) на эту последнюю...» (стр. 422).

зует слово с одной и той же стороны. Иначе и быть не может, так как и то и другое является формой по отношению к лексическому содержанию слова, хотя, разумеется, это формы разных уровней.

8. Каждая единица языка определяется прежде всего ее основной функцией. Функция слова определяется в ряду: фонема (смыслоразличительная функция), слово (номинативная функция), предложение (коммуникативная функция). Таким образом, слово является номинативной единицей, единицей наименования.

Каждая значимая единица языка представляет собой двустороннюю единицу. Формой слова является одновременно его звуковое выражение и грамматическая структура, содержанием — его лексическое значение.

Выделимость слова дает возможность говорить о его цельнооформленности (фонетической и грамматической), непредсказуемость значения (немотивированность или неполная мотивированность) — о его идиоматичности.

Сказанное дает основания так сформулировать наше понимание того, что такое слово. Слово — это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью.

9. В языке существуют центральные и периферийные, четко отграниченные друг от друга и промежуточные явления. Между двусторонними единицами различных «ярусов» нет непреодолимых границ.

В этом существенная черта языковой стратификации. Между фонемой и морфемой (т. е. односторонней единицей и «ближайшей» к ней двусторонней единицей) — непреодолимая пропасть. Фонема может сама по себе представлять морфему, морфема может состоять из одной фонемы, но такой ситуации, чтобы перед нами было что-то среднее,— то ли морфема, то ли фонема — быть не может.

Однако между морфемой (частью слова) и словом, между словом и словосочетанием — «открытая граница». Этим отчасти и обусловлены расхождения в определениях слова, построенных на основе различных признаков.

Существование таких единиц, которые находятся на границе слова и морфемы, на границе слова и словосочетания — несомненный факт самого языка. Любопытно, что многими исследователями этот факт одновременно и

признается и используется как довод против тех или иных критикуемых определений слова [53]. Указывается, например, на то, что отдельные местоимения можно разбить предлогом: *никто, ничто, некого, никого, никому* и т. д., но — *не у кого, ни у кого, ни к кому, ни с кем* и т. д. Следует вопрос: как же их расценивать? Как расценивать некоторые частицы? Ср. *кто-нибудь, кто-либо, кое-кто,* у *кого-нибудь, к кому-нибудь, кое у кого, кое к кому.* Как расценивать сцепления, вроде *почти что, пока что* и т. п.?

Еще труднее применить какой бы то ни было критерий слова к значительному количеству наречий, образованных из форм имен существительных или прилагательных с предлогами. Так, А. И. Смирницкий считал, что поскольку такое образование, как *на суд* («Глухой глухого звал на суд судьи глухого»), входит в ряд образований *под суд, к суду, для суда, ввиду суда, в целях суда, для совершения суда* и пр., где слово *суд* в различных его формах выступает «как в достаточной мере оформленная и законченная единица», поскольку и соединение *на суд* можно разъединить определением — *на ваш суд, на товарищеский суд* и пр., постольку слово *суд* воспринимается совершенно несомненным словом; а следовательно, и единица *на* должна быть признана отдельным словом [54].

Однако можно заметить, что лексически обособленное значение тех или иных именных форм с предлогом нередко поддерживается параллельным значением других форм. В то же время и степень обособления, и объем параллельных рядов в различных случаях неодинаковы. Установить здесь определенную грань часто бывает трудно. Даже резко обособившиеся в своем специальном лексическом значении формы оказываются иногда все же

---

[53] Разумеется, никакой подлинной трудности не представляют эпизодические (в речи; в некоторых же научных рассуждениях о слове — довольно устойчивые) примеры изолированного употребления морфем, вроде фразы из Белинского: «Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других „манов"». Морфема в таких случаях, действительно, употреблена «в качестве слова». Свойственная лексике возможность окказионального словотворчества никак не препятствует этому. Здесь не больше оснований для каких-либо сомнений, чем по поводу того, например, что морфемы (наименования морфем) употребляются изолированно в грамматических трудах.

[54] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 192—195.

семантически связанными с рядами других образований, в которые входят формы тех же слов. Ведь и в приведенном примере — *на суд* (звал на суд) в какой-то мере лексически обособлено (ср.: жаловался на суд, не обращал внимания на суд и т. п.); в своем обособлении это сочетание поддерживается такими сочетаниями, как *под суд, к суду* (ср.: отдали под суд и подкапывался под суд; привлечь к суду и подготовить к суду); образования же *в целях суда, для совершения суда* и пр.— не вполне соотносительны с предыдущими. В то же время основы таких наречий, как *вверх, вниз* — воспринимаются в ряду других форм (*вверху, доверху, кверху, наверх, сверху, внизу, донизу* и т. д.) как достаточно оформленные и самостоятельные единицы (ср.: *поверх, сверх*). Если же вопреки их слитному написанию признать эти наречные образования состоящими из двух слов, то опять-таки всплывут такие случаи, где оформленность и смысловая самостоятельность вторых частей не столь ясна, так как поддерживается более ограниченным количественно и семантически менее сплоченным рядом. Ср.: *вбок, сбоку, под боком, бок о бок, набок, с боку на бок;* данные образования представляют собой уже не последовательный ряд, а какие-то перекрещивающиеся ответвления, в неодинаковой мере сохраняющие связь с исходным существительным.

Иногда связь между оторвавшимися формами, ставшими отдельными словами, и исходным именем не является непосредственной,— она намечается только потому, что та или иная форма соприкасается в своем значении одновременно и с другой, более изолированной формой, и с именем, даже с отдельным падежом имени, в котором уже накапливаются какие-то наречные признаки, но который еще не успел до конца оторваться от соответствующего слова как целостной «системы форм и значений». Таким образом, связь становится уже завуалированной и непрямой. При этом степень семантической обособленности, «идиоматичности» тоже может быть различной. Ср. взаимоотношение между такими образованиями: *до конца, вконец, наконец, в конце концов, в конце, под конец; в силе, в силах, в силу, не в силе, под силу, насилу, от силы, силой; под руку, под рукой* (попалось под руку, нет под рукой; говорить под руку), *на руки, на руках* (выдать на руки, иметь на руках, т. е. при

себе), *на руку* (мне это на руку; нечист на руку), *с руки* и *с рук* (сошло с рук, сбыл с рук и т. п.), *в руках* и *в руки* (все у него в руках и все в его руках, взял в руки и в свои руки) и т. д. Ср. адвербиализацию недостаточных, но не до конца изолированных форм: *на цыпочках* и *на цыпочки; на четвереньках* и *на четвереньки*. Вторые части этих образований изменяются в полном соответствии с живыми нормами склонения имен существительных (встал на цыпочки, подошел на цыпочках); поэтому нельзя сказать, что не воспринимается их оформленность. В то же время предлог слишком тесно слился с именной основой, чтобы она воспринималась в отрыве от именно данного предлога. Получается любопытная картина: падежные окончания еще ясно различаются как таковые (например, *подмышкой, подмышками, подмышку, подмышки*), а предлог, который обусловливает эти окончания, слит с основой имени и прикреплен к ней настолько тесно, что в тех падежных формах, которые несовместимы с данным предлогом, он выступает как неотделимая часть основы слова (*подмышка, за подмышки* и т. п.). Ср. *за пазухой, за пазуху, из-за пазухи*, где *за* настолько притягивается к основе, что появляются такие формы, как в загадке, приводимой В. И. Далем: «Сам наг, а рубашка в (за)пазушке? свеча» [55] или в загадке «Сама нагая, а рубашка в запазухе» [56]. Ср. *за границей, за границу, из-за границы* и — *заграница*.

С другой стороны, существуют такие соединения, как *на скаку, без ведома, в обрез* и др., допускающие разрыв: *на полном скаку, без моего ведома, в самый обрез* и т. п.

10. Подобные примеры, а количество их очень значительно, действительно, не поддаются однозначной интерпретации (слова **скак* — нет, элемент *скаку* может быть только в соединении *на скаку*, но в это соединение можно вклинить другое слово). Разумеется, мы могли бы, используя только критерий идиоматичности, считать, что *на скаку* — слово, *на полном скаку* — другое слово. Вряд ли это разрешило бы проблему в целом.

---

[55] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. Изд. 2. СПб.— М., 1880—1882.

[56] М. А. Рыбникова. Загадки. М.— Л., Academia, 1932, стр. 323.

Возьмем, например, такие внешне однотипные наречные обороты, как *нога в ногу, точка в точку, с глазу на глаз, лицом к лицу, голова в голову* и т. д. Составные части одних из этих оборотов (*голова в голову, плечо к плечу*) не имеют сами по себе идиоматической обособленности. В других (*нога в ногу, точка в точку*) дается как бы уточнение, развитие того идиоматического значения, которое присуще одному из компонентов (*в ногу, в точку*). В третьи же формально входят такие образования, которые сами по себе имеют совершенно иное идиоматическое значение, никак не связанное со значением данного целого (*с глазу на глаз* и *на глаз, лицом к лицу* и *к лицу*; ср. *с боку на бок* и *сбоку* и *набок*). Естественно, что и идиоматичность целого и семантическая значимость предлога как такового в этих случаях неодинаковы.

Дело, таким образом, не только в том, что разнородные критерии, вступая в противоречие друг с другом, затрудняют точную квалификацию такого ряда единиц, но и в недостаточности единого критерия, когда дело касается реально существующих в языке переходных явлений.

Можно было бы предположить, что картину здесь осложняют предлоги с их двусмысленным статусом «частичных слов». Но аналогичные трудности возникают и при проведении демаркационной линии с другой стороны — при отграничении слова от словосочетания.

Цельнооформленными и легко выделимыми являются составные части таких соединений, как *еле-еле, едва-едва, чуть-чуть, крепко-накрепко, нежданно-негаданно, один-одинешенек, волей-неволей, дурак-дураком* и т. п. Но рядом оказываются такие образования, где одна из составных частей не употребляется самостоятельно, например: *просто-напросто, день-деньской, мало-мальски, давным-давно, полным-полно, черным-черно* и др. Общее значение таких удвоений, как *крепко-накрепко* и *просто-напросто*, как *черным-черно* и *дурак-дураком*,— однородно (экспрессивное усиление).

А. И. Смирницкий считал, что поскольку компоненты фразеологических единиц «обычно совпадают с какими-либо словами... или хотя бы имеют оформление слов» (*ни зги*), «постольку фразеологические единицы обыкновенно могут рассматриваться как особого рода (а имен-

но — идиоматичные) словосочетания». «Таким образом, компоненты фразеологических единиц можно и нужно считать словами, но только специфически употребленными. То, что некоторые слова, вроде *зги*, окажутся иначе и не употребляемыми, не меняет сути дела подобно тому, как, например, недостаточность отдельных глаголов (т. е. неполнота их парадигмы) не меняет общей системы спряжения в целом и не делает эти глаголы неглаголами» [57]. Однако дело осложняется, помимо прочего, тем, что, во-первых, та или иная застывшая форма может и не поддерживаться построением целого, например:

Бушует норд. Вчера Москва
Послала дирижабль. *Ни зги!*
По радио сквозь вой пурги
Едва доносятся слова

(К. Симонов, Мурманские дневники);

во-вторых, один из компонентов фразеологической единицы, несмотря на эту поддержку, может утрачивать собственное оформление, как бы сливаясь с другим, например *ни синь пороха* наряду с *ни синя пороха* [58]. А. А. Шахматов отметил, что в сочетании слова *номер* с порядковыми числительными «слово *номер* так тесно сочетается с этими его определениями, что становится как бы первою и притом неизменяемою частью прилагательных, являющихся определениями при другом существительном: *Он живет в доме номер восьмом; Мы доехали в вагоне номер двадцать пятом*» [59].

Таким образом, взаимное притяжение двух слов, степень их слияния в одно сложное слово могут быть весьма различными и определяются в отдельных случаях разнообразными причинами. Это неоднократно отмечалось исследователями. Интерес ко всем этим «переходным случаям» определяется не только теоретическими соображениями, но и непосредственными потребностями упорядочения орфографии. «В то же время как, например, *Москва-река, Ильмень-озеро, Гуд-гора* и т. п.,— отмечал А. Б. Шапиро,— пишутся через дефис, сочетания того же

[57] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 202—203.
[58] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 308.
[59] Там же, стр. 309.

состава, но с обратным порядком слов пишутся раздельно: *река Москва, озеро Ильмень, гора Машук* и т. п. Это объясняется тем, что в первом случае мы имеем дело с сочетаниями, превращающимися в одно слово (ср. все чаще и чаще наблюдающееся *на Москва-реку, за Москва рекой* и т. п.), чего нет во втором случае»[60]. «Во многих случаях два слова (а изредка и большее число слов) утрачивают свою лексическую самостоятельность и вступают на путь превращения в одну лексическую единицу, не доходя, однако, до полного слияния в одно слово. Поскольку процесс этот чрезвычайно многообразен, совершается постоянно и обычно довольно медленно, мы постоянно застаем отдельные объединяющиеся лексические единицы на разных ступенях их движения к слиянию в одну новую лексическую единицу. Все это находит отражение на письме»[61].

11. Образование сложных слов путем объединения двух (или больше) основ в одну лексическую единицу, оформленную как одно слово, и сочетание слов, т. е. соединение слов в предложении, обычно рассматриваются как грамматически различные явления. В. В. Виноградов писал: «Образование слов при посредстве словосложения (основосложения), конечно, должно описываться с учетом связи и соотношения соединяемых слов... Однако анализ разных типов словосложения на основе прямой аналогии с соответствующим словосочетанием в составе предложения... не правомочен»[62]. С этим утверждением можно согласиться, но приходится вместе с тем констатировать, что самое разграничение сложных слов и словосочетаний далеко не всегда само по себе очевидно. Иллюстрацией могут служить сложные прилагательные, составленные из наречия и прилагательного или причастия, такие, как: *малоблагоприятный, маловероятный, маловразумительный, маловыгодный, многообещающий, вышеиз-*

---

[60] А. Б. Шапиро. Русское правописание. М., 1951, стр. 124—125. Ср. в «Евгении Онегине»:

Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой
В могиле, в мать-земле сырой! (гл. VII, XVIII).

[61] Там же, стр. 120.

[62] В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. «Вопросы теории и истории языка...» М., 1952, стр. 140.

ложенный, вышестоящий, труднопроходимый, трудновоспитуемый, близлежащий, дорогостоящий, скоропортящийся, легковоспламеняющийся и т. п. Ср. *не слишком обещающий, не очень благоприятный* и т. п.

А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова отметили, что в английском языке образования типа *stone wall, speech sound* и т. п. «находятся как бы в состоянии неустойчивого равновесия, постоянно колеблются между словосочетаниями (с прилагательными-определениями) и сложными словами (с основами существительных в качестве определяющих компонентов). Оставаясь внешне неизменными, такие образования могут осмысляться различно — в зависимости от обстоятельств» [63]. Эти образования «можно определить как нестойкие сложные слова, легко распадающиеся и превращающиеся в словосочетания...» [64]. В русском языке особую группу представляют собой такие «составные прилагательные», как *физико-математический, историко-филологический, литературно-музыкальный, буржуазно-помещичий, англо-американский, датско-норвежский, фабрично-заводской, орловско-курский, осенне-зимний, горько-кислый* и т. п. Цельнооформленность подобных образований не препятствует наличию «сочинительной» связи между входящими в них частями, которые воспринимаются как вполне самостоятельные лексические единицы, только по-особому объединенные [65]. То, что некоторые образования подобного рода могут употребляться терминологически, не меняет существа дела, так

---

[63] А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. Указ. соч., стр. 114.
[64] Там же, стр. 116.
[65] А. И. Смирницкий рассматривая вместе образования типа *датско-норвежский*, с одной стороны, и *овцебык, пароход*, с другой, считал, что первые элементы здесь «слишком явно выступают именно как части слов и тем самым не допускают понимания вторых компонентов как отдельных слов» (указ. соч., стр. 194).

Однако есть очевидное различие в «неоформленности» первых компонентов таких образований, как *пароход*, и таких, как *датско-норвежский*. В то время как компонент *паро-* сам по себе не предполагает устойчивого и определенного отношения к последующему компоненту (ср. *пароход, паровоз, паропровод, паробразный, паросиловой*), такая единица, как *датско-*, именно предполагает определенную (сочинительную) связь с последующим компонентом и выступает не как часть слова, а как своего рода «связанный» элемент взаимоотношения между самостоятельными словами.

как и два слова, соединенные, например, союзом *и*, могут употребляться как устойчивые терминологические обозначения; но в то же время различая степень их терминологизации (а соответственно — семантической слитности) не дает возможности единообразно оценить их с точки зрения идиоматичности.

12. Согласно распространенному мнению, границы слова будут по-разному сдвигаться в разные стороны в зависимости от того, какие признаки слова будут признаны решающими. Приведенные примеры показывают, что многие из так называемых промежуточных случаев не поддаются вполне однозначной интерпретации и при попытках применить единый критерий для определения слова. Зона «неопределенности» в общих своих очертаниях остается той же. Меняется лишь оценка отдельных явлений.

Семантическое тождество слова

*

1. Вопрос о слове как единице языка, как мы видели выше, переходит в вопрос о тождестве, о семантическом единстве слова. «Работая над составлением словарей,— писала О. С. Ахманова,— я пришла к выводу, что в общем многочисленные и сложные лексикологические вопросы могут быть сведены к двум основным — проблеме «отдельности» и проблеме «тождества» слова» [1].

Решение одного из этих вопросов не может не влиять на решение и другого.

Проблема семантического тождества слова может быть рассмотрена в трояком аспекте. Во-первых, в связи с регулярными грамматическими видоизменениями слова: какая степень «грамматичности» и регулярности позволяет признать то или иное видоизменение слова — его «грамматической формой», а не новым словом? Во-вторых, в связи с фонетическим варьированием слова: какие признаки соответствующих образований позволяют считать их «фонетическими формами» слова, а не отдельными словами? В-третьих, в связи с семантической многоплановостью слова: какие значения представляют собой семантические варианты одного слова, а какие принадлежат словам-омонимам?

Дальше нас будет занимать именно третий из этих вопросов, относительно первых двух мы ограничимся здесь лишь беглыми замечаниями.

В настоящее время мало кем разделяется крайняя точка зрения, согласно которой *верста* в одном из своих значений «есть иное слово, чем *версты*, *версте* и т. д.

---

[1] О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 4.

в том же лексическом значении»[2]. Однако и в системе склонения имен, и в системе форм глагола обнаруживаются более сложные случаи, интерпретация которых оказывается не вполне бесспорной.

В языке постоянно происходит своеобразный отрыв и семантико-синтаксическое обособление некоторых падежных форм имени или некоторых форм глагола, перестающих быть соотносительными по своему значению и употреблению с другими формами данного имени или глагола. Обособленное употребление отдельной формы, естественно, смещает ее значение и передко передвигает его за рамки общих значений данной части речи. Подобное движение может происходить в направлении к различным служебным словам; конкретный характер этого направления обусловлен различными семантико-грамматическими причинами. То, например, почему отдельные глагольные формы приближаются к частицам, а другие — к междометиям, зависит от природы самих этих форм,— причем именно как вполне определенных глагольных форм, т. е. от их лексической и грамматической характеристики. Решительное причисление этих обособленных форм к частицам и междометиям (и тем самым признание за ними лексической отдельности), хотя и проводится во многих наших лингвистических работах, вряд ли можно признать оправданным.

Для целого ряда имен существительных характерно закрепление в формах множественного числа значений, не вполне соотносительных со значениями тех же имен в единственном числе. Ср., например, *песок* и *пески*, *грязь* и *грязи*, *гора* и *горы* (ср. *в горе* и *в горах*), *вода* и *воды* и т. п. В специальной работе, посвященной проблеме тождества слова, А. И. Смирницкий пришел к выводу, что в тех случаях, когда «отношение к определенному числу превращается уже в п р и з н а к данного комплексного предмета», тогда «грамматическая множественность в соответствующем слове выступает уже и как выразитель л е к с и ч е с к о г о момента», в связи с чем *ус*, с одной стороны, и *усы* в значении «растительность над верхней губой», с другой,— по мнению А. И. Смирницкого, должны рассматриваться как разные слова, так

[2] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 15.

же как, например, *волос* и *волосы* («шевелюра»), *войска* и *войско* и т. п. [3].

В работе А. И. Смирницкого всесторонне рассматриваются критерии отграничения разных слов от вариантов одного и того же слова. Однако самые эти критерии не всегда кажутся бесспорными. Согласно точке зрения исследователя, «грамматические моменты качественно отличны от лексических и сами по себе никак не меняют лексического содержания слова», когда же грамматические различия переходят в лексические,— перед нами уже не варианты слова, а разные слова. В то же время «различие между вариантами, не являющееся различием грамматических форм, может быть либо лексико-семантическим, не выраженным во внешней стороне слова, либо, напротив, внешним, но тогда не выражающим никакого лексико-семантического различия». К вариантам слова (а не отдельным словам) А. И. Смирницкий относит в соответствии с этим фоно-морфологические варианты, подразделяющиеся на фонетические (ср. *кентавр — центавр*), морфологические (*рельса — рельс; лиса — лисица*) и лексико-семантические варианты (*современный* — 1) «нынешний, теперешний», 2) «одновременный с кем-либо, с чем-либо»; *смеяться* — 1) «быть смеющимся», 2) «насмехаться над кем-либо, чем-либо»).

Таким образом, вопрос о том, что считать формой слова, а что отдельным словом, что считать вариантом слова, а что опять-таки отдельным словом, рассматривается А. И. Смирницким одновременно с вопросом о многозначности слова.

Признание не самостоятельными словами, а «вариантами слова» «фоно-морфологических вариантов» в целом кажется достаточно убедительным [4].

Действительно, по-видимому, целесообразней считать не отдельными словами, а вариантами слова такие дублеты, как *кентавр — центавр, рельса — рельс* и под.

Однако серьезные сомнения вызывает отнесение к вариантам, наряду с указанными, и таких соответствий, как *лиса — лисица* (так же как и приводимых О. С. Ах-

[3] А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). «Труды ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. IV, стр. 16.

[4] Подробно эти варианты рассмотрены О. С. Ахмановой, которая пришла в общем к тем же выводам (указ. соч., стр. 192—233).

мановой многих примеров «морфологических вариантов», вроде *нянька — няня, дочка — дочь, дедушка — дед; метелица — метель, пошлятина — пошлость, воротить — вернуть* и т. д.). Более обоснованной представляется точка зрения Ф. П. Филина, который считает, что «при определенных (различных) обстоятельствах словообразовательные аффиксы как бы десемантизируются при одном и том же корне..., но не выпадают из общей системы их употребления, не теряют своей словообразовательной функции.

Следовательно, образования типа *лиса — лисица*, несмотря на их лексико-семантическое тождество и наличие общей корневой морфемы, принципиально невозможно приравнять к формам типа *нуль — нуль, зал — зала* и пр., нельзя считать вариантами одного и того же слова»[5]. Указанный критерий кажется более оправданным. Если слово образовано по достаточно регулярному для современного языка словообразовательному образцу, данное образование должно считаться именно самостоятельным словом, а не вариантом. Иной подход не кажется оправданным не только в силу его субъективности, но и по семантическим соображениям: нельзя не заметить, что сфера применения таких слов различна; ср., например, более устойчивое употребление того же слова *лиса* в значениях «хитрец», «льстец».

Признание существования в языке лексико-семантических вариантов предполагает разграничение явлений омонимии и многозначности. А. И. Смирницкий справедливо замечает, что, «если отрицать явление многозначности слова и всякую лексическую неоднозначность считать омонимией, необходимо будет различать два рода омонимов: 1) омонимы, тесно связанные между собой по значению...; 2) омонимы, между которыми нет никакой конкретной лексико-семантической связи... Следовательно, устраняя понятие полисемии, мы достигаем лишь того, что вместо противоположения полисемии и омонимии получим противоположение двух родов омонимии: 1) типа *дом* I — *дом* II и 2) типа *ключ* I — *ключ* II»[6] (*дом* — «строение»

[5] Ф. П. Филин. О слове и вариантах слова. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.— Л., 1963, стр. 133.

[6] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 39.

и *дом* — «жилье, место обитания»; *ключ* — «приспособление для приведения в действие замка и пр.» и *ключ* — «родник, источник»). А. И. Смирницкий указывает, что такая, по существу всего лишь терминологическая замена не является оправданной, так как между омонимией и многозначностью слова наблюдается не только сходство (в обоих случаях имеется некое различие в значении при одинаковости звуковой оболочки), но и существенное различие: в то время как многозначность — явление типичное и нормальное для всякого языка, омонимия — результат особого стечения обстоятельств, никак внутренне не связанный с общими закономерностями существования и развития языка. Говоря о лексико-семантических вариантах слова, А. И. Смирницкий отмечает, что различия между ними «в очень большом числе случаев находят свое выражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами». Кроме того, отдельным лексико-семантическим вариантам могут быть свойственны некоторые грамматические особенности, которые все же «не уничтожают тождества слова, так как они выступают в качестве обусловленных лексической семантикой. Например, если слово *стол* выступает в значении «питание», «то естественным представляется, что в таком значении это слово не употребляется во множественном числе».

Таким образом, перед нами следующая картина. «Единица *усы*» в значении «растительность над верхней губой» признается другим словом по отношению к слову *ус*, «а следовательно, своего рода омонимом» по отношению к *усы* в значении «более чем один *ус*», на том основании, что здесь «грамматическая множественность... выступает уже и как выразитель лексического момента».

В то же время, так сказать, грамматическая «единственность» слова *стол* в значении «питание», обусловленная лексической семантикой, не делает его самостоятельным словом и «своего рода омонимом» по отношению к *стол* как обозначению «предмета мебели».

В подобной трактовке вопроса, как бы ни обосновывать данное конкретное различие, заключена опасность целого ряда недоразумений, так как несомненно, что если в случае *усы* «более чем один ус» — *усы* «растительность над верхней губой» мы имеем «омонимы», то именно,

по определению А. И. Смирницкого,— «тесно связанные между собой по значению», т. е. такие, которые он считает неоправданным называть «омонимами».

2. При обсуждении вопросов, связанных с разграничением многозначности и омонимии, высказывались самые различные точки зрения. Высказывались и некоторые априорные соображения по этому поводу, смысл которых заключается в отрицании самой возможности многозначности слова.

Отрицание многозначности связывается, в частности, с тем, что в значении слова закреплен результат обобщения; признание многозначности слова, как считают некоторые исследователи, противоречило бы представлению о единстве формы и содержания, поскольку получалось бы, что с одной и той же единицей соотнесены различные понятия.

По мнению В. А. Звегинцева, «слово не может иметь нескольких «значений», напоминая некоторую совокупность синонимов, связанных известными смысловыми отношениями. Поскольку в лексическом значении слова закреплен результат определенного обобщения и этот процесс обобщения не прерывается до тех пор, пока живет и развивается язык, в одном слове не может одновременно происходить нескольких разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений. Лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых сочетаний, которые с разных сторон характеризуют единое смысловое целое... Эти типовые потенциальные сочетания в описанном смысле правильнее всего назвать лексико-семантическими вариантами (термин А. И. Смирницкого) единого значения слова. В соответствии с этим собственно лингвистическое определение лексического значения слова должно принять следующий вид: значение слова — это совокупность его лексико-семантических вариантов» [7].

Можно заметить, что определение «лексического значения» именно как лексико-семантического варианта слова хорошо вскрывает природу значения, однако не в том

[7] В. А. Звегинцев. Семасиология. Изд-во МГУ, 1957, стр. 125—126.

смысле, что здесь варьируется какое-то общее содержание слова, а в том, что значение выступает как позиционно-обусловленный (устойчиво обусловленный синтагматическими связями слова) вариант материально тождественной единицы. Естественно, что в разных значениях, для того чтобы признать их значениями того же слова, должен быть и какой-то связывающий их элемент смысла. Вместе с тем признав «значение» слова совокупностью его «лексико-семантических вариантов», мы говорим уже о другом «значении», что же касается самой проблемы многозначности, то она при этом не снимается, а заменяется аналогичной проблемой семантической «многовариантности» слова. Кроме того, мы оказываемся перед проблемой определения «общего значения» слова, проблемой практически трудноразрешимой. Если мы попытаемся найти «общее значение», например, глагола *расколоть* в сочетаниях *расколоть полено* и *расколоть компанию*, мы должны будем ограничиться выделением его семантической темы «разделить, разъединить», что, конечно, недостаточно для определения реального значения слова ни в том, ни в другом его употреблении. Между тем смысловая связь между различными «лексико-семантическими вариантами» слова во многих случаях вообще основывается не на общности семантической темы, а на таких элементах значения, которые не могут быть представлены как общее значение данного слова (ср. «первичные» и «переносные» значения таких слов, как *освещать, подрывать, подчеркивать, чеканить, бледный, пустой* и т. д.). Ср.: — Вам лучше знать, что у вас *хромает*. *Хромает* — подковать надо (Овечкин, В том же районе). Ясно, что возможность употребления глагола *хромать* не в его «конкретно-физическом» (*лошадь хромает* и т. п.), а в оценочном значении (применительно к занятиям, делам и т. д.) основана не на выделении семантического «ядра» первого значения, а на ассоциативных признаках, связанных с представлением о самом обозначенном глаголом действии. Обнаружение таких ассоциативных связей между значениями целого ряда многозначных слов вообще вносит известные уточнения в обычное утверждение о том, что семантическая целость многозначного слова обеспечивается присутствием в его значениях общего «семантического ядра». Следует заметить в связи с этим, что аналогия между значениями многозначного слова и си-

полимией представляется по существу не вполне точной: материальное тождество лексической единицы, как правило, становится основой сближения даже относительно далеких смыслов, в то время как материальные различия, как правило, приводят к той или иной (семантической, стилистической) дифференциации даже как будто тождественных значений, что и определяет соотношение слов-синонимов.

Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность). Однако именно характер этих отношений не позволяет усматривать в слове какое-то «общее значение», а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого «общего значения». Поэтому утверждение, что каждое слово может иметь только одно значение, если оно не связано с простой терминологической заменой (вместо термина «значения слова» употребляется в «расширительном» смысле термин «омонимы» или вводится термин «семантические варианты» слова и т. п.), а опирается на понятие «общего значения», кажется по существу неправильным. Значения слов *земля, дом* и т. п. объединены не как варианты какого-либо присущего этим словам более общего смыслового содержания, а на основе того, что в смысловое содержание отдельных значений этих слов входят одни и те же семантические элементы, которые и сами по себе, и в своей совокупности остаются именно элементами значений и не могут составить более общего семантического целого. Какое единое «общее значение» можно приписать, например, слову *земля*? Значение, которое могло бы выступать в разных «вариантах»? Если сказать, положим, что это «планета, на которой мы живем и по которой ходим и т. д., ее твердая поверхность, верхние слои, различные части поверхности» и т. п., то мы все-таки придем к определению не «общего значения» слова, а как раз к (нерасчлененному) указанию на отдельные семантические элементы, которые по-разному сочетаются в разных значениях слова, вступая в различные ряды противопоставлений и сопоставлений с другими лексическими единицами, а следовательно, приобретая и новые элементы значения. Пози-

ционная обусловленность отдельных значений слова имеет, таким образом, принципиально иной характер, чем позиционная обусловленность тех или иных видоизменений фонемы.

Об «общем значении» слова представляется возможным говорить только в тех случаях, когда обозначения явлений связаны с указанием на такой их признак, который объединяет различные группы явлений, причем само название не закрепилось за одной определенной группой явлений, а достаточно свободно переносится на явления, имеющие данный признак. Ср. слово *времянка* («временное сооружение, устройство и т. п.»), которое может служить для обозначения разнородных предметов (печка, барак и т. п.[8]), объединяемых только на основе признака, раскрываемого внутренней (этимологической) формой слова. С точки зрения современного состояния языка несущественно, для обозначения каких конкретных предметов первоначально было использовано данное образование и явилось ли его перенесение на другие предметы результатом аналогии или же следствием того, что яркая внутренняя форма слова оказалась более значимой для семантической структуры слова, чем его «специализированная» предметная отнесенность. Внутренней формой слова здесь, собственно, и конструируется его «общее значение», определяющее возможности применения слова. Понятно, что «общим значением» в таком понимании обладают сравнительно немногие лексические единицы. По существу самое название «общее значение» имеет здесь иное содержание, чем в применении к многозначным словам, так как общим оно является не по отношению к различным частным значениям слова, а в том смысле, что оно соотносится с разнородными группами предметов на основе общего признака, который составляет основное семантическое содержание самого слова. Согласившись с утверждением, что «в одном слове не может одновременно происходить несколько разных обобщений», и оказавшись не в состоянии установить «общее значение» для целого ряда лексико-семантических вариантов, мы вынуждены были бы рассматривать их не как варианты слов, а как отдельные слова-омоним

[8] Ср.: Мост этот был дощатый, на бревенчатых сваях — времянка (Рекемчук, Молодо-зелено).

мы. Однако приведенное утверждение само нуждается в доказательстве, зависимость же определенных лексико-семантических вариантов от других для некоторых слов настолько очевидна, что рассмотрение их с точки зрения омонимии вряд ли сделает определение последней достаточно реальных. Ср.: *отдушина* — «1. Отверстие для выхода воздуха, дыма, пара... 2. *перен.* То, что дает выход каким-либо сдерживаемым чувствам, стремлениям и т. п.»; *низкий* — «Имеющий небольшое протяжение снизу вверх... 5. Бесчестный, подлый...»; *ущемить* — «1. Сжать, сдавить что-л. между-чем-л. ... 2. *перен.* Стеснить в чем-л., ограничить (чьи-л. возможности, права и т. п.)» и мн. под.

Хотя в приведенных толкованиях (они взяты из четырехтомного «Словаря русского языка») связь между значениями не отражена в самих толкованиях (на выяснении причин этого нам еще придется остановиться дальше), зависимость от первого значения остальных значений здесь представляется очевидной: эта зависимость определяется, однако, не повторением во «вторичных» значениях каких-либо элементов, существенных для первых значений, а отражением в них ассоциативных, или репрезентативных, признаков, т. е. признаков, так или иначе отражающих представления, связанные с обозначаемыми данными словами предметами и явлениями. Понятно, что отнесение указанных значений к словам-омонимам было бы неестественным, но и подведение их под какое-либо общее значение оказывается невозможным из-за их различной тематической отнесенности. Вместе с тем игнорировать эти «вторичные» значения, признав их ситуативными, нет оснований, так как их закрепленность именно за данными словами не вызывает сомнений (ср. неприменимость в аналогичных ситуациях слов с «близкими» значениями, например *дымоход, невысокий, прищемить* и т. д.).

Будучи отображением в нашем сознании предмета или явления действительности, лексическое значение слова неизбежно заключает в себе понятие об этом предмете или явлении, находящееся в определенной связи с другими понятиями. Язык по-своему отражает эти связи, но невозможно отрицать предметную обусловленность лексических значений во всех их многообразных взаимоотношениях друг с другом. Точно так же невозможно отри-

цать то, что и сами понятия по-разному соотносятся друг с другом. То обстоятельство, что некоторые из них могут быть обозначены одним и тем же словом, нужно расценивать как объективное свидетельство того или иного их сближения, закрепленного в языке в какой-то период его развития. Каждый язык представляет широкие возможности для такого рода сближений. Вряд ли оправданно на основании того, что мы способны, абстрагируясь от языковой формы, представить понятия как отдельные, самостоятельные сущности, находящиеся в более строгом и рационально организованном соотношении друг с другом, чем соответствующие лексические значения, игнорировать взаимообусловленность тех и других.

3. Употребление слова в различных по смыслу словосочетаниях не разрушает семантического единства и тождества слова, опирающегося на тождество его звуковой формы. Способность одного и того же слова быть применимым в разных речевых ситуациях, так или иначе видоизменяющих его значение, но не превращающих тем самым данное слово в ряд отдельных самостоятельных лексических единиц, является сама по себе одним из важных условий функционирования языка. По существу, каждое новое употребление слова зависит от возможности проявления тех сторон его значения, которые соответствуют данному контексту. Употребление глагола *любить* и словосочетаниях *любить жену* и *любить шашлык по-кавказски* связано, естественно, с его различным осмыслением в этих словосочетаниях (ср. в английском языке употребление разных слов to love и to like, to be fond of). Однако это различие не нарушает семантического единства глагола *любить* в русском языке, поскольку и то и другое его употребление не выходит за пределы общих семантических контуров данного слова.

Видоизменение семантики слова, связанное с его употреблением в разных лексико-семантических позициях, т. е. в сочетании с различными семантическими группами слов, делает возможным установление различных лексико-семантических контекстов употребления данного слова, или отдельных его значений.

Для того чтобы считать те или иные значения, связанные с определенным звуковым комплексом,— значениями одного слова, нам нет необходимости обращаться к таким спорным представлениям, как «языковое сознание»

www.ruslang.ru

и т. п., хотя, несомненно, знание о семантическом единстве подобных слов прежде всего и основано на нашем непосредственном знании языка. Но это знание подкреплено и такими объективными фактами, как единство материального выражения значений и их обусловленность лексическим окружением: для нас не возникает вопроса о двусмысленности текста из-за наличия в нем многозначных слов.

Именно языковая данность, то, что перед нами одна звуковая единица, и является решающим доводом в пользу того, чтобы считать ее одним словом. Если же мы обнаруживаем при этом, что в семантическом отношении она неоднородна, так как ее номинативные функции различны, перед нами как раз и возникает задача, если мы далее хотим объяснить семантические различия, возникающие при употреблении данной единицы, определить возможность подобных различий, т. е. в конечном счете ту фундаментальную особенность языка, на которую обращал внимание еще В. Гумбольдт и которая заключается в его способности ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта.

У нас нет никаких оснований заранее считать каждую номинативную функцию одной и той же единицы значением различных слов. Наоборот, нам нужно доказать, что такие-то значения, несмотря на то, что они выражаются той же материальной единицей, принадлежат не одному слову, а разным словам, т. е. омонимам. Это диктуется именно самой языковой данностью, материальным тождеством рассматриваемых единиц. Например, семантическое содержание слова *земля* следующим образом раскрывается в словаре Ушакова: 1. *только ед.* Планета, на которой мы живем. 2. *перен., только ед.* В мифологии и поэзии — реальная действительность, в противоположность миру идеальному, небу (книжн., поэт. устар.). *«...Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше»* (Пушкин). 3. *только ед.* Суша (в отличие от водных пространств). 4. *только ед.* Почва, верхний слой коры нашей планеты //Рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета, входящее в состав коры нашей планеты (разг.). *Песок с землей. Вырвать растение с землей. Засыпать ров землей.* 5. *только ед.* Твердая поверхность, почва, по которой мы ходим, на которой стоим. 6. Страна, государство (устар.).. //*перен.* Народ (старин.). 7. Терри-

тория с находящимися на ней угодьями, состоящая в чьем-нибудь владении, в собственности кого-нибудь. 8. Название различных красок (спец.).

Разграничение указанных значений находит отражение в неодинаковой их соотнесенности с различными производными от слова *земля*. Так, например, уменьшительное *землица* соответствует 4-му и 7-му значениям; прилагательное *земной* относится к существительному *земля* в 1, 2-м и 3-м значениях, *земляной* — в 4-м значении, *земельный* — в 7-м значении и т. д. Ср. соотнесенность с разными значениями сложных слов: *землевладение, земледелие, землекоп, землемер, землетрясение, землеустройство, землепроходец* и т. п. Вместе с тем очевидна связь этих значений друг с другом, их распределение внутри единого семантического целого.

Это не значит, что следует искать «общее значение», которое рассматривалось бы как семантический инвариант или как некоторое неизменное смысловое ядро, сохраняющееся при употреблении слова в разных значениях. Существование подобного «общего значения» у слова сомнительно хотя бы потому, что свойственные слову значения во многих случаях соотносят его с неоднородными «реалиями» и с разными семантическими группами слов. Часто они воспринимаются (независимо от их исторического развития) как «первичные» (с синхронической точки зрения) и переносные, возникающие в результате метафорических и метонимических перенесений наименований (например, обозначение предмета по его части, результата действия по самому действию и т. д. — см. об этом дальше), т. е. заведомо не могут быть сведены к какому-то более широкому «общему значению».

Семантическое единство слова заключается, таким образом, не в наличии у него некоего «общего значения», как бы подчиняющего себе более частные, выделяемые обычно в толковых одноязычных словарях значения, а в определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закрепленности за одним и тем же знаком. Семантическая структура многозначного слова, если бы изобразить «значение» графически в виде круга, должна бы была выглядеть, следовательно, не как круг («общее значение»), поделенный на секторы («варианты» этого «общего значения»), а как ряд соприкасающихся друг с другом — и отчасти наложенных друг

на друга — кругов; ср. как бы взаимопроницаемость отдельных значений в определенных контекстах, например:

И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремена,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую *землю*...

(Блок, О смерти).

По-видимому, было бы довольно трудно определить, в каком именно из выделяемых в словарях значений употреблено здесь слово *земля*. Вместе с тем очевидно, что необходимости такого определения и нет в данном случае. Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно. Дальше нам придется возвратиться к этому вопросу, здесь же заметим только, что совместимость, диффузность значений может проявиться, конечно, только в случае их тематической общности. Можно отметить также, что в поэзии такое совмещение значений, в частности, и создает тот эффект «смысловой емкости», «смысловой многоплановости слова», который постоянно обращает на себя внимание исследователей художественной речи.

Вот еще несколько примеров из стихотворений того же поэта:

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбище *земли*...

(Блок, Осенняя воля);

На *земле* еще жестокой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.
Она взманила
Земля пустынная!

(Блок, На перекрестке...);

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, все земное —
Как бы придавлено к *земле*

(Блок, Авиатор) и т. п.

Ср. также: От дома он окончательно отстал, это никакой ему не *дом*, не семья, а просто крытое крышей место, где стоит его кровать (Панова, Времена года) и т. п.

Очевидно, что указанные выше значения слова *земля*, так же как и выделяемые в словарях отдельные значения слова *дом* («здание, строение, предназначенное для жилья, для учреждений и т. п.; жилое помещение, жилье», «собир. семья; люди, живущие в одной семье или в одном доме...» и т. д.), не проявляются в данных контекстах, как и во многих других подобных, в «чистом» виде. В то же время очевидно, что эти отдельные значения не могут быть сведены к некоему «общему значению», которое могло бы быть сформулировано независимо от этих «частных» значений. Нужно согласиться с Е. Куриловичем в том, что «общее значение» является своего рода абстракцией, с трудом поддающейся формулировке[9]. «Общее значение,— замечает дальше польский ученый,— это абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее. Наше личное возражение против введения этого понятия основано на невозможности интеграции качественно различных элементов, а именно — коммуникативного содержания и аффективных стилистических оттенков. По нашему мнению, самое важное — главное значение, то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и «элементы контекста»[10]. Выделение «главного», или «первичного» (с синхронической точки зрения), значения слова также не всегда может быть бесспорно. Определение «первичных» и «переносных» значений слов не встречает особых затруднений в случаях, подобных при-

---

[9] Е. Курилович. Заметки о значении слова. «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 246.

[10] Там же.

водимому Е. Куриловичем (*осел* — I — животное, II — глупый или упрямый человек), когда семантическая структура слова определяется наличием в ней отчетливого семантического стержня и зависящих от него метафорических или метонимических ответвлений. Ср. соотношение «первичных» и метафорически-переносных значений у таких слов, как *картина, механизм, сцена, арена, полярный, атмосфера, сфера, область, круг, направление, призма, организм, очаг, цепь, сеть, точка, линия, платформа, ширма, нить, клубок, лазейка, дебри, ориентироваться, маскировать, оттенять* и мн. под.

Аналогично в этом отношении и распределение значений слова *дом*: первое («здание и т. д.») явно воспринимается как основное значение, второе («семья и т. д.») — как переносное. Семантическое единство слова определяется существующей между этими значениями внутренней связью, опирающейся на одну из общих формул перенесения названий с одного явления на другое (метонимия). Существование подобного отношения между значениями свидетельствует об их иерархии, об определенной структурной организации семантического содержания слова.

Иное соотношение значений обнаруживается у слова *земля*. Эти значения также безусловно связаны друг с другом и определенным образом организованы. Семантическое единство слова подтверждается, как об этом только что говорилось, взаимопроницаемостью его отдельных значений в некоторых контекстах, т. е. своего рода нейтрализацией присущих им особых дифференциальных признаков; оно предопределено единством звукового выражения, поскольку внешняя и внутренняя стороны слова (его звуковая «оболочка» и его смысл) прочно объединены друг с другом в сознании говорящих, так что даже случайные звуковые совпадения или сближения различных слов нередко приводят к их семантическому сближению (см. об этом дальше). Однако в семантической структуре слова *земля* было бы затруднительно выделить главное, или «первичное», значение. Стержнем слова здесь оказывается не какое-то отдельное его значение, а те семантические элементы, которые оказываются о б щ и м и для всех значений слова. Эта общность опирается на тождество материального знака, обусловливая взаимопроницаемость объединенных значений, в ряде слу-

чаев реального употребления слова, как бы незаметно переходящих друг в друга.

Можно заметить и следующее. Когда мы пытаемся распределить какие-то примеры в соответствии со «значениями», выделенными в словарной статье, посвященной многозначному слову, целый ряд примеров допускает различное толкование и в связи с этим может быть отнесен то к тому, то к другому из выделяемых значений слова. Отсутствие подобных примеров среди иллюстративного материала словаря создает иногда видимость более или менее отчетливой отграниченности различных значений слова. Не касаясь здесь вопроса об оправданности, неизбежности или желательности такой подачи литературных иллюстраций в словарях разных типов, следует все же заметить, что в одном отношении она недостаточна: многие случаи реального применения слова остаются незафиксированными, что способно привести к мысли о невозможности промежуточных «значений» или употребления слова в таком смысле, который создается как бы совмещением двух или даже нескольких из выделенных значений.

Речь идет не о специальном приеме поэтического (часто просто каламбурного) использования слов в контексте, обнажающем их многозначность, а о том, что в обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга и замкнуты в каком-то «автономном» семантическом круге.

Подобная «диффузность» отдельных значений не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью «совмещения» некоторых из них в определенных контекстах.

Можно сказать, что значения многозначного слова находятся в отношении комплементарной дистрибуции (дополнительного распределения) друг к другу, т. е. проявление тех или иных значений зависит от употребления слова в различных лексико-семантических позициях. Применение терминологии употребляемой в фонологии, не должно восприниматься в данном случае как установление какой-либо аналогии между фонетической и лексико-семантической позицией. Принципиальное их

различие заключается уже в том, что единство фонемы обеспечивается именно несовместимостью в той же позиции разных ее вариантов, в то время как семантическое единство слова опирается на тождество материального знака.

Вместе с тем, как известно, тождество звукового комплекса не непременно обеспечивает семантическое единство слова. В таких случаях говорят об омонимии, т. е. звуковом тождестве самостоятельных слов, имеющих различные, не связанные друг с другом значения.

4. Наиболее часто встречается указание на то, что значения многозначного слова семантически связаны, одно из значений как бы переходит (синхронически) в другое по той или иной формуле семантических ассоциаций, в то время как значения слов-омонимов отражают явления действительности независимо друг от друга, между ними не существует какой-либо ассоциативной связи. Само по себе такое определение не вызывает возражений, но его недостатком является то, что при установлении семантической связи между значениями приходится в основном полагаться на так называемое языковое чутье, т. е. в значительной мере на субъективные критерии разграничения.

В качестве объективных критериев многозначности, с одной стороны, и омонимии, с другой, иногда выделяются словообразовательные и синтагматические показатели. Показателем того, что перед нами не разные значения одного и того же слова, а разные значения, закрепленные за разными словами, считается тогда соотнесенность этих значений с различно оформленными производными, а также их реализация в различных по синтаксической форме словосочетаниях. Правильным представляется то, что писала в связи с этим О. С. Ахманова, утверждая, что «дивергенция словообразовательных рядов, особенности управления и т. п., безусловно, могут и должны использоваться при разграничении полисемии и омонимии. Но они выступают не как самостоятельные критерии, не как основные или решающие признаки, а лишь как дополнительные, как вспомогательные моменты, подтверждающие и фиксирующие факты, обнаруженные посредством собственно семантического анализа.

Необходимо, далее, иметь в виду, что в очень большом количестве случаев морфологические и синтаксиче-

ские показатели вообще отсутствуют; однако этим не снимается необходимость решения вопроса о том, имеет ли в данном случае место «омонимический разрыв» [11].

Действительно, желание видеть в том, что от разных значений образуются разные производные, свидетельство разрыва между этими значениями, их закрепленности за словами-омонимами, основывается в значительной степени на априорных соображениях. Оно вполне понятно как попытка освободиться от ссылок на «языковое чутье», «восприятие говорящих» и т. д., но легко заметить, что использование словообразовательных критериев не разрешает вопроса. С разными значениями слова *земля*, как мы видели, соотнесены разные прилагательные и другие образования (*земной, земляной, земельный; земляк, землевладелец, земледелец, землемер, землечерпалка, землетрясение* и т. д.).

Является ли это достаточным основанием для того, чтобы признать соответствующие значения существительного *земля* значениями самостоятельных слов-омонимов? Не говоря уже о том, что различные значения, закрепленные за звуковым комплексом *земля*, явно соотносятся друг с другом не так, как значения слов *коса* «сплетенные волосы» и *коса* «орудие для косьбы» (ср. также разные производные от этих слов: от первого — *косица, косичка*, от второго — *косить, косовище* «рукоятка косы»), а применяя только указанный критерий, мы должны ограничиться их одинаковой характеристикой,— вызывает сомнение и сама теоретическая обоснованность данного критерия. Семантические и словообразовательные соотношения, существующие между словами, произведенными от одной и той же основы, далеко не всегда соответствуют друг другу.

Хорошо известно, что производные часто по-разному соотносятся с отдельными значениями соответствующего непроизводного слова, а также могут развивать новые, дополнительные значения, которые не свойственны последнему, ср., например, *сирень* и *сиреневый, малина* и *малиновый* (*малиновое варенье* и *малиновый цвет*), *песок* и *песочный* (*песочное пирожное* и *песочный цвет*) при *песчаный* и т. п.; ср. также «включенность» значения некоторых прилагательных в семантику других при-

[11] О. С. Ахманова. Указ. соч., стр. 113—114.

лагательных, произведенных от тех же существительных,— например, существительное *трагедия* обозначает, во-первых, вид драматического произведения, во-вторых, согласно определению «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, «потрясающее событие, тяжкое переживание, ведущее к гибели, катастрофе»; первому значению соответствует прилагательное *трагедийный*, второму — *трагичный*; в то же время за прилагательным *трагический* закреплены оба эти значения и т. д. Если следовать указанному принципу разграничения многозначности и омонимии, то придется признать, что *трагедия* (с производным *трагедийный*) и *трагедия* (с производным *трагичный*) — это разные слова, точно так же, как разными словами окажутся прилагательное *трагический*, соотнесенное с первым звуковым комплексом *трагедия*, и *трагический*, соотнесенное со вторым. Ясно, что подобная характеристика омонимии не сделала бы это понятие более точным и однозначным, так как объединила бы им самые разнородные явления.

То же самое относится и к так называемому синтаксическому критерию. Ср., например, различные формы управления глаголов: *просить* (что-нибудь) и *просить* (о чем-нибудь), *спекулировать* (чем-нибудь) и *спекулировать* (на чем-нибудь), *задуматься* (о чем-нибудь) и *задуматься* (над чем-нибудь) и т. п. Если здесь опять-таки видеть слова-омонимы, то самое понятие омонимии должно было бы получить новое осмысление, и, будучи до конца последовательными, мы должны были бы определять омонимы не как совпадающие только по внешней форме слова, между которыми, однако, не существует семантической связи, а как различающиеся (синтаксически) употребления того же звукового комплекса. Самое обозначение *омоним* стало бы в таком случае омонимичным тому же термину в его традиционном понимании, а никак не его уточнением или его «объективизацией».

Попытки некоторых исследователей ограничить понятие омонимии теми случаями тождества внешней, звуковой формы различных слов, которые являются результатом фонетических изменений, заимствований и т. д., т. е. случаями совпадения (в процессуальном значении этого слова) различных по происхождению слов, не считая омонимами разошедшиеся значения одного и того же (исторически) слова,— передвигают изучение омони-

мии в область истории языка, в то время как очевидно, что те или иные слова являются омонимами именно с точки зрения данного состояния языка, как сосуществующие языковые единицы.

Точка зрения, согласно которой, признавая связь значения с понятием, мы не вправе допускать существование в языке многозначных слов, а должны говорить или о разных словах с разными значениями, или о вариантах значения того же слова,— по существу также основывается на некоторых априорных положениях, которые и сами по себе не кажутся убедительными и мало что вносят нового в конкретный анализ языкового материала.

Во-первых, остается неясным, несмотря на многочисленные рассуждения, почему в семантической структуре одного и того же слова не может быть определенным образом объединено несколько различных значений, хотя бы в основе каждого из них лежало отдельное понятие. Понятия ведь тоже существуют не изолированно, а находятся в различных (и по характеру, и по степени близости) связях друг с другом, а, кроме того, значение слова — это категория языка, связанного с мышлением, но не мышления.

Во-вторых, реальным фактом языка является существование в нем таких единиц, как *коса* «сплетенные волосы» и *коса* «орудие», с одной стороны, и таких, как *земля* в ее разных значениях, с другой. Трудно усомниться в том, что это различные по своей природе «тождества» звуковых комплексов. Совмещение значений, связанных с звуковым комплексом *коса*, возможно только как парочитая «игра слов», тогда как значения звукового комплекса *земля* могут в разных контекстах по-разному объединяться друг с другом на основе именно их семантических связей. Примеры такого «совмещения» уже приводились выше. Ср. также: — Дед,— сказал Трубников,— вот ты бродишь по весенней *земле*, неужто молчит в тебе твое природное, крестьянское?... Полвека *земле* служил, как же можешь ты паразитом по ней таскаться? (Ю. Нагибин, Страницы жизни Трубникова). По-видимому, нет никакого смысла игнорировать эти различия. Именно для их обозначения естественнее всего использовать традиционные термины омонимии (звуковой комплекс *коса*) и многозначности (звуковой комплекс *земля*).

Возьмем звуковой комплекс *свет*, например, в следующих фразах из «Евгения Онегина» Пушкина: (1) За ним Довольно мы путем одним Бродили по *свету*; (2) ...Иль просто будет добрый малый, Как вы да я, как целый *свет*? (3) Вот мой Онегин на свободе, Острижен по последней моде, Как dandy лондонский одет — И наконец увидел *свет*... *Свет* решил, что он умен и очень мил. Нетрудно заметить, что семантика слова *свет* неоднородна в этих контекстах. Вместе с тем, при всей ее «индивидуальности» в конкретных случаях употребления слова, она варьируется как бы в известных пределах, и во множестве других употреблений слова мы находим нечто общее с одним из приведенных выше примеров. Это дает возможность установить разные «значения» слова *свет*, которые и фиксируются словарями. Так, в «Словаре языка Пушкина» указанные примеры распределяются в соответствии со следующими значениями слова: (1) «земля со всем существующим на ней»; (2) «окружающие люди, общество»; (3) «высшее общество с его укладом жизни, привычками и т. п.; люди этого общества».

Значения слова распределены, таким образом, в соответствии с метонимической формулой «от целого к части»: «земля со всем существующим на ней» — «существующие на земле люди» — «определенная часть людей». Проявление одного из этих значений определяется лексико-семантической позицией слова. На то, что это не индивидуально-контекстные «осмысления» слова, а закрепленные в языке значения, указывают, в частности, устойчивые словосочетания, а также производные, в которых данные значения устойчиво дифференцированы; ср. *вокруг света, жить на свете, всему свету известно, вращаться в свете, кругосветный, светский* и т. д. Объединение этих значений в семантической структуре одного слова, определяемое характером их соотношения друг с другом, обусловливает и возможность таких лексико-семантических позиций слова, в которых их различение не является значимым, в силу того, что семантические различия между ними объективно нейтрализуются. Ср. в том же произведении:

Быть может, он для блага мира
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира

Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях *света*
Ждала высокая ступень.

«Двусмысленность» слова здесь по существу обусловлена не невозможностью осмысления слова в четком соответствии только с одним из отграниченных выше значений, а отсутствием необходимости подобного осмысления.

По-иному обстоит дело с отграничением значения «освещение», свойственного тому же звуковому комплексу *свет*. Оно никак семантически не связано с предыдущими значениями (разумеется, только с точки зрения современного состояния языка). Слово *свет* в этом значении является отдельным словом. Его употребление в различных контекстах никак не зависит от сферы применения слова-омонима. Их употребление могло бы и вообще не совпадать, и совпадать в каких-то случаях — причем тогда возможная «двусмысленность» не могла бы привести к «нейтрализации различий»; для понимания сообщения требовался бы или выбор, или допущение того, что текст специально так построен, что на значение слова как бы проецируется отсвет омонимического значения. Ср. в поэме Пушкина «Анджело»:

А сам отправился, дабы вельможу злого,
Столь гнусные дела творящего во *тьме*,
Пред *светом* обличить.

Значения слов-омонимов не являются позиционно обусловленными (в отличие от значений многозначного слова) в том смысле, что реализация того или другого значения не зависит от контекста (не надо смешивать с тем или другим пониманием звукового комплекса в тексте!); неопределенность же лексико-семантической позиции слова, т. е. возможность его различного понимания, не приводит в данном случае к какому-либо «совмещению» значений, так как одно из них полностью исключает другое.

5. Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отноше-

ниям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность). Однако именно характер этих отношений не позволяет усматривать в слове какое-то «общее значение», а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого «общего значения».

Признание многозначности слов, основанное как на непосредственном применении языка (ср. вопросы типа «В каком смысле вы употребили это слово?» и т. п.), так и на длительной лексикографической практике, не означает, однако, того, что между многозначностью и омонимией объективно существует какая-то четкая и ясно очерченная граница, которую следует только, наконец, обнаружить.

Ведь самое признание того, что омонимы могут образоваться вследствие семантического расщепления многозначного слова, предполагает признание определенного семантического процесса, приводящего к переходу многозначности в омонимию. Вряд ли оправданно представлять этот процесс как какой-то мгновенный акт, после которого вместо одного слова с двумя разными значениями в языке появляются два различных слова, совпадающих только своей звуковой формой. Поэтому, конечно, в языке в каждый период его существования могут быть промежуточные, переходные случаи, однозначная характеристика которых оказывается затруднительной. Ср. *ручка* (уменьшительное к *рука*) и *ручка* (дверн); *мостик* (уменьшительное к *мост*) и капитанский *мостик*, *ежик* (уменьшительное к *еж*) и *ежик* (прическа); *огонь* (пламя) и *огонь* (стрельба); *палить* (обжигать пламенем) и *палить* (стрелять залпами), *вязать* (стягивать веревкой) и *вязать* (спицами, крючком); *махнуть* (чем-нибудь) и *махнуть* (отправиться куда-нибудь) и мн. др.

Колебания в толковых словарях по отношению к таким случаям наглядно показывают возможность их неодинаковой трактовки.

Разумеется, колебания в трактовке многозначности и омонимии в толковых словарях сами по себе не могут быть препятствием для последовательного разграничения этих явлений. При всей сложности этой задачи ее решение во многих случаях представляется вполне осуществи-

мым на основе тех критериев, о которых говорилось выше. Вот один из возможных примеров.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова выделены два омонимичных глагола *топить*.

Для одного из них отмечены следующие значения: «1. Разводить огонь в чем-н. (в печи и т. п.). *Т. печь. Т. плиту* // Обогревать что-н., разводя огонь в печи или иным способом, отапливать. *Т. квартиру. Т. котел*»; «2. Нагревая, плавить, превращать из твердого состояния в жидкое (какое-н. плавкое вещество). *Т. масло. Т. лед. Т. воск*»; «3. Долго кипятить (молоко) в вольном духу... *Т. молоко*».

Для другого: «1. *кого-что.* Заставлять пойти ко дну, заставлять утонуть. *Т. камни в реке. Корабельный лес топят для сбереженья.* Даль // Губить, уничтожать, заставляя идти ко дну, заставляя тонуть. *Т. неприятельские суда. Т. щенят*»; «2. *Кого-что.* Заливать, покрывать (водой; редко). *Вода топит берега*»; «3. *перен., что в чем.* Стараться избавиться от чего-н. (тяжелого, горестного) при помощи чего-н. (одурманивающего, отвлекающего и т. п.). *Т. горе в вине*»; «4. *перен. кого-то.* Губить, выдавая, предавая или клевеща, наговаривая. *Подсудимые топили друг друга ...* // Вообще губить что-н. *Т. живое дело в бесконечных рассуждениях*».

Не останавливаясь на том, насколько удачно сформулированы приведенные толкования, попробуем определить основания для объединения некоторых из значений в пределах одного слова и отграничения других как значений другого слова. Следует отметить при этом, что в четырехтомном и семнадцатитомном академических словарях, так же как и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, значения *топить* отнесены к трем глаголам-омонимам: значения, соответствующие первому и второму значениям первого омонима *топить* словаря Ушакова, считаются там значениями разных слов, т. е. также омонимами.

Рассмотрим сначала значения второго глагола, которые во всех словарях расцениваются как значения одного и того же слова. Что же позволяет объединить их? Легко заметить, что значение «заставлять пойти ко дну, заставлять утонуть» связано, во-первых, с представлением об исчезновении предмета, во-вторых, с представлением о гибели (для ряда живых существ); это делает возмож-

ным развитие семантики слова в двух направлениях. Третье и четвертое значения цитированного словаря и отражают эти возможности. Ср.:

Авось ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.
(Блок, Холодный день);

Стоило Долгину почувствовать шаткость положения Потапенко, и он бы, не задумываясь, начал *топить* его (Гранин. Искатели).

Совершенно ясно, что оба эти значения реализуют ассоциативные признаки, связанные с первым значением, поэтому считать их значениями отдельных слов — нет оснований. Их позиционная обусловленность также достаточно очевидна: в зависимости от того, какие семантические группы слов выступают в функции дополнений (*топить* — что и в чем), реализуется то или иное значение глагола.

Более спорным, как мы видели, оказалось распределение значений первого из выделенных (в словаре Ушакова) глаголов. На то, что это значения, не связанные с рассмотренными выше, т. е. значения отдельного слова, указывает отсутствие у них каких бы то ни было общих семантических признаков. Это не вызывает сомнений. Но этого никак нельзя сказать относительно значений, которые выступают в сочетаниях *топить печь* и *топить воск*; здесь как раз есть общий семантический элемент («нагревать»), который и делает, по-видимому, оправданным их объединение в одном слове. Подача этих значений как значений слов-омонимов в академических словарях, думается, менее удачно отражает их соотношение. Отчетливо проявляется и позиционная обусловленность этих значений: *топить* в значении «плавить» может выступить, естественно, только в сочетании с названиями «плавких веществ», в то время как значения «разводить огонь» и «обогревать» реализуются: первое — с названиями предметов, «предназначенных для разведения огня», второе — с названиями «помещений». При этом можно обратить внимание на то, что «двусмысленность» (при недостаточности контекста) может вызываться только неразличением «омонимичных значений» как не находящихся в отношении дополнительного распределения друг к другу.

Ср. *топить олово* — «в воде» или «на огне», но, конечно, никак не в значении «разводить огонь» и т. п.

Как уже говорилось, находящиеся в отношении дополнительного распределения друг к другу значения могут рассматриваться как значения одного слова только тогда, когда между ними устанавливается связь на основе какого-то общего семантического признака. В ином случае у нас нет оснований объединять значения, хотя бы лексико-синтаксические позиции, в которых они проявляются, и были различны. Так, у нас нет, по-видимому, оснований приписывать одному слову значения одного и того же глагола в сочетаниях *Она старалась угодить ему* и *Мальчишка угодил камнем в стекло*, хотя эти значения и характеризуются различной сочетаемостью, а во всех современных толковых словарях (кроме первого издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова) приведены как значения, относящиеся к одному слову.

6. Понятие лексической многозначности может быть противопоставлено не только понятию омонимии, но и понятию однозначности, т. е. закрепленности за данным звуковым комплексом лишь одного устойчивого лексического значения. Например, такие слова, как *береза, грусть, дикобраз, заводь, мгла, палка, шпага, ситец, надменный, сиплый, завидовать, веселиться, тачать* и др., характеризуются однородной предметной направленностью — семантической одноплановостью. Определение соотношения, существующего в том или ином языке между однозначными и многозначными словами, а также того, какие семантические группы слов более тяготеют к многозначности, а какие — к однозначности, представляет безусловный интерес для лексикологии. Вопрос этот требует специального исследования.

Вместе с тем очевидно, что именно лексическая многозначность слов во многом определяет своеобразие словарного состава отдельных национальных языков, поскольку характер объединения значений в границах одного слова, виды связей между разными значениями того же слова во многом различны в разных языках.

Поскольку, согласно определению, в отличие от значений слов-омонимов, между которыми нет никакой связи, значения многозначного слова образуют некоторое сложное семантическое единство, они должны быть представлены как единицы смысла, которые подчинены известной организации внутри слова. Эту организацию це-

лесообразно прежде всего представить в терминах, использованных при описании основных типов «перенесений наименований», придавая им в данном случае не процессуальное, а результативное значение. Основанием для такой параллели является то обстоятельство, что историческое развитие значений слова, идущее по пути метафорических, метонимических или функциональных переносов наименований, определяет соответствующий тип соотношений между сосуществующими в дальнейшем значениями слова, точно так же, как характер взаимоотношений между сосуществующими значениями слова в известной мере указывает на ход его семантического развития. Конечно,— и это приходится еще раз подчеркнуть — соотношения между значениями слова по большей части сложнее и разнообразнее, чем их отображение в терминах метафорических, метонимических и функциональных связей. Процесс исторического преобразования семантики слов направляется не только разного рода смысловыми ассоциациями, но и общими контекстами (в широком смысле) употребления слов. Однако именно указанные виды ассоциаций (главным образом метафорические и метонимические) обеспечивают наиболее устойчивое объединение значений в пределах одного слова и поэтому с известной долей условности могут рассматриваться как обобщенные формулы семантической структуры последнего. В соответствии с этими формулами могут быть определены и дифференциальные признаки отдельных значений.

Возьмем, например, толкования значений слова *рука* в академическом «Словаре современного русского литературного языка». 1. «Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до конца пальцев; часть этой же конечности от пясти до конца пальцев». 2. «Одна из верхних конечностей человека как орудие деятельности, труда... Перен. След, результат чьей-либо деятельности». 3. «Только ед. О манере письма, почерке». 4. «Только мн. Перен. Рабочая сила, рабочие». 5. «Только мн. Перен. О человеке, лице (обычно в сочетании с каким-либо определением) как обладателе, владельце чего-либо». 6. «Перен. Символ власти, владычества». 7. «Только ед. Перен. Разг. О влиятельном человеке, способном защитить, оказать поддержку». 8. «Только ед. О согласии кого-либо на брак, о готовности вступить в брак».

Не останавливаясь на вопросе о том, насколько удачно выделены здесь значения (и даны их толкования), попытаемся определить общий характер существующих между ними связей.

Итак, каким образом связаны эти значения и какие различительные семантические элементы служат основанием для их разграничения?

Второе из выделенных значений, не отличаясь от первого своим предметным содержанием, отображает, однако, тот же «предмет» в его основной функциональной направленности (ср.: «собственными руками добывать пропитание», «приложить руки к чему-нибудь» и т. п.). Функция «предмета» становится существенным элементом смыслового содержания слова. Соотношение между двумя значениями может быть условно обозначено так: 2-е значение = «предмет» 1-го значения + функция «предмета» 1-го значения. Таким образом, элемент 2-го значения, обозначаемый «функция предмета» 1-го значения, вычленяется как его дифференциальный семантический признак. Совершенно ясно, что соответственно слово входит в различные (тематически) группы лексики. Взятое в первом значении, оно включается в тематическую группу слов, обозначающих «части тела», во втором же значении оно объединяется с такими словами, как *труд, работать, делать, орудие* и т. п. Выделенный здесь же (с пометой перен.) оттенок значения «след. результат чьей-либо деятельности» (2б) должен быть определен как метонимическое распространение с точки зрения синхронических отношений 2а значения. Соотношение между 2а и 2б выступает, следовательно, как метонимическое соотношение между «орудием деятельности» и «результатом деятельности»; таким образом, семантические элементы «орудие» и «результат» определяются как дифференциальные семантические признаки соответственно 2а и 2б.

Выделенное в словаре 3-е значение является по существу применением в более или менее устойчивых контекстах 2-го значения, «специализированного» в двух направлениях: 1. «орудие специальной деятельности» (т. е. «письма»); 2. «орудие индивидуальной деятельности» (индивидуальная «манера» письма). Эти семантические «специализаторы» и представляют собой дифференциальные признаки данного значения.

Следующее значение (4) является одним из видов метонимического распространения того же 2-го значения: рука как «орудие деятельности, труда» перенесено на обладателя этого орудия (обозначение целого по его части). Соотношение между 2-м и 4-м значениями выступает как метонимическое состояние между «частью» и «целым»; на основе этой формулы и устанавливается дифференциальный признак 4-го значения («обладатель орудия труда»).

Фразеологически ограниченное в своем проявлении 5-е значение (перейти в другие руки, отдать в верные руки, узнать из третьих рук и т. п.) является метонимическим распространением значения руки как «орудия», служащего для того, чтобы «держать, брать, давать что-либо» (специализированное таким образом 2-е значение — «орудие деятельности»), примененного для обозначения «обладателя этого орудия», и т. д.

7. Будучи позиционно обусловленными, значения многозначного слова не выступают независимо одно от другого. Сферы их действия могут перекрещиваться, но они в принципе не могут противоречить друг другу. То, что слово «употреблено в таком-то значении», — это и значит, что слово в данном употреблении предполагает определенный контекст, который в разных случаях может быть выражен, естественно, по-разному, но который обычно поддается обобщенной характеристике, вследствие чего и можно бывает говорить о «типизированном контексте», или «семантической позиции» слова.

Когда мы говорим о разных значениях, присущих данному слову, мы по существу и исходим из разных контекстов его употребления. То, что с этими разными значениями связаны различия в предметной отнесенности слова (в его денотативной функции), далеко не во всех случаях само по себе создает четкие границы между разными значениями слова. Если для слов, обозначающих конкретные предметы, разграничение значений осуществляется как будто на основе учета денотативных возможностей слова, то для всех остальных лексических единиц самая мысль о нем возникает только в связи с тем, что сопоставляются разные контексты употребления слова.

На отсутствие непосредственной денотативной обусловленности такого разграничения прямо указывают данные толковых словарей, в которых значения многих слов вы-

делены совершенно по-разному. Понятно, что отчасти это может быть объяснено отсутствием общепризнанных лексикографических принципов описания семантической структуры слова, но в значительной мере это вызвано и тем, что в самом слове значения, как правило, не существуют независимо друг от друга, каждое из них не замкнуто в самом себе, а взаимосвязано с другими значениями.

Часто говорят так: многозначность слов не препятствует речевому общению, так как контекст показывает, в каком значении в данном случае употреблено слово. Правильнее, по-видимому, сказать, что контекст не показывает, а обусловливает то, что в каждом случае выступает то или иное значение слова. Поэтому многозначность и не может быть (принципиально) препятствием «точному пониманию».

В этом и состоит ее коренное отличие от омонимии. Если мы рассмотрим любое многозначное слово, мы убедимся, что в большинстве случаев вообще не может возникнуть ситуации, в которой «неопределенность» значения слова сама по себе делала бы высказывание двусмысленным.

Например, для прилагательного *новый* в большом академическом словаре устанавливаются следующие значения: 1. «Впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший. Противопол.: Старый... Сохранивший свой первоначальный вид, нетронутый временем». 2. «Относящийся к нашему времени; современный. Противопол.: прежний, старый... Нынешний, теперешний... Пришедший на смену старому». 3. «Следующий, очередной». 4. «Вновь открытый, обнаруженный; ранее неизвестный... Ранее неизведанный, вновь проявившийся». 5. «Незнакомый, малоизвестный. Новый кому-, чему-либо, для кого-, чего-либо... Непривычный, неопытный в каком-либо деле». 6. «Пришедший на смену прежнему, ранее не служивший. О человеке, людях... Пришедший, введенный на смену старому, прежнему». 7. «Не тот, что прежде: иной... Обновленный... Явившийся (являющийся) вслед за чем-либо; другой, иной». 8. «Этого года, последнего урожая».

Многие словосочетания с этим прилагательным, действительно, дают возможность отграничить друг от друга указанные в словаре значения. Однако в целом ряде слу-

чаев граница между значениями оказывается как будто размытой, смысл словосочетания таков, что не требует выявления этой границы, более того, часто он не покрывается полностью ни одним из значений в отдельности.

Например, какое из приведенных выше значений должны мы приписать прилагательному *новый* в таком употреблении:

> И в *новой* жизни, непохожей,
> Забуду прежнюю мечту...
>
> (Блок, Все это было, было, было...?).

По-видимому, здесь можно говорить о «применимости» почти всех из указанных значений, и, конечно, нет смысла настаивать на однозначном выборе. Вместе с тем словосочетание с интересующим нас прилагательным в приведенном стихе само по себе не вызывает никаких подозрений в какой-либо «двусмысленности».

Возьмем самые простые и обычные фразы с этим прилагательным: *Это новая книга?*; На заводе появился *новый* мастер; *Новая* мысль возникла у него, и т. п. Кажутся нам эти фразы чем-то двусмысленным? Конечно, нет. Но можем ли мы со всей определенностью сказать, в каком из приведенных значений употреблено слово? По-видимому, тоже нет.

Контекст может предопределять то, что слово выступает с тем или иным значением, точно так же, как и то, что в других случаях отдельные из этих значений могут не отграничиваться друг от друга. Поэтому при составлении словарей и бывает трудно «распределить по значениям» иллюстративный материал. Но в практической жизни не возникает подобного вопроса.

Принцип д и ф ф у з н о с т и значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, именно стремятся освободить словарные статьи от «неопределенных» примеров) существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов. При столкновении же омонимов такая «неопределенность» принципиально невозможна [12].

---

[12] Ср.: U. W e i n r e i c h. Указ. соч., стр. 179.

Собственно говоря, устанавливая существование многозначности слов, мы только констатируем то, что есть в языке. Нет смысла обсуждать возможность или невозможность этого явления с точки зрения тех или иных логических построений. Это факт языка, он не нуждается в доказательстве своей правомерности. Он требует объяснения и изучения, но не логического оправдания. По-иному обстоит дело с омонимией. Здесь как раз необходимо доказать р е а л ь н о с т ь того, что соответствует нашему пониманию омонимии.

Материальное (звуковое) тождество слова является основой его семантического тождества, несмотря на возможность самого разнообразного применения слова, всевозможных модификаций его смысла, наконец, расщепления его денотативных функций. Когда же вопреки этому т о ж д е с т в у мы утверждаем, что перед нами р а з н ы е слова, мы именно и должны обосновать это утверждение.

Ссылки на «языковое сознание» говорящих здесь не могут помочь, поскольку, как показывают наблюдения, говорящим как раз свойственно стремление видеть что-то общее в «смысле» слов, имеющих одинаковое звуковое выражение [13]. Показательно, что «языковое сознание» сближает и этимологически различные, но вследствие различных причин совпавшие по звучанию слова [14]. Можно утверждать также, что омонимия вообще мало ощущается говорящими, так как «звуковая форма» в принципе является для них показателем тождества слова.

По-видимому, был прав Ж. Вандриес, когда, указав на то, что омонимы это «бич языка» (так как «язык нуждается в ясности и больше всего для него опасна двусмысленность»), отмечал в то же время, что «омони-

---

[13] «Мы сделали небольшой эксперимент: опросили 10 человек, поставив им такой вопрос: «Как вы думаете, почему ключ «источник» называется так же, как ключ от двери?» Ни один не ответил нам: «Совершенно случайно» или: «Просто так». Напротив, люди задумывались, начинали искать связь, объединяющую эти слова и понятия, и, к нашему удивлению, находили ее, например, в таком виде: «Вода где-то з а к л ю ч е н а и пробивается тоненьким р у ч е й к о м» или: «Вода — к л ю ч жизни» и т. д.» (А р с е н ь е в а, С т р о е в а, Х а з а к о в и ч. Многозначность и омонимия. Л., 1966, стр. 5).

[14] См.: S. U l l m a n n. Words and their use. N. J., 1951, стр. 39 и сл.

мия, однако, опасна лишь в той мере, в какой сознают опасности, которые с ней связаны... Смешение может стать настолько полным, что из-за него не испытывают неудобств, так как его не замечают»[15].

Разграничение полисемии и омонимии проводится не в самой речевой практике, а в лексикографических трудах. Поэтому вряд ли обоснованы при этом разграничении какие бы то ни было апелляции к «языковому сознанию». На то, что это очень шаткий критерий, указывают прежде всего те же лексикографические труды, в которых отнесение значений к одному слову или к словам-омонимам в большом числе случаев не совпадает. Следовательно, сами составители словарей основываются здесь не на непосредственном знании языка, а на каких-то других критериях, которые не определены с необходимой точностью, а потому допускают различное истолкование.

Все это свидетельствует не о неоправданности разграничения омонимии и полисемии, а о необходимости точного определения того, какие факты языка мы должны расценивать как омонимию и какие как полисемию.

Сказанное никак не означает того, что подобное разграничение — научная фикция. Из того, что сами носители языка не замечают разницы между какими-то явлениями, никоим образом не следует, что между этими явлениями в самом языке как системе нет принципиальной разницы.

Когда некоторые лингвисты подчеркивают отсутствие принципиальных различий между полисемией и омонимией на основании того, что говорящие обычно не испытывают неудобств из-за омонимов, т. е. контекст, следовательно, также определяет значение омонимов, они обходят вниманием тот факт, что контекст в этих случаях выполняет различную роль.

Следует отметить также, что, в то время как полисемией во многом определяется своеобразие лексической системы языка, омонимия в этом плане остается «внесистемным явлением».

Значения слов-омонимов всегда взаимно исключают друг друга, между значениями многозначного слова су-

[15] J. Wendryes. L'étymologie croisée. «Bulletin de la Societe de linguistique de Paris», 1955, t. 51, f. 1, стр. 46.

ществуют иные отношения: они находятся или в отношении однонаправленной детерминации, когда одно из значений предполагает другое (ср. значения, которые в словарях именно в связи с этим квалифицируются как «переносные»), или между ними существуют отношения невзаимоисключающей дизъюнкции: $a \vee b \vee a \cdot b$ (ср. приведенные выше примеры со словами *земля, новый*, и под.).

В обоих случаях значения многозначных слов не изолированы друг от друга; можно заметить, что и статус так называемых переносных значений не остается неизменным. К этому нам придется еще вернуться при более подробном рассмотрении вопроса о семантической структуре слова.

Слово выступает в речи не только как «знак» какого-то понятия или представления; оно отягощено грузом как устойчиво закрепленных за ним, так и индивидуально возникающих в речи ассоциаций. Самое значение слова может подвергаться самым различным сдвигам, вызванным и случайными сближениями слова с другими, сходными по звучанию словами, и контекстным переосмыслением, и неожиданным раскрытием его многозначности.

Буквальное понимание слова, имеющего в определенных контекстах смысл языковой метафоры, может вести к созданию гротескной гиперболы, основанной на том, что говорящий представляет себе «образно» то, что стало условным метафорическим обозначением. Так, в рассказе Чехова «Психопаты» бездельничающий отставной поручик запугивает себя и своего отца разглагольствованиями о всевозможных ужасах. Сообщения о растратах, о том, что «того дня нет, чтоб кассир не бегал», приводит его к таким мрачным прогнозам: «Проснешься в одно прекрасное утро, выглянешь в окно, ан ничего нет, все украдено! Взглянешь, а по улице бегут кассиры, кассиры, кассиры... Хватишься одеваться, а у тебя штанов нет — украли!»

Чем привычнее для нас слово, тем меньше мы ощущаем его скрытую образность. Эта языковая образность, не замечаемая нами в обычной речи, может стать основой создания поэтического образа. Например, возможность употребления слова *вода* в переносно-оценочном смысле («многословие при бедности мысли» — «Толковый

словарь» под ред. Д. Н. Ушакова) позволяет Маяковскому сказать:

Отгородимся от бурь словесных молом.
К делу!
Работа жива и нова.
А праздных ораторов —
на мельницу!
К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова
(Поэт-рабочий).

Л. Мартынов в стихотворении «Поэт», говоря о поэтическом «открытии» мира, использует различные значения глагола *открыть*:

Он
Перед нами
Открывает душу.
А может быть, и новые моря,
И новую, неведомую сушу,
И глубь, и высь...
Как *открывает* новую планету
Среди небесной бездны астроном,
Так *открывать* приходится поэту
Весь этот мир.

Ср. в поэме Баратынского «Пиры»:

Вино лилось, вино *сверкало*;
Сверкали блестки острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов

или таких строчках Блока:

Миры *летят*. Года *летят*. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.

Легко заметить, что даже специальное обыгрывание семантической многоплановости слова (основанное на том, что слово поставлено в такие условия, которые создают противоречие между позиционно обусловленным

значением слова и более широким контекстом), не приводит к разрушению его семантической целостности.

По иному обстоит дело с омонимами. Ассоциации здесь основаны только на звуковом тождестве, поэтому нарочитое столкновение омонимов всегда оказывается неожиданным в семантическом плане, не подкрепленным смысловыми ассоциациями; случайное же их столкновение в речи, приводящее к недоразумениям, свидетельствует об отсутствии «понятийного контакта» между говорящими (ср. замечание Н. С. Трубецкого о том, что «при восприятии любого языкового выражения мы обычно уже заранее настраиваемся на определенную, ограниченную сферу понятий и принимаем во внимание только такие лексические элементы, которые принадлежат этой сфере»).

Именно на комическом недоразумении, основанном на непонимании слушателями терминологического значения произносимых слов, строятся некоторые сценки, изображенные Чеховым, например: «При словах «предложение» и «союз» ученицы скромно потупляют глаза и краснеют, а при словах «прилагательное» и «придаточное» ученики с надеждою взирают на будущее» (Из записной книжки отставного старого педагога); «У постели больного стоят доктора Попов и Миллер и спорят. Они произносят, в частности, такие фразы, как «Я, признаться, плохой приверженец консервативного метода», «Я говорю о режиме, который следовало бы изменить in concreto...», «Не обойтись без сильного возбуждающего...», «Но прежде, чем давать возбуждающее, я просил бы вас обратить внимание на его конституцию...» В заключение больной, «побледнев», восклицает: «Ах, господа, не говорите так громко! Я человек семейный... служащий... Под окнами люди ходят... у меня прислуга... Ах!...», и безнадежно машет рукой» (У постели больного).

8. При рассмотрении вопросов, связанных с соотношением значений внутри отдельного слова, нам приходилось касаться и тех связей, которые существуют между словами, поскольку эти связи оказывались небезразличными для собственной семантики данных слов. Эти связи в какой-то мере отражены и в толкованиях значений слов; так, например, в приведенных выше толкованиях значений прилагательного *новый*, взятых из семнадцатитомного академического словаря, для некоторых

значений указаны антонимы (для первого — «Противопол.: *старый*», для второго — «Противопол.: *прежний, старый*»); в толкованиях используются синонимы (*современный, нынешний, теперешний; следующий, очередной* и т. д.), отмечаются семантические условия проявления выделяемого значения (ср. указание «О человеке, людях»). Для некоторых разрядов мотивированных слов толкования отдельных значений вообще заменяются в словарях отсылками к мотивирующим словам: например, «*земляной*. 1. Относящийся к земле (в 3 знач.)» «*земной*. 1. *Прил.* к *земля* (в 1 знач.)» и т. п.

Выяснение характера внешних семантических связей слова составляет одну из важнейших задач исследования словарного состава языка. Уже приведенные примеры показывают, что эти связи в общем могут быть распределены по трем основным линиям: это парадигматические, синтагматические и деривационные связи. На реальность соответствующих взаимодействий слов указывают самые разнообразные факты.

Хорошо известно, что в некоторых безглагольных конструкциях значение вполне определенного действия создается не при помощи каких-либо слов, которые непосредственно заменяли бы глагол, а лексико-синтаксической организацией самой конструкции. Ср.: Визку, бабеночка огнем загорелась, и глаза злобой сверкнули. Платок на глаза надвинула, хвостом вильнула *и за дверь. Я за ней!* (Чириков, Городок); И вот тоненький звоночек затрепетал, наполнил всю квартиру. *Елена бурей через кухню, через темную книжную, в столовую.* Огни ярче. Черные часы забили, затикали, пошли ходуном. (Булгаков, Белая гвардия); Свист, крик сзади, а *я бегом да на станцию,* ночи были темные (В. Белов, Плотницкие рассказы); Я подхожу. Она тотчас берет меня под руку.— *Я на одну минуту,*— говорит она мужу с нежной улыбкой (Казаков, Голубое и зеленое); Страдания ее способны тронуть камень, но доктор глядит на нее, дует себе на ладонь *и — ни с места* (Чехов, Зеркало);— ... Смотритель разговаривать было стал, *я его в зубы* (Л. Толстой, Два гусара); Но шофер больше — *ни слова* (Б. Можаев, Лесная дорога); *Слезы градом по Лидочкину личу.* И нет Лидочке жизни (Лавренев, Лидочкино лихо); Он, известное дело, усмехнется, *пешню в руки, ящик через плечо* — и пошел (Солоухин, Григоровы острова) и т. п.

Во всех приведенных примерах значение того или иного действия обусловлено не тем, что «опущен» какой-то определенный глагол, который «восстанавливается» из контекста. По существу, мы и не можем говорить здесь о значении какого-либо определенного глагола, но общее значение определенного действия выражено в каждом из приведенных примеров совершенно отчетливо. Это «значение» может быть реализовано в каждом случае отдельным рядом конкретных глаголов, связанных, следовательно, друг с другом парадигматически и образующих определенную лексико-семантическую группу (глаголы определенного движения, глаголы речи и т. д.), характеризуемую особыми синтагматическими отношениями.

При рассмотрении вопроса о многозначности слова и омонимии можно было бы обратить внимание на то, что семантическое единство слова определенным образом зависит от его деривационных связей. Так, более отчетливо тяготеют к омонимии те значения, которые мотивированы различно оформленными, т. е. разными, словами, когда соответствующие деривационные связи не утратили своей актуальной значимости. Ср.: *погодный — год, погодный — погода; съезд — съезжать, съезд — съезжаться; ссылка — ссылать, ссылка — ссылаться* и т. д.

К исследованию внешних семантических связей слов мы и обратимся в следующих разделах, после чего можно будет более подробно рассмотреть некоторые существенные аспекты семантической структуры слова.

Парадигматические отношения в лексике

*

1. Представление о «системности» лексики не противоречит интуитивному представлению о разнообразных связях, которые существуют между отдельными словами и группами слов. Традиционное выделение «тематических групп» в лексике, структурно-семантических разрядов слов (т. е. таких объединений слов, которые устанавливаются не только благодаря общности семантики, но и с учетом определенных формальных показателей) не было отвергнуто, скорее, напротив, было подкреплено в последнее время усилиями лингвистов, стремящихся применить к языку (и в частности, к его словарному составу) более точные методы исследования.

То, что каждый язык в известном смысле по-своему членит внеязыковую действительность и по-своему отражает реальные связи, существующие между разнообразными предметами и явлениями действительности, было давно замечено исследователями языка. Лексикологи неоднократно обращались к данным различных языков и их сопоставлению для иллюстрации и подтверждения этого факта. Однако последовательное изучение того, как именно соотносятся друг с другом значения слов, интуитивно воспринимаемые говорящими (так же как и лингвистами) как близкие, началось только в последние годы. Были исследованы различные группы слов (глаголы движения, глаголы речи, глаголы созидания, прилагательные, обозначающие цвет и т. д.), при этом все более подтверждалась мысль о том, что группы слов, выделяемых на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками, иначе говоря, многие тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами, если применять данное обозначение к тем разрядам лек-

сики, которые могут быть ограничены на основании определенных языковых показателей.

Заранее можно предположить, что глагольная лексика, в силу самого категориального значения глагола, всегда потенциально указывающего на ситуацию, характеризуется наибольшим количеством синтаксических, т. е. бесспорных собственно языковых, показателей. Что же касается так называемых конкретных существительных, их связи друг с другом в наибольшей степени отражают именно внеязыковые связи, т. е. обусловлены реальными связями самих обозначаемых ими предметов. Однако вряд ли оправданно ввиду этого заранее отказываться от семантического анализа данной части лексики. По-видимому, только учет всех отношений, существующих в словарном составе языка, позволит оценить подлинную сущность тех или иных показателей, так же как и особенности организации различных групп слов.

Тематические объединения слов, вроде названий частей тела, названий обуви и под., приводились как примеры таких объединений, которые нельзя считать семантическими. Однако можно ли действительно утверждать, что эти группы слов не характеризуются никакими «лингвистически значимыми» признаками?

Несмотря на всю конкретность, более того, полную внеязыковую обусловленность данных обозначений, они отмечены тем не менее и некоторой «собственно языковой» общностью, что становится очевидным, если принять во внимание особенности их лексической сочетаемости и словообразовательные возможности (т. е. синтагматические и деривационные связи). Так, названия частей тела (человека и животных) характеризуются тем, что участвуют в образованиях типа *безногий, безбородый, безголовый, безрогий* и т. д. и типа *бледнолицый, длинноволосый, коротконогий*, что выделяет их в особую словообразовательную группу, а названия обуви отмечены (нормальной только для них) сочетаемостью с глаголом *обуть*: *Он был обут в сапоги, валенки, лапти, сандалии* и т. д. (ср. также *в башмаках, туфлях, сандалиях* и т. д. — *на босу ногу*).

Разграничения различных видов объединений слов чрезвычайно важны для семасиологии, однако при этом необходимо учитывать все отношения, существующие в языке, чем бы они ни определялись. Как уже отмечалось,

весь лексический состав языка более или менее непосредственно отражает внеязыковую действительность, а говорить о значении слова без соотнесения этого слова с чем-то вне языка можно только, придав самому термину «значение» очень ограниченный смысл. Вместе с тем, поскольку каждый язык «по-своему» выделяет и группирует явления реальной действительности, постольку «внеязыковые» моменты во многом оказываются тесно переплетенными с «собственно языковыми» и изолированное рассмотрение последних по существу и невозможно. Например, слова *береза, тополь, сосна, ель, пальма, яблоня* и т. д., конечно, объединены предметно; но то, что, положим, в ряде языков, в том числе и русском, отсутствует общее обозначение (в виде отдельного слова) для всех хвойных или всех фруктовых деревьев, это уже факт языка — факт лексики, который обращает на себя внимание, однако, только в связи с «предметной» ее группировкой. В то же время эта группировка получает и собственно языковое отражение. Е. Курилович как-то отметил, что по образцу таких названий фруктовых деревьев, как pommier, prunier, poirier и т. д., образованных от pomme, prune, poire, позднее во французском языке возникло слово bananier. Возможность подобных образований Е. Курилович видит в «скрытом присутствии» господствующего понятия, т. е. понятия «фруктовое дерево», не находящего в языке реального выражения [1], но определяющего словообразовательную модель.

В русском языке многие названия фруктовых деревьев являются одновременно и названиями соответствующих плодов; ср. *вишня, черешня, груша, слива, абрикос* и т. д.; это семантическая особенность именно данной тематической группы слов. Таким образом, предметная общность слов может обусловливать и некоторую общность их словообразовательных и семантических примет. Вместе с тем определить степень такой формальной общности как для различных тематических групп слов, так и внутри отдельных групп (*яблоня* — тоже «фруктовое дерево», но плод с нее обозначается отдельным словом — *яблоко*) можно, только выделив эти тематические группы. Следует заметить также, что в ряде случаев слова, объединенные те-

[1] J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wroclaw, 1956, стр. 9.

матически, объединяет также и общность их синтаксических возможностей (на этом вопросе предстоит еще остановиться в следующей главе). Понятно, что для лингвистического исследования выделение таких тематических групп, внутри которых слова объединены какими-то формальными приметами, имеет первостепенную важность. Но, по существу, для того чтобы установить, что эта общность формальных примет как-то связана и со смысловой стороной слов, необходимо так или иначе опять-таки обратиться к внеязыковым фактам.

2. Каждое высказывание — результат лексического выбора. О том же событии в определенной ситуации можно сказать: *Лесник срубил дерево* или *Старик срубил березу* и десятками других способов, но нельзя сказать: *Подросток срубил елку* или *Тракторист срубил куст*. Слова *старик* и *лесник* с разных сторон характеризуют человека и поэтому при соответствующих условиях могут относиться к тому же человеку, как, к примеру, и названия *хитрец, сосед, толстяк* и т. п.; точно так же могут обозначать один и тот же предмет *дерево* и *береза*, поскольку первое включает в себя второе. Несомненно, слова *старик, лесник, подросток, тракторист* и т. д. объединяет нечто общее. Таким общим для них семантическим элементом является отношение к лицу (это находит, как известно, и формальное грамматическое выражение в русском языке). Но внутри этой тематической группы отдельные слова, как нетрудно заметить, по-разному соотносятся друг с другом. Значения слов *старик* и *подросток* взаимно исключают друг друга (речь идет, разумеется, об основных значениях слов), поэтому могут рассматриваться как члены определенной семантической парадигмы [2], включающей «обозначения лиц по возрасту». Взаимно исключают друг друга и слова *лесник* и *тракторист*, как «обозначения лиц по профессии», опять-таки парадигматически сопоставленные друг с другом. Слова же *лесник, старик, хитрец* не находятся как таковые в непосредственных парадигматических отношениях, хотя парадигмы, в которые они входят, в целом могли бы опять-таки рассматриваться как члены более общей «парадигмы» или

[2] См. в этой связи соображения Прието об отличии «позматических» оппозиций от фонематических (L. J. Prieto. Principes de noologie. The Hague, 1964, стр. 47—58).

парадигмы следующей ступени, в которой были бы противопоставлены обозначения лиц: «по возрасту», «по профессии», «по определенным внутренним качествам» и т. д. Однако ввиду отсутствия соответствующих общих наименований более удобно говорить в данном случае о тематической группе слов (или, поскольку объединение этих слов сопровождается формальными приметами,— о структурно-семантической группе слов), отдельные члены которой являются в то же время членами различных лексико-семантических парадигм.

Точно так же не образуют единого парадигматического ряда слова *береза* и *дерево*, *береза* и *куст*, отношение между которыми определяется как отношения между членами парадигм разных ступеней: *береза — ель — сосна* и т. д. — *дерево*; *дерево — куст — цветок* и т. д. — *растение*.

Общий элемент значения, присущий словам соответствующих рядов, может быть назван семантической темой (в значениях слов *береза*, *ель* и т. д.— это «дерево», в значениях слов *дерево*, *куст* и т. д.— «растение»); то, что в языке есть слова, совпадающие со словесным обозначением этой «темы» (*дерево*, *растение*), не означает, что они выражают данную тему как бы в чистом виде, — они, конечно, представляют ее своим значением, но значение слова и элемент значения — не одно и то же.

Парадигматические отношения между словами, подобные вышеприведенным, конечно, зависят от отношений, существующих между самими предметами действительности. Такого же рода парадигмы представляют собой объединения слов, являющихся названиями «частей тела», «времени суток», «мебели», «ландшафта», «средств передвижения», «населенных пунктов» и мн. др. Будучи отражением группировки самих предметов действительности, подобные объединения слов обнаруживают, однако, целый ряд таких особенностей, которые определяются свойствами конкретного языка (ср., например, семантическую особенность слов, относящихся к последней из упомянутых групп,— возможность их метонимического применения для обозначения жителей названного населенного пункта: «Весь город ликовал», «Вся деревня вышла на полевые работы» и т. п.). Уже характер вычленения тех или иных звеньев реальной действительности, способы их группи-

ровки в какой-то мере зависят от наличия в языке соответствующих наименований. Например, в русском языке нет отдельного слова для обозначения хвойного дерева, но есть такое общее обозначение для хвойного леса — *бор* (с дополнительным семантическим признаком — размера; ср. определение слова в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: «большой, густой хвойный лес»); нет отдельного обозначения для лиственного дерева, но есть общее обозначение лиственного леса — *роща* (опять-таки с дополнительным семантическим признаком размера; ср. толкование в том же словаре: «небольшой, обычно лиственный лес»). Только при помощи составных наименований могут быть выражены такие родовые понятия, как «головной убор» (ср. *обувь, одежда*), «населенный пункт» (ср. *жилище*), «средства передвижения» и мн. др.

Парадигматические отношения в лексике не только многоступенчаты, но и неодномерны.

Многие слова (взятые в одних и тех же значениях) являются одновременно членами не одной, а нескольких лексико-семантических парадигм, т. е. входят в различные ряды, в которых слова противопоставлены друг другу по какому-то определенному семантическому признаку. Собственно, каждый существенный элемент лексического значения («семантический признак») потому и выделяется как существенный для данного значения, что обусловлен определенным парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов.

Например, в определение лексического значения слова *река* должно войти указание на то, что это «водоем» — во-первых, определенных размеров, во-вторых, определенной формы, обусловленной характером течения воды, наконец, в-третьих, естественного происхождения. Все эти элементы значения являются существенными для семантики слова, потому что каждый из них выступает как дифференциальный семантический признак слова, отграничивающий данное слово от других обозначений и указывающий на соответствующие ряды парадигматических противопоставлений. Так, по первому признаку слову *река* противостоят такие слова, как *речка, ручей*; по второму — такие, как *пролив, озеро, море, океан*; по

третьему — такие, как *канал, пруд, водохранилище*. Таким образом, одно и то же слово входит в разные парадигмы, в соответствии с чем и могут быть выделены его семантические признаки.

Именно эти признаки и кладутся обычно в основу словарных толкований, помещаемых в одноязычных толковых словарях, так как составителями осознается необходимость более или менее последовательного отграничения значений слов, относящихся к однородным группам предметов (и *река*, и *пруд*, и *водохранилище* — это «водоемы», отличающиеся тем-то и тем-то). Правда, отсутствие четкого представления о парадигматических противопоставлениях слов по определенным семантическим признакам нередко приводит к неупорядоченности и недостаточной информативности толкований.

Сопоставим хотя бы толкования, даваемые значениям слов *пруд* и *бассейн*, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова. Первое определяется как «искусственный водоем в широком выкопанном углублении с напущенной или накопившейся почвенной водой, а также запруженное место в реке», второе — как «большой искусственный водоем с открытой водной поверхностью». Ясно, что из приведенных определений трудно выявить различие между значениями данных слов.

В современном русском языке существует довольно большая группа глаголов со значением «отделения, отъединения». Несмотря на общность семантической темы и одинаковое префиксальное оформление (префиксом *от-*), толкуются они в словарях не вполне однородно, что можно видеть, например, по толкованиям, помещенным в четырехтомном «Словаре русского языка»:

Отрезать — «Отделить что-л., часть чего-л. каким-л. режущим инструментом (ножом, ножницами и т. п.)»;

Отрубить — «Рубя, отделить»;

Отпилить — «Отрезать пилой»;

Оторвать — «Дернув, потянув, отделить (часть от целого, что-л. прикрепленное и т. п.)»;

Отломать — «Ломая, сломав, отделить»;

Открутить — «1. Раскручивая, отделить... 2. Крутя, поворачивая, оторвать»;

Отклеить — «Отделить, оторвать что-л. приклеенное»;

Отпороть — «Разрезая нитки по шву, отделить пришитое»;

Отцепить — «Отделить, объединить что-л. прицепленное»;

Отвинтить — «Вращая что-л. имеющее винтовую резьбу, отделить, снять»;

Отпаять — «Нагреванием отделить что-л. припаянное»;

Отлепить — «Отделить что-л. приленившееся, приклеенное, отклеить»;

Отколотить — «Отбить, отделить что-л. приколоченное»;

Отковырять — «Отделить, ковыряя»;

Отодрать — «Отдирая, отделить (что-л. прочно прикрепленное)»;

Откромсать — «Кромсая, отрезать» и пек. др.

Можно полагать, что если бы эти глаголы были рассмотрены составителями словаря как семантически однородные (имеющие общую семантическую тему «отделить»), то трактовка их значений в словарных статьях была бы несколько более последовательной[3]. Тогда, по-видимому, были бы и более заметны те отличительные признаки, которыми характеризуются данные значения.

Эти признаки распределяются в общем по трем группам, в соответствии с чем в глаголах: 1) содержится указание на тип инструмента, при помощи которого отделяется что-л; 2) содержится указание на характер самого действия, посредством которого отделяется что-л.; 3) содержится указание на то, как была присоединена отделяемая часть. Первый признак характеризует значения глаголов *отрезать, отрубить, отпилить*, второй признак — значения глаголов *оторвать, отломать, открутить, отковырять, отодрать*, третий — значения глаголов *отклеить, отцепить, отвинтить, отлепить, отколотить*; в значении глагола *отпаять* содержатся одновременно второй и третий признаки, в значении глагола *откромсать* — пер-

---

[3] Можно также отметить попутно, что вслед за толкованием значения глагола *отодрать* как «оторвать, отделить (что-л. прочно прикрепленное)» приводится такая иллюстрация: «Тогда решили *отодрать* какую-то доску, *не особенно крепко прибитую* к своему месту», по-видимому, несколько противоречащая пояснению, данному в скобках.

вый и второй признаки, в значении *отпороть* — первый и третий. Совершенно ясно, что природа самих реальных предметов в значительной степени предопределяет то, при помощи какого действия они могут быть отделены от чего-либо. Поэтому сочетаемость большей части данных глаголов в типичных случаях не совпадает. Ср. *отрубить, отпилить, отломать* — ветку, сучок, но не *отпороть, отклеить, отпаять* и т. д.; *отклеить, отодрать* — марку от конверта, но не *отрубить, отпилить, отпаять* и т. д. Однако в каких-то ситуациях можно без труда представить себе возможными и все (или почти все) указанные действия, тогда роль отмеченных признаков в значениях соответствующих глаголов становится вполне очевидной. Ср.: Все что-то делали, кроме меня; даже маленький Петя, который деловито укладывал в детский фанерный чемоданчик свои игрушки и старался *открутить* у паяца голову, потому что она не влезала в чемоданчик (Каверин, Два капитана) и фразы с заменой глагола *открутить* другими глаголами данной группы — «отрезать, отрубить, отпилить, оторвать, отломать, отодрать, отклеить и т. д.— у паяца голову».

Парадигматические противопоставления могут быть обусловлены не только распределением каких-то определенных признаков (в том числе и относительных, например типа «больше — меньше», ср. *горячий — теплый* и т. п.), но и соотношением «наличие — отсутствие» какого-то признака.

В тех случаях, когда соотношение «наличие — отсутствие» признака основывается на последовательном расчленении «беспризнакового» значения (*дерево = береза + + ель + сосна + пальма* и т. д. или в древнерусском: *рука = = десница + шуица*), соответствующие обозначения, как говорилось выше, образуют ряд «последовательных» парадигм, или парадигм разных ступеней (*береза + ель + + сосна* и т. д.= «дерево»; *дерево + куст + цветок* и т. д.= = «растение»).

В тех же случаях, когда соотношение «наличие — отсутствие» признака связано не с «расчленением» значения, а только с его специализацией в каком-то одном направлении или когда это соотношение проявляется при несовпадении других семантических признаков слов, возникает иной тип лексико-семантических противопоставлений. Слова образуют особый парадигматический ряд,

основанный на — вообще характерном для семантики — неравномерном распределении дифференциальных признаков. Например, слово *лес* является более общим обозначением, чем *роща* и *бор*. Однако последние не покрывают всей сферы значения первого; они противопоставлены ему (и друг другу) одновременно по двум признакам: *бор* — это «большой, густой хвойный лес», а *роща* — «небольшой, обычно лиственный лес». *Лес* выступает как «беспризнаковый» член парадигматического ряда. Но группа слов с семантической темой «лес» не исчерпывается этими обозначениями. Сюда же относятся слова, вроде *дубрава, колок, чаща, пуща* и т. д., в значениях которых выступают уже новые признаки, не соотносительные с отмеченными выше. В том же словаре значения данных слов определяются так: *дубрава* — «лиственный лес, дубовая роща»; *колок* — «небольшой участок леса, перелесок (преимущ. на границе между лесом и степью)»[4]; *пуща* — «густой, непроходимый лес, лесная заросль»; *чаща* — «густой частый лес, заросль». Таким образом, развитие семантической темы идет в данных значениях по линии специализации, увеличивающей неравномерность лексической парадигмы в целом.

Для значений слов *река, речка, ручей* не существен признак «быстроты течения». Горная река со стремительным течением и равнинная река с медленным течением, ручей в горах Кавказа и ручей в Подмосковье и т. п. обозначаются одинаково как *реки* и *ручьи*. Слово же *поток* отграничивается от этих обозначений именно по признаку «быстроты течения», в то время как признак «размеров» не существен для его значения (ср. определение в словаре Ушакова: «стремительно текущая водная масса — река, ручей с сильным течением»). Таким образом, слова *река, речка, ручей* вместе противопоставлены слову *поток*, будучи «беспризнаковыми» членами данной парадигмы.

Возьмем другой пример. Слово *арык* определяется как «оросительный канал (канава) в Средней Азии» (см. «Словарь современного русского литературного языка»). Соотношение *канал — арык* строится, следовательно, на

---

[4] В четырехтомном академическом «Словаре русского языка» дано такое толкование: «участок леса в степи». В обоих словарях слово оценивается как областное.

выделении дополнительных признаков во втором слове («специальное назначение» + «географическая прикрепленность» обозначаемого предмета), не существенных для первого. Кроме того, со словом *арык* связано и иное представление о «размерах», обусловливающее нейтрализацию тех различий, которые определяют выбор наименований *канал* или *канава* (вообще противопоставленных не только по признаку «размера»). Таким образом, слова *канал* и *канава* вместе противопоставлены слову *арык* по двум признакам, выступая как «беспризнаковые» члены данной парадигмы.

В результате объединения и противопоставления слов по различным семантическим признакам образуются ряды соподчиненных или перекрещивающихся лексико-семантических парадигм.

3. Поскольку многие слова отличаются от каких-то других слов только отдельными элементами значения (при общности других элементов), можно предположить, что существуют такие ситуации, в которых эти несовпадающие элементы значения становятся несущественными, а следовательно, данные слова оказываются взаимозаменимыми. И наоборот — взаимозаменимые в каких-то ситуациях слова в других случаях выступают как противопоставленные друг другу. Например, слова *актер* и *артист* в определенных контекстах могут употребляться недифференцированно (актер Малого театра — артист Малого театра и т. п.), т. е. противопоставления этих слов по некоторым семантическим признакам нейтрализуются. Однако эта позиционно обусловленная нейтрализация не разрушает противопоставления слов в пределах образуемой ими более «частной» парадигмы. Ср. возможность индивидуально-контекстного подчеркивания подобного противопоставления: — Нет, я — *артист*, а не *актер*. Прошу различать. *Актеру* — венки и пошлые рукоплескания, а мне — лишь потрясение души (А. Толстой, Трагик). Ср. такого рода противопоставление также взаимозаменимых в некоторых иных ситуациях слов: Письма не было и не было, он теперь *не жил*, а только изо дня на день *существовал* в непрестанном ожидании, все более томясь этим ожиданием и невозможностью ни с кем поделиться тайной своей любви и муки, поговорить о Кате, о своих надеждах на Крым... (Бунин, Митина любовь); Будущее — это воздух жизни, движение жизни, это сама

жизнь. В старости его еще можно заменить прошлым и покорно существовать. Но *существование* — не *жизнь*. Существование только тогда становится жизнью, когда есть мечты и твердые расчеты, как дальше жить, что дальше делать (Тендряков, За бегущим днем) и т. п.

Взаимозаменимость слов в одних речевых условиях и их противопоставленность в других условиях, как правило, свидетельствует об их принадлежности к лексико-семантическим парадигмам разных уровней — более общим и более частным, т. е. к группе слов, объединяемых на основе меньшего или большего числа дифференциальных признаков. Например, оценочные прилагательные *сильный, мощный, крепкий* противопоставлены друг другу по ряду признаков, которые существенны в пределах образуемой этими прилагательными парадигмы. Но в то же время они входят и в более общую парадигму, в которой все вместе оказываются противопоставленными таким словам, как *слабый, немощный, бессильный, слабосильный*, образующим в свою очередь отдельную более частную парадигму. Взаимозаменимые на одном семантическом уровне, слова становятся противопоставленными на другом семантическом уровне. Крайние, предельные случаи подобной взаимозаменимости и противопоставленности можно рассматривать как с и н о н и м и ю и а н т о н и м и ю.

Имеющее длительную традицию учение о синонимах и антонимах по существу является следствием (часто не проведенных последовательно) наблюдений над семантическими связями слов, над тем, что «собственное» значение слова как-то обусловлено его соотношением с другими словами. Правда, в трактовке синонимов и антонимов как раз сказывается в большой мере сила, так сказать, терминологической инерции, какая-то подсознательная уверенность в том, что синонимы и антонимы — это уже данные исследователю «реалии» языка, которые подлежат только адекватному описанию. Между тем, например, самое положение о том, что в языке не существует а б с о л ю т н ы х синонимов,— положение, повторяемое различными авторами,— заставляет воспринимать данную категорию как до некоторой степени условное обозначение таких языковых явлений, которые могут быть истолкованы и названы неодинаково, в зависимости от принятых критериев. Если в языке, как правило, нет а б с о л ю т-

ных синонимов, то самая синонимичность может, следовательно, иметь то более, то менее выраженный характер, или слова могут быть то более, то менее синонимичными. Значит, нет и абсолютной границы для синонимов, и трудность ее определения зависит прежде всего от самой природы устанавливаемой категории. Поэтому был бы, собственно, беспредметным спор о том, какая степень семантической близости свидетельствует о некоей подлинной синонимичности слов.

Нередко говорят о разном понимании синонимов, имея в виду, что одни называют синонимами, например, только слова типа *голова — башка, умереть — скончаться* и т. п. (И. А. Мельчук[5]), другие, напротив, исключая эти слова из синонимии, относят к синонимам *дождь — ливень, книга — фолиант* и т. п. («Словарь синонимов русского языка». Под ред. З. Е. Александровой. М., 1969). Точнее, конечно, говорить здесь не о разном понимании синонимов, а о различном употреблении термина, об его применении не к тем же самым явлениям языка. Наивное убеждение в том, что какие-то «реальные» синонимы уже отграничены в самом языке, приводит, действительно, к трудности, отмеченной, например А. И. Уемовым, который пишет: «Если мы хотим дать определение синонимов вообще, то мы должны выбрать одно из определений и отбросить все остальные... Таким образом, возникает затруднение: мы должны дать определение синонимов так, чтобы оно соответствовало реальным синонимам, но, с другой стороны, круг синонимов будет определяться в зависимости от нашего определения»[6]. Затруднение здесь мнимое, так как круг синонимов будет, действительно, определяться тем определением, которое мы дадим им.

Вместе с тем следует со всей решительностью возразить против смешения двух совершенно различных по характеру явлений: близости значений разных слов и их способности обозначать одни и те же предметы. Поскольку синонимы рассматриваются обычно как семантическая

---

[5] И. А. Мельчук. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. «Изв. ОЛЯ АН СССР». Серия лит-ры и языка, 1968, т. XXVII, вып. 5, стр. 435—436.

[6] Ср.: А. И. Уемов. Проблема синонимов и современная логика. «Логико-грамматические очерки». М., 1961, стр. 32—33.

категория, только первый критерий можно считать существенным для определения синонимов.

Возможность выбора между различными словами, способными назвать тот же предмет, сама по себе вообще часто не зависит от какого-либо семантического сходства или даже тематической однородности данных слов.

Выше уже говорилось о том, что разные слова нередко служат обозначениями тех же явлений. В первую очередь это обусловлено тем, что сами явления действительности обычно могут быть охарактеризованы с разных сторон. Например, об одном и том же человеке можно сказать, назвав его по имени или же обозначив по должности, по профессии, по каким-то внешним признакам или внутренним качествам, по его взаимоотношению с кем-то или чем-то и т. д. Понятно, что в ряде случаев выбор признака, по которому обозначается данное лицо, отражает уже само по себе отношение к нему говорящего. Не приходится подробно останавливаться на том, что самый способ названия по имени, или по имени и отчеству, или по фамилии и т. д. определенным образом отражает и взаимоотношение лиц, и общественное положение называемого; например, герой одной из пьес Островского так говорит о себе: [Петрович] Человек я тогда был состоятельный, дела вел большие, конкурсами занимался. Не *Петровичем* меня звали-то, а *Иваном Петровичем Самохваловым* (Островский. Не было ни гроша...); карьера ловкого поверенного из крепостных в романе Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» показана через эволюцию его имени — сначала он *Иванько Маяченко*, потом *Иван Маявецкий* и наконец — *Иван Афанасьевич Горб-Маявецкий*. В рассказе Куприна «На разъезде» чиновник господин Яворский требует от своей жены, в частности, следующее: «Во-первых, Люба, я просил тебя не называть меня никогда *Александром Андреевичем*. Это — вульгарно. Так зовут только купчихи своих мужей. Я думаю, тебе не трудно называть меня *Сашей* или просто *Александром*».

Различие в наименовании того же предмета или явления бывает вызвано и различным его истолкованием. Это особенно наглядно, когда речь идет об отвлеченных понятиях. Например: Вступало в привычные права то, что показалось бы противоестественным для многих, но было характерной особенностью Бахирева, то, что одни

называли одержимостью, а другие творческим горением, то, о чем Тина говорила «талант» (Николаева, Битва в пути).

Субъективные различия в оценке фактов также являются причиной применения к этим фактам разнородных и разноплановых наименований. Ср.: — И тогда, в эти дни величайшей паники, мы, то есть я, вы и еще триста таких же буйволов, или мировых негодяев, или финансовых королей,— выбирайте название по своему вкусу,— возьмем мир за глотку (А. Толстой, Гиперболоид инженера Гарина); — Убийство и грабеж организованы государством. Дурачки, соплячки продолжают называть убийство и грабеж убийством и грабежом. Я же отныне называю это полным осуществлением права личности (А. Толстой, Хождение по мукам; слова Жадова) и т. п.

Когда дело касается применения слов, обозначающих отвлеченные понятия к явлениям действительности, колебания в выборе наименования часто отражают не только различное восприятие и оценку этих явлений разными лицами, но и субъективные затруднения в их правильном определении. Вот как, например, размышляет герой повести Бунина «Митина любовь» об охватившем его чувстве: «Что это значит вообще — любить? Ответить на это было тем более невозможно, что ни в том, что слышал Митя о любви, ни в том, что читал он о ней, не было ни одного точно определяющего ее слова. В книгах и в жизни все как будто раз и навсегда условились говорить или только о какой-то почти бесплотной любви, или только о том, что называется страстью, чувственностью. Его же любовь была не похожа ни на то, ни на другое. Что испытывал он к ней? То, что называется любовью, или то, что называется страстью?» Понятно, что рассматривая слова «любовь» и «страсть» в данном контексте как «синонимы» мы бы только исказили смысл изображаемого.

Чаще других при выделении синонимов выдвигались такие признаки, как, во-первых, «тождественность или близость значения» слов и, во-вторых, их «взаимозаменимость». Оба соответствующих определения представляются вполне возможными, они недостаточны, однако, в связи с тем, что понятие «близости значения» остается в общем неопределенным, а «взаимозаменимость» слов сама по себе допустима и в случаях, о которых только что говорилось,

когда тот же предмет может быть назван совершенно по-разному в зависимости от того, как он понимается или какие его свойства говорящий хочет отметить.

Для того чтобы понятие взаимозаменимости приобрело более четкие очертания, необходимо определить его в связи с некоторыми собственно языковыми факторами, не зависящими от произвола говорящего и многообразия конкретных речевых ситуаций. Взаимозаменимость должна пониматься в таком случае не как возможность замены одного слова другим, а как необходимость такой замены, но, понятно, не в конкретных речевых высказываниях, где такого рода необходимости быть не может, а при определении значения самого слова.

Если нам надо одним словом определить значение какого-либо другого слова и это можно сделать, перед нами, естественно, такие слова, которые должны расцениваться как взаимозаменимые (а соответственно — и «близкие» по значению). Так, значение глагола *спешить* мы можем определить при помощи глагола *торопиться*, и наоборот; значение глагола *устать* при помощи глагола *утомиться*, и наоборот; ср. взаимозаменимость в указанном смысле слов *настать — наступить, быстрый — скорый, грустный — печальный, страшиться — бояться, гасить — тушить* и т. п.

И дальше. То, что в определенном контексте многозначное слово выступает в таком-то из своих значений, является, как правило, следствием вполне регулярных соотношений данного слова с сочетающимися с ним словами, т. е. обусловливается лексической позицией данного слова. Например, прилагательное *тупой* не способно в сочетаниях *тупая пила* или *тупой топор* иметь того значения, которое реализует в сочетаниях *тупой ученик* или *тупая девчонка*, и наоборот. Следовательно, речь здесь должна идти не о возможности выбора такого-то значения, а о необходимости выбора. Аналогичный характер имеет необходимость синонимичной замены слова. В значении, которое выступает в сочетании *тупой ученик*, прилагательное *тупой* принудительно становится взаимозаменимым с прилагательными *бестолковый, несообразительный*, что очевидно при попытках применить данное определение к словам вроде *пила, топор* и т. д. (например, при олицетворении последних).

Таким образом, явление синонимии может быть рассмотрено с точки зрения позиционной обусловленности

значения, а соответственно — нейтрализации в определенных позициях противопоставления значений. При таком понимании синонимии естественно, что степень *синонимичности* различных слов не может быть одинаковой.

Нетрудно заметить, что в приведенных выше примерах представлены разные в этом отношении ряды слов. Такие пары, как *спешить — торопиться, устать — утомиться*, с одной стороны, и *тупой — бестолковый*, с другой, представляют крайние точки на «шкале» синонимичности. Первые приближаются к тому, что называют «абсолютными» синонимами, поскольку количество позиций, в которых их противопоставление нейтрализовано, является максимальным. Вторые можно было бы назвать «контекстно-обусловленными» синонимами, если бы с этим обозначением не связывалось представление о так называемых контекстных синонимах, которые обычно понимаются как слова, смысловое сближение которых вообще индивидуально.

Однако «абсолютизирование» отличия «абсолютных» синонимов от «относительных» не кажется оправданным, так как оно основано на представлении о независимости собственно лексического значения слова от его экспрессивно-стилистической значимости, разграничение которых не столь очевидно, когда речь идет не о терминологических «синонимах» (типа *лингвистика — языкознание*) [7] и именах и глаголах с отчетливым денотативным значением, а о большой массе многозначных слов, значения каждого из которых (по самому определению) связаны друг с другом.

Когда И. А. Мельчук пишет: «От лексических синонимов разумно требовать только совпадения означаемых при совпадении части речи — все прочие их синтаксические и стилистические характеристики могут быть сколь угодно различными» [8], он явно не учитывает, что стили-

---

[7] Несколькими такого рода примерами часто и ограничиваются, упоминая о том, что «абсолютных синонимов в языке почти нет». Но уж если брать примеры из области терминологии, нужно утверждать обратное: в профессиональной терминологии их, к сожалению, слишком много. См., например: В. С. Бондаренко. К вопросу о терминологической лексике (об упорядочении русской технической терминологии). «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1956, т. 51, стр. 172 и сл.

[8] И. А. Мельчук. Указ. соч., стр. 435.

стическая характеристика слова определяет не только контекст, в котором возможно данное слово, но и то означаемое из соответствующей предметной области, которое может быть названо данным словом. Если даже согласиться с автором, что *спать — почивать — дрыхнуть — кимарить, голова — башка* — это и есть «абсолютные полные синонимы», то вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что их означаемые совпадают; скорее их означаемые все-таки не совсем «те же». Иначе трудно объяснить совместимость такого рода стилистических синонимов в речи, а также и возможность их противопоставления. Ср.: Верхний базар был жестоким, жадным, каким-то безжалостно отчаянным, забубенным... Кругом *ели, лопали, жрали* (Федин, Первые радости); Даже грубоватый Рославлев, повстречав ее на лестнице, склонился в шутливом поклоне.— Вы не *идете*, вы *шествуете!* Перед вами расступаются (Николаева. Битва в пути);

Настанет день — печальный говорят!—
Отцарствуют, отплачут, отгорят,—
Остужены чужими пятаками,—
Мои глаза, подвижные, как пламя,
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое *лицо* проступит — *лик*.

(М. Цветаева, Настанет день...)

У жены твоей —
очи,
и не *губы* —
уста...
Я люблю тебя очень!
Но пред нею
чиста.

(Р. Казакова, У жены твоей...)

Определение синонимии на основе понятия нейтрализации кажется наиболее привлекательным потому, что во-первых, оно по существу соответствует наиболее распространенному пониманию синонимов[9], во-вторых, соот-

[9] А. П. Евгеньева пишет: «В качестве рабочего положения для подготовки материалов к «Словарю синонимов русского языка» было принято традиционное понимание: синонимы — слова близ-

носит одно из центральных явлений лексики (ср. соображения об асимметричности языкового знака) с явлениями, свойственными языку в целом.

Хотя попытки связать лексическую синонимию с фактором нейтрализации уже предпринимались [10], приходится признать, что ни в понимании синонимии, ни в понимании самой нейтрализации за пределами фонологии нет не только достаточной ясности, но даже общности сходных позиций.

Мысль о том, что в плане содержания могут быть обнаружены явления, аналогичные явлениям фонологической нейтрализации, была впервые, как кажется, высказана Л. Ельмслевом. По его мнению, слияние единиц *т* и *д* в русском языке «под доминацией финальной позиции» (в результате которого «две плерематические единицы, выражаемые двумя кинематическими единицами, различающимися только оппозицией t : d, совпадают и становятся структурно идентичными») — аналогично синкретизму номинатива и аккузатива в латыни «под доминацией среднего рода», в результате чего содержание формативa *-um* включает сложный элемент «номинатив/аккузатив» таким образом, две «кенематические единицы, служащие для выражения плерематических единиц, различающихся только при помощи оппозиции 'номинатив' : : 'аккузатив', совпадают и становится структурно идентичными» [11].

Самый характер произведенного Л. Ельмслевом сопоставления явился причиной многих дальнейших противоречий в оценке понятия нейтрализации за пределами фонологических явлений [12]. Синкретизм, т. е. соответствие одного означающего двум означаемым, не создает сам по

кие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения (близкие), либо стилистической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками...» (А. П. Евгеньева. Проект словаря синонимов. М., 1964, стр. 9).

[10] См., например: «Travaux de l'institut de linguistique, v. II. Paris, 1957 (ответ О. С. Ахмановой, стр. 9 и др.).

[11] L. Hjelmslev. Note sur les oppositions supprimables. «Essais linguistiques». Copenhague, 1959, стр. 82—88.

[12] О самых разнообразных толкованиях понятия нейтрализации в применении к грамматике и лексике см.: «Travaux de l'institut de linguistique» (La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique).

себе ни единицы значения, аналогичной архифонеме (в связи с которой было выдвинуто в пражской школе понятие фонологической нейтрализации), ни чего-то вроде варианта одной из совпавших грамматических форм (в соответствии со взглядами московской фонологической школы).

Кроме того, отмеченные Л. Ельмслевом факторы нейтрализации не кажутся вполне однородными. Значение среднего рода вряд ли можно рассматривать как нечто эквивалентное позиции, в которой находится фонологическая единица, ведь совпадение формы именительного и винительного существительных среднего рода не параллельно совмещению значений этих падежных форм.

Наиболее оправданным нам кажется видеть аналогию с фонологической нейтрализацией в таких грамматических явлениях, когда противопоставленные по какому-либо грамматическому признаку формы слов в определенных синтаксических условиях (позициях) не используются для выражения соответствующего противопоставления.

Однако указание на то, что в тех или иных синтаксических условиях определенные грамматические формы не используются для противопоставления по определенному признаку,— само по себе не является достаточным для того, чтобы определить однозначно границы того, что понимается под «нейтрализацией», так как в соответствии с таким пониманием можно говорить и о нейтрализации, при которой не происходит совпадения значения соответствующих форм, и о такой, при которой происходит именно совпадение значения.

Так, например, грамматическое выражение «неопределенно-личного» значения связано в русском языке с тем, что выражающая его форма глагола (3-го лица множественного числа) перестает быть соотносительной с противопоставленной ей в других позициях формой по признаку числа («Говорят, что вы уезжаете» — может значить, что «говорит» и один кто-то, и многие). Ср.:

Я к матери иду.
Здесь надо мной не учиняют суд,
а наливают мне в тарелку суп
(Е. Евтушенко)[13].

[13] Назначение этой формы наглядно выступает, когда действие соотносится с субъектом в единственном числе, однако эта кон-

Реальным производителем действия, указанного глаголом, может быть и одно лицо, и несколько лиц,— иногда реальное число видно из ситуации, но сама форма его не выражает.

Таким образом, в позиции, обусловливающей значение «неопределенного лица», противопоставление глагольных форм *учиняет — учиняют* снимается.

Если грамматический состав соответствующих значений обозначить: $A + a$, $A + \bar{a}$ (где A символизирует совпадающие признаки «глагольности», категории «времени» и т. д., а a и $\bar{a}$ — признаки «единственное число» — «множественное число»), то значение формы *учиняют* во фразе «Здесь надо мной не учиняют суд» должно быть обозначено как $A + b$, где b является обозначением признака «неопределенного лица», несовместимого с признаками a и $\bar{a}$. Значение формы *учиняют* перестает быть противопоставленным непосредственно значению $A + a$[11]; противопоставление, в котором оно находится, принимает такой вид:

$$\frac{A + B}{A + a \text{ и } A + \bar{a}}$$

Если расценивать подобные случаи транспозиции грамматических форм как случаи грамматической нейтрализации, нужно подчеркнуть их особый характер в сравнении с другими фактами, которые с первого взгляда кажутся как будто аналогичными.

Вот несколько примеров.

1) Нейтрализация противопоставления по определенному признаку может заключаться в том, что в опреде-

---

кретизация намеренно отстраняется, заменяясь представлением о неопределенном (неизвестном или обобщаемом) субъекте. Например: Княжна же во все время визита неукротимого бульдога кричала, как будто бы ее уже съели... (Достоевский, Неточка Незванова).

[11] Мы не касаемся здесь возможности противопоставления с формой в «безличном» значении; оно вообще не имеет регулярного характера, хотя для значений ряда слов здесь возможны определенные грамматические противопоставления. Ср.: Как она в ее положении перелезла через высокий и крепкий забор сада, осталось некоторого рода загадкой. Одни уверяли, что ее «перенесли», другие, что ее «перенесло» (Достоевский, Братья Карамазовы).

ленной позиции обе противопоставленные в иных позициях единицы приобретают вместо признака, р а з л и ч а ю щ е г о их в этих позициях, новый о б щ и й признак. Такая нейтрализация может быть представлена, следовательно, в формуле:

$$\left.\begin{matrix} A+a \\ A+\bar{a} \end{matrix}\right\rangle A+a'$$

Этой формуле соответствует, например, нейтрализация противопоставления по комплексному признаку «персональность» — «неперсональность» глагола в случае так называемого обобщенно-личного употребления формы 2-го лица единственного числа глагола совершенного вида в сочетании с отрицанием *не* в таких случаях, когда эти формы, приобретая дополнительное значение «невозможности совершения действия», становятся синонимичными инфинитиву. Ср.: Право, даже уж и слов-то *не подберешь* (=не подобрать), как благодарить вас! (А. Островский, Бесприданница); В этой близости она поняла, что былого *не воротишь* (=не воротить) (Герцен, Былое и думы); — Во всей почлежке у нас у одних керосинка. Все как есть у нас просят, только мама ни за что не дает. И верно: на всех ведь *не напасешься* (=не напастись) (Федин, Первые радости). Понятно, что здесь A символизирует уже только признак «глагольности», а a — все те признаки (время, лицо, число), которые связаны с общим значением «персональности».

2) Нейтрализация заключается в том, что две противопоставленные по определенному признаку формы в определенной позиции не реализуют этого противопоставления, так как одна из них в данной позиции выражает значение другой, наряду с этой последней.

Такого рода нейтрализация может быть представлена, следовательно, в формуле:

$$\left.\begin{matrix} A+a \longrightarrow A+a \\ A+\bar{a} \longrightarrow A+a \end{matrix}\right\rangle A+a$$

Этой формуле соответствуют, например, связанные конструкции с опорной частицей *так и* (*так ... и*), выражающие экспрессивно-ироническое отрицание, в которых форма прошедшего времени совершенного вида (по-види-

мому, любого) глагола свободно заменяет соответствующую форму будущего времени. Ср.: Ты думаешь, тоже свидетель? *Так он и ответит* тебе! (Блок. Когда невзначай в воскресенье...); — Ну, *так я вам и сказал сейчас*, кто я такой! — прошептал странный незнакомец. — Лежите и молчите, коли попались впросак (Достоевский, Чужая жена и муж под кроватью); — Скажи пожалуйста! *Так и пойдет* она за тебя! (Гарин-Михайловский, Детство Темы); — *Так он тебе лоб и подставил!* — Когда-нибудь подставит,— уверенно ответил Михаил (Шолохов, Тихий Дон).

3) Нейтрализация заключается в том, что две противопоставленные по определенному признаку формы в определенной позиции не реализуют этого противопоставления, так как этот признак становится в этих позициях несущественным, вследствие чего обе формы одинаково не выражает его. Такая нейтрализация может быть схематически изображена так:

$$\left.\begin{matrix} A + a \\ A + \bar{a} \end{matrix}\right\rangle A$$

Данной схеме соответствует, например, позиционно обусловленная нейтрализация противопоставления по признаку «единственное — множественное число» в конструкциях типа «служил солдатом» — «служил в солдатах», «метил в начальники» — «метил стать начальником», «пошла в няньки к (кому-то)» — «пошла нянькой (кому-то)» и под.

То, что отличает указанные типы нейтрализации от случаев, вроде «говорят, что...», может быть определено как позиционно обусловленная синомичность грамматических форм, явившаяся следствием снятия в данной позиции парадигматически закрепленного за ними противопоставления. Синонимические соответствия, возникающие в случаях типа «говорят, что...» (ср. «кто-то говорит, что...»), не являются чисто грамматическими, кроме того, они далеко не всегда семантически равнозначны; ср. невозможность (без изменения общего смысла фраз) подобных подстановок в приведенных выше примерах употребления формы 3-го лица множественного числа с «неопределенно-личным» значением.

4) Отмеченные здесь факты очень неполно характеризуют устанавливаемые типы грамматической нейтрализа-

ции [15], но их достаточно для того, чтобы попытаться обнаружить соответствующие явления в лексике. Прежде, однако, нужно заметить, что под таким образом понимаемую нейтрализацию не подойдут случаи так называемой парадигматической (в отличие от позиционной) нейтрализации, вроде (*скорый — медленный*): *скорость*, (*длинный — короткий*): *длина* и т. п.; ср. совпадение сравнительной степени наречий и прилагательных и т. п. Далее, сюда не подойдут такие случаи, как употребление слова, обозначающего родовое понятие, вместо слова, обозначающего видовое понятие, ср. *дерево* вместо *ель, обувь* вместо *ботинки* и т. п.

Речь, следовательно, может идти только о позиционно обусловленной нейтрализации противопоставления между значениями слов.

Заранее ясно также, что отсутствие в лексике четких и достаточно определенно сопоставленных друг с другом семантических парадигм не позволяет ожидать, что проявление нейтрализации там будет вполне аналогичным тому, что мы видим в области грамматических значений. Самый характер лексико-семантических противопоставлений отличается неравномерностью и несимметричностью, вследствие чего часто значение слова, будучи противопоставлено значению другого слова по какому-то признаку, в то же время не соотносительно с ним по другим, семантическим признакам, которые различают их (т. е. схематически: противопоставления типа $Aa : A\bar{a}b$ или $Aab : A\bar{a}c$ в лексике чаще, чем привативные противопоставления типа $Aa : A\bar{a}$).

Рассмотрение лексического материала показывает, что в лексике существуют (с учетом сделанных оговорок) в принципе те же типы нейтрализации, что и в грамматике.

В зависимости от лексического окружения, а также в целом ряде случаев от синтаксической позиции, слова выступают в «разных лексических значениях», что и заключается в снятии одного парадигматически закрепленного противопоставления и установлении другого. Таким

---

[15] Но, как кажется, они в общих чертах соответствуют основным формулам «чередований, образующих непараллельные, пересекающиеся ряды» (Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956, стр. 26—27).

образом, лексическая полисемия по существу связана с такого же рода нейтрализацией противопоставления, какое мы наблюдаем в области грамматических значений. Именно такая нейтрализация и делает возможным относительно независимое применение слова в каждом из его значений. Как иллюстрация этой возможности показательны случаи «антонимического» столкновения слов, утрачивающих в соответствующих значениях свою «антонимическую противопоставленность». Ср.: — Ты бы, Евграф Иваныч, дал ему еще рублей шесть на сапоги... — Пусть мои *старые* возьмет. Они еще совсем *новые* (Чехов, Тяжелые люди). Ср. у Маяковского: Единица — вздор, *единица — ноль*.

Такие же случаи показывает относительность этой независимости, определяющую то, что сложность семантической структуры слова не приводит к разрушению его семантического единства, благодаря чему мы и можем говорить о нейтрализации, применительно именно к данной семантической единице, а не об омонимических столкновениях (что тоже, как известно, имеет место, например, в каламбурах) разных самостоятельных единиц.

Таким образом, позиционно обусловленная нейтрализация противопоставления слов по определенному семантическому признаку делает возможным независимое от этого признака употребление слова, чем и объясняется способность ряда слов выступать в разных контекстах с такими значениями, которые сами по себе несовместимы друг с другом. Ясно, что во фразе «Он не спал три дня» противопоставление слова *день* слову *ночь* нейтрализовано так, что слово *день* в новом значении вообще не включает в себя указания на определенную часть суток; реальный смысл фразы может соответствовать тому, что «он три ночи не спал». То же самое мы видели в случаях позиционно обусловленного значения грамматических форм (ср. «говорят, что...»).

Отличие лексики в том, что применение слова в каждом новом значении связано с гораздо более многообразным и многосторонним видоизменением его парадигматических соотношений с другими словами; в частности, и возможность синонимичных соответствий здесь также гораздо больше.

Если признать сложность семантической структуры слова, очевидно, нельзя отрицать, что самая эта слож-

ность (соответственно: возможность разложить лексическое значение на элементы) обнаруживается только как следствие применения слова в различных контекстах, в результате чего обнаруживаются и разнообразные соотношения данного слова с другими словами по определенным признакам. Если в различных контекстах эти соотношения видоизменяются, это свидетельствует о том, что отдельные семантические признаки слова неодинаково существенны (релевантны) при его различных употреблениях. Этим и обусловлено то, что многие слова, имеющие общую семантическую «основу» (тему), становятся взаимозаменяемыми в некоторых контекстах, в то время как в других контекстах они противопоставлены друг другу по определенному семантическому признаку.

Например, различие между словами *тишина* и *молчание* во фразах, вроде «Они сидели в тишине» и «Они сидели в молчании», «Тишина ничем не прерывалась» и «Молчание ничем не прерывалось» и т. п.— очевидно. С первым существительным связано значение «отсутствие звуков», со вторым — значение «отсутствие произносимых звуков». Соответственно можно сказать, например, «Между ними длилось молчание», но не *«Между ними длилась тишина».

Однако во фразах вроде «Кругом царило молчание» и «Кругом царила тишина» это различие стирается. Следовательно, происходит нейтрализация обусловленного указанным различием противопоставления.

Слова *рыться* и *копаться* в словосочетаниях *рыться в земле, копаться в земле, рыться в песке, копаться в песке* и т. п. имеют, согласно словарям, тождественные значения (им даются «круговые определения»), с тем только различием, что глаголу *рыться* приписывается признак «целенаправленности» действия («копаться, ища что-либо» и т. п.), тогда как у глагола *копаться* этого признака нет. В словосочетаниях *рыться в комоде — копаться в комоде, рыться в бумагах — копаться в бумагах* и т. п. указанное различие нейтрализовано, так как обоим глаголам здесь присущ признак целенаправленности.

Возможность такой позиционной нейтрализации противопоставления слов по определенному признаку при совпадении у них других семантических признаков и делает их взаимозаменимыми в определенных контекстах. Когда такие контексты представляют собой типизированные кон-

тексты (т. е. возможность семантической нейтрализации однозначно определяется синтагматическими условиями употребления слова), можно говорить о синонимичности соответствующих слов. Соответственно: синонимами являются не слова вообще, а слова в определенных значениях, определяемых типизированными контекстами их употребления.

Нейтрализация в этих случаях может иметь, так же как в случаях грамматической нейтрализации, различный характер: она может совершаться в пользу одного из членов противопоставления (как это было в случае синонимизации слов *тишина* и *молчание*), она может быть и следствием того, что различающий в других случаях данные единицы признак в данной семантической позиции становится несущественным для обеих единиц, как, например, при переносном употреблении некоторых слов, когда у значений «отсекаются» как раз некоторые из их специфических признаков (ср., например, значения глаголов *грызть* и *глодать* в словосочетаниях *тоска грызет* и *тоска гложет* и т. п.).

Установление семантической близости между определенными словами (на основании наличия у них общей семантической темы, как, например, «излучать свет» у глаголов *блестеть, сверкать, светиться, сиять* и т. д.; общей темы «причинять боль» у глаголов *мучить, терзать, истязать* и т. д.) не означает еще само по себе их синонимичности в указанном понимании. Для того чтобы утверждать, что те или иные из этих слов образуют «синонимические ряды», необходимо установить, что существуют семантические позиции, в которых противопоставление этих слов по каким-то признакам нейтрализуется.

Такое разграничение представляется необходимым ввиду того, что тематическая близость слов далеко не всегда свидетельствует об их взаимозаменимости (в плане практических стилистических рекомендаций бывает важно подчеркнуть именно те незначительные с первого взгляда семантические отличия, игнорирование которых приводит к неоправданному смешению соответствующих слов[16]).

---

[16] Вроде *озарить* вместо *осветить, мыслить* вместо *думать* и под.

С другой стороны, и видимая тождественность тех или иных значений слов также не свидетельствует о том, что слова, когда они выступают в данных значениях, могут всегда заменять друг друга. Например, значения глаголов *найти* (1-е значение) и *отыскать* определяются в толковых словарях одно через другое. Между тем, очевидно, что употребление глагола *отыскать* во фразах, вроде «Случайно отыскал старую свою тетрадь», «Отыскал много белых грибов» и под. неуместно, тогда как глагол *найти* в них обычен. Ясно, что словарная квалификация данных значений как тождественных основана на неполном учете возможных для этих глаголов сочетаний, т. е. приняты во внимание только те словосочетания, в которых их противопоставление по признаку «направленности» действия нейтрализовано.

Подводя итоги сказанному, можно дать такое определение синонимов: синонимы — это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществима их взаимозаменимость.

Если исходить из приведенного определения, то нельзя расценивать с точки зрения синонимии так называемые эвфемизмы, которые «представляют собой замену почему-либо нежелательных, неприятных, а также слишком грубых, резких выражений,— более приемлемыми словами и выражениями» [17]. Чаще всего эвфемистические замены вызываются как раз стремлением переиспользовать какое-то явление, дав ему иное, более благовидное название. Ср. в фельетоне Л. Ленча «Фуфаев»: — Я *не совral*. Я... ну... *сманеврировал*, что ли! Надо было кое с кем согласовать этот вопрос.— Перестраховаться?— Экий вы, Павел Николаевич, так и норовите... под ребро. Не перестраховаться, а посоветоваться с вышестоящими товарищами. Ср. также обратное «переименование», так сказать, разоблачение эвфемизма: —...Видишь ли, товарищ Глотов, твое спокойствие — это просто политическая

---

[17] В. К. Фаворин. Синонимы в русском языке. Свердловск, 1953, стр. 61.

пассивность. Давай уж найдем этому точное название (Овечкин, На переднем крае).

Понятно, что не близостью значений слов, а именно существенными различиями в их семантическом содержании и обусловлены эвфемистические замены.

5. Наиболее полное противопоставление слов расценивается как антонимия. Антонимичными могут быть признаны слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы.

В качестве критериев выделения антонимов были выдвинуты также следующие: возможность употребления слов в одном высказывании при противопоставлении, одинаковая сфера лексической сочетаемости [18].

Правильным представляется замечание Л. А. Булаховского о том, что «антонимы в основном относятся к выражению качеств, но возможны также, например, при названии действий и состояний отрицательного или отменяющего характера» [19]. Однако менее убедительным кажется такое утверждение того же исследователя: «Под антонимией понимают не простое противоположение, которое может быть выражено прибавлением отрицания (*белый: не белый; говорить: не говорить; спокойный: беспокойный* и т. п.), а противопоставление допускающих это значение выраженных различными корнями (*бедный, нищий : богатый; сухой : мокрый; черствый : свежий; трудолюбивый, прилежный : ленивый; говорить : молчать; зажечь : погасить, потушить; правда : ложь; проза : стихи; день : ночь; жизнь: смерть*)» [20]. Признание антонимами только разнокоренных слов по существу не отражает действительного положения вещей, так как выражение антонимических отношений при помощи префикса *не-* занимает ведущее место в современном русском языке в области, для которой наиболее характерна антонимия,— в области качественных прилагательных; ср.: *терпеливый — нетерпеливый*,

---

[18] В. Н. Комиссаров. Проблема определения антонима.— ВЯ, 1957, № 2.

[19] Л. А. Булаховский. Введение в языкознание, ч. II. М., 1953, стр. 45.

[20] Там же, стр. 44—45.

удачный — неудачный, решительный — нерешительный, культурный — некультурный, знакомый — незнакомый и т. п.[21] Совершенно ясно, что здесь не такое же «простое противоположение», как в случаях *белый — не белый, говорить — не говорить*, или таких, как: «*С женою* забота, а с *не-женою* еще хуже»,— подумал Яшвин, выходя из гостиницы (Л. Толстой, Анна Каренина); Это касается *крестьян* и *не крестьян* (Лесков, Загон) и т. п.

Следует заметить также, что, по существу, имеют различный характер противопоставления слов, основанные на той или иной противопоставленности самих обозначенных словами явлений действительности, и противопоставления слов, называющих определенные качества этих явлений (находящиеся на более высокой ступени абстракции). Противопоставления первого типа демонстрируются такими из приведенных Л. А. Булаховским антонимическими парами, как *говорить — молчать, день — ночь, жизнь — смерть* и т. п. (ср. также антонимические ряды, выделенные Е. М. Галкиной-Федорук, например: *труд — безделье, лень; мороз — оттепель; свет — темнота; сладкий — горький* и т. п.[22]). Противопоставления второго типа охватывают качественные (в широком смысле) слова: *бедный — богатый, правда — ложь, сильный — слабый, большой — маленький, хороший — плохой* и т. п.

Отличительной чертой первой группы антонимов является возможность образования как бы перекрещивающихся антонимических рядов (при сопоставлении слов в тех же значениях и на основе тех же семантических признаков). Действительно, почему антонимом к глаголу *молчать* является только глагол *говорить*, а, например, не *кричать*, почему антонимом к *смерть* является *жизнь*, а не *рождение?* Нет никаких оснований считать, что в антонимические отношения вступают слова *труд* и *безделье, сладкий* и *горький, мороз* и *оттепель* и т. п., а не *труд* и *отдых, сладкий* и *кислый, мороз* и *жара, оттепель* и *заморозки* и т. д. Сложностью отношений между явлениями самой действительности определяется и слож-

---

[21] См.: Л. Ю. Максимов. Антонимия как один из показателей качественности прилагательных. «Уч. зап. МГПИ имени В. И. Ленина», 1958, т. CXXIII, стр. 217 и сл.

[22] Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. Изд. МГУ, 1954, стр. 71 и сл.

ность антонимических противопоставлений соответствующих лексических обозначений. Отношения между явлениями действительности часто оказываются сложнее, чем отношения, построенные по принципу абсолютного — однолинейного противопоставления. Антонимичность слов, обозначающих данные явления, не является собственно семантической антонимичностью в полном смысле слова.

Понятие антонимии, однако, следует рассмотреть с точки зрения некоторых более общих соотношений, существенных для лексико-семантической системы языка.

Членение различных частей семантического континуума основано на разных принципах. Собственно, любая часть какого-то семантического пространства может быть представлена двояко: во-первых, путем выделения некоторых более или менее устойчивых отрезков этого пространства, приобретающих относительно самостоятельные характеристики; во-вторых, путем антонимической поляризации, т. е. установления двух полярных точек, характеристики которых взаимообусловлены.

Например, цветовой спектр во всех языках передается относительно устойчивыми и самостоятельными обозначениями, он же может быть представлен в виде противопоставления, скажем, яркого и бледного цвета (соответственно более яркого, менее яркого, более бледного, менее бледного) или «теплого» и «холодного» цвета с соответствующими градациями и т. д.

Если для передачи цветовых восприятий второй способ имеет явно подчиненный характер, то в области звуков оба указанных способа обозначений находятся в сложном взаимодействии, а при передаче температурных явлений преобладает именно второй способ. Ср. *шум, скрип, вой, свист, пение* и т. д. (и соответствующие глаголы) и обозначения, представляющие различные звуки по линии «громко — тихо» («громче — тише») «мелодично — немелодично» и т. д.; для температурных явлений — «холодно — тепло» (соответственно «жара — морозит» и т. п.).

Совершенно ясно, что для обозначения конкретных предметов и явлений в языке используется, главным образом первый способ членения семантического континуума, а при выделении разнообразных качественных признаков существенную роль начинает играть второй способ. Но какая-то степень антонимичности может быть

свойственна и первому разряду слов, когда те или иные условия их применения в речи делают их определенным образом сопоставленными друг с другом. Поскольку всякая антонимичность связана с поляризацией определенного семантического пространства, появление некоторых признаков антонимичности между отдельными единицами конкретной лексики всегда сопровождается известной «релятивацией» их предметных границ, что обычно воспринимается как появление у соответствующих слов «обобщенного» значения. Ср., например, употребление слов *город* и *деревня* в соответствии с их местом в парадигматическом ряду *город — поселок — село — деревня — хутор* и т. д. и их сопоставление *город — деревня*, при котором признаки, обусловленные данным парадигматическим рядом, становятся несущественными, а семантические границы слов соответственно расширяются. Ср. такое сопоставление в парах *дом* и *улица, отцы* и *дети* и т. п. Понятно, что слова как таковые не становятся «подлинными» антонимами.

Другое дело, когда слова выступают как обозначения определенных качеств, самое выделение которых возможно только как расчленение данных качеств при помощи противопоставленных друг другу «значений» [23]. Антонимическая сопоставленность слов является в таком случае конструктивно необходимой вообще для их существования как семантических единиц. Значения слов *большой, хороший* и т. д. существуют в языке лишь постольку, поскольку им противостоят значения *маленький, плохой* и т. д. То же самое относится и к экспрессивно-синонимическим словам вроде *отменный, отличный, великолепный, замечательный, отвратительный, дрянной; огромный, громадный, крохотный, микроскопический* и т. п., с той разницей, что, не вступая в непосредственные антонимические отношения с какими-то другими словами, они как бы наслаиваются на антони-

[23] «Только качественные признаки,— отметил Л. Ю. Максимов,— могут противопоставляться как противоположные, потому что только качественные признаки могут быть мыслимы как переменные в количественном отношении, в отношении интенсивности. Таким образом, только между словами, обозначающими качественные признаки, противопоставляемые друг другу, возможен средний член, что соответствует логическим отношениям противоположности» (Л. Ю. Максимов. Указ. соч., стр. 4).

мические ряды [24]. Ср. (*огромный, громадный*), *большой — маленький* (*крохотный, микроскопический*) и т. п. Непосредственными членами антонимического противопоставления являются здесь *большой* и *маленький*; слова же, заключенные в скобки, выступают как экспрессивные синонимы, примыкающие к последним; собственное их значение обусловлено их соотношением с указанными нейтральными словами.

6. Любые значения не существуют в языке «сами по себе», вне связей с другими значениями. Однако характер этих связей, зависимость собственного значения слова от сопоставленности со значениями каких-то других слов в разных случаях неодинаковы.

В основе лексического значения ряда слова лежит выражение отношения, т. е. называемые этими словами предметы и явления действительности обозначаются по их отношению к каким-то другим предметам и явлениям. Это ярко проявляется у местоимений. Однако аналогичный в этом плане характер имеют лексические значения у некоторых, например, имен существительных. Возьмем слова: *отец, сын, брат* и т. д., *сосед, приятель, оппонент, сослуживец, тезка, предшественник, начальник* и т. п.,— легко заметить, что подобные наименования основаны на отношении обозначаемых «предметов» к другим «предметам», причем их относительный характер проявляется в том, что при изменении «точки отсчета» изменяется и характер отношения, а соответственно и наименование. Ясно, что отцом, другом, соседом и т. п. какое-то лицо является только по отношению к какому-то другому, причем одно и то же лицо может быть одновременно в разных отношениях с разными лицами — быть и отцом и сыном, и другом и врагом и т. п., т. е. и самое парадигматическое противопоставление определяется здесь «точкой отсчета». Ср.:— Где это ты, дед?— удивился Саша (он отца, с тех пор как появились свои детишки, стал звать дедом) (Солоухин, Вла-

---

[24] «Очевидно, для того чтобы вступить в антонимические отношения, противопоставляемые слова должны обозначать качественные признаки без указания на степень качества и не осложненные ясно выраженной эмоциональной окраской, так как и то и другое предполагает элемент сопоставления с чем-то нейтральным, что и снимает возможности антонимического противопоставления» (Л. Ю. Максимов. Указ. соч., стр. 5).

димирские проселки). Или в загадке, помещенной в сборнике М. А. Рыбниковой: «Мать с дочерью, да мать с дочерью, да бабушка со внучкой, а всех трое (Мать, дочь, внучка)».

Другой тип лексических отношений представлен словами вроде *много — мало, далекий — близкий, быстрый — медленный* и т. п. Эти значения также относительны в том смысле, что они требуют какой-то «точки отсчета», которая меняется в зависимости от определяемых соответствующими словами явлений, а также в связи с субъективной точкой зрения говорящего. Понятно, что, скажем, в словосочетаниях *высокий человек, высокая сосна, высокий дом, высокая гора* и т. п. определение *высокий* имеет неодинаковое «предметное значение»,— ни у кого не возникает, однако, мысли, что в этих различных словосочетаниях оно выступает в разных лексических значениях. Ср. замечание физика Б. М. Понтекорво о «медленных процессах» в области элементарных частиц: «Процессы, вызванные слабыми взаимодействиями, часто называют «медленными», так как это время относительно велико. Читатель, правда, может удивиться тому, что явление, происходящее, скажем, за одну миллионную долю секунды, классифицируется как медленное. Такое время жизни характерно, например, для распада мю-мезона, вызванного слабыми взаимодействиями. Но все познается в сравнении. В мире элементарных частиц такой промежуток времени действительно весьма продолжителен, поскольку он сравнивается с «нормальным» масштабом времени, характерным для сильных взаимодействий (10^{-23} секунды)». На сравнении в широком смысле и основаны подобные значения, существующие как члены определенных антонимических противопоставлений, т. е. как соотносительные значения слов-антонимов.

К антонимическим рядам, как мы видели, часто примыкают слова с «экспрессивно-синонимическими значениями». Эта группа слов была отчасти очерчена В. В. Виноградовым, который исходил, впрочем, из стилистических критериев. «У многих слов,— писал он,— принадлежащих как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, есть стилистические синонимы в разных пластах, или слоях, лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы вы-

ражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически основное, или опорное, слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность» [25].

В. В. Виноградовым был впервые в общем плане поставлен вопрос о различных типах лексических значений слов. «Наблюдения над способами объединения разных значений в слова,— писал В. В. Виноградов в одной из своих работ,— также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Общеизвестно, что слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» [26]. Мысли В. В. Виноградова о различиях между свободными номинативными и фразеологически связанными значениями слов, точно так же как предложенная им классификация фразеологических единиц, оказали решающее влияние на исследования фразеологии русского и ряда других языков, которые проводились в последнее время в нашей стране.

Вместе с тем, говоря о типах лексических значений, В. В. Виноградов по существу исходил не только из особенностей сочетаемости различных групп слов, т. е. синтагматических отношений, но и из парадигматических связей, определяющих сферу употребления каждого отдельного слова. Так, им были выделены прямые (или основные) номинативные, производно-номинативные и экспрессивно-синонимические значения слов [27]. Эти наблюдения не вызвали столь же широкого отклика у лингвистов, критические же замечания по поводу разграничения данных типов значений показывают, что здесь еще много не только спорного, но и неясного в смысле терминологии. Так, В. А. Звегинцев считает, что приняв

---

[25] В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова,— ВЯ, 1953, № 5, стр. 13—14.
[26] Там же.
[27] Там же, стр. 12—16.

предложенную В. В. Виноградовым характеристику экспрессивно-синонимических значений, мы должны были бы «сделать неизбежный вывод о том, что определенная, притом значительная группа слов лишена всякого самостоятельного предметно-логического содержания, которое составляет основу лексического значения слова. Лексическим значением в этом последнем смысле они обладают только постольку, поскольку им обладают другие („опорные") слова, и только в той мере, в какой это свойственно другим словам... Если обратиться к конкретному примеру, то это значит, что в предложении: *Я сел за трапезу* слово *трапеза* (высокого стиля) само по себе не имеет «направленности на действительность» и чтобы понять, о чем собственно в данном случае идет речь, необходимо сначала соотнести его с предметно-логическим содержанием слова *еда* или *стол*» [28].

Однако, говоря об отсутствии непосредственной направленности на предметы действительности, В. В. Виноградов исходит, как легко заметить, не из возможности или невозможности непосредственно понять, «о чем идет речь», а из особенностей смысловой структуры определенных разрядов слов. Признавая, что «значение слова необходимо определять с учетом его многообразных связей и в контексте определенной системы языка», что «если рассматривать языковый знак изолированно, только как обозначение какого-либо предмета или явления реальной действительности, то он остается простым знаком, внешним обозначением данного предмета», и «никаким значением в лингвистическом понимании этого термина такой языковой знак или ярлык, как и любой другой ярлык, не может обладать» [29],— В. А. Звегинцев не должен был одновременно отрицать, что «многообразные связи», присущие значениям различных слов, могут влиять и на характер отображения ими явлений действительности. Что это действительно так, показывает самое строение стилистической парадигмы: «слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда имеют синоним в нейтральном»; «обязательность синонима в ней-

---

[28] В. А. Звегинцев. Семасиология. Изд-во МГУ, 1957, стр. 174.
[29] Там же, стр. 123.

трального стиле прямо пропорциональна мере отстояния данного слова от нейтрального стиля»[30].

Если стилистически окрашенное слово, как правило, предполагает синоним в нейтральном стиле, то это и значит, что оно реализует свое собственно лексическое значение лишь в соотнесении с этим стилистически нейтральным (действительно, опорным) словом. Выделенная В. В. Виноградовым группа слов с экспрессивно-синонимическими значениями была ограничена им «стилистическими синонимами». Между тем многим словам, лишенным оценочных элементов, в языке соответствуют экспрессивные слова, которые не только обозначают те или иные предметы и явления, но и включают в свои значения элемент их оценки. Явление может оцениваться говорящим как само по себе, так и с точки зрения той эмоциональной реакции, которую оно вызывает у говорящего. Например, обозначения *пособник, приспешник* синонимы слова *помощник*, но они включают, кроме того, в свое значение элемент оценки. Первое из них значит не просто помощник, но «помощник в чем-то дурном», второе — передает отношение говорящего и к тому, кто помощник, а отчасти и к тому, чей он помощник.

В настоящее время никто не станет всерьез оспаривать, что значения не существуют в языке изолированно, независимо от некоторых других значений. Однако характер этой зависимости для различных значений различен.

Такие слова, как *трапеза, вежды, свершить, зело, кров, пособить, огорошить, физиономия* и т. п., не могут быть истолкованы без ссылок на их «нейтральные синонимы», так как их собственное лексическое значение состоит в своеобразном преломлении значений этих, действительно, опорных для них слов. Слова *трапеза* сразу же стало бы «лишним» в языке, как только оно лишилось бы своей стилистической значимости и попросту дублировало бы слова *стол* или *еда*. Его «смысл» как раз в том, что оно (в своем реальном значении) может быть воспринято только на фоне данных синонимов.

---

[30] М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики). «Развитие современного русского языка» М., 1963, стр. 13.

Точно так же слова с оценочным значением (независимо от их «этимологии») определяются только на основе их соотнесения с опорными словами и указания тех отличительных семантических признаков, по которым они противопоставлены последним. Ср. значения таких слов, как *пособник, кляча, гордыня, лицезреть* и т. д. Оценочность входит как неотъемлемый элемент в значения подобных слов, но она опять-таки невозможна без наличия в языке опорных единиц лексико-семантической парадигмы, т. е. нейтральных синонимов.

Роль последних очевидна и при определении лексического содержания таких слов, в значениях которых заключено не только указание на какой-то признак (обозначаемый также и опорными синонимами), но одновременно и на степень проявления этого признака. Например, *огромный* — это «очень большой», *мощный* — «очень сильный», *нестись* — «быстро двигаться» и т. д. Нет никакого сомнения в том, что «понять» эти слова (их «предметно-логическое содержание») говорящий может «непосредственно», но это никак не значит, что их реальное лексическое значение не обусловлено существованием в языке опорных синонимов. Такие, например, образования, как *сильнейший, большущий* и т. п., понимаются «сами по себе», но это не значит, что их реальное значение не зависит от существующих исходных форм.

Между прочим характерная особенность указанной группы оценочно-синонимических слов заключается в том, что при всякого рода стилистических перемещениях часто они дублируются именно «оценочными» производными от опорных синонимов или описательными оборотами, включающими эти последние вместе со словами, обозначающими «степень». Ср., например, *громадный — очень большой — большущий* и т. п.

Так же как экспрессивно-стилистические и экспрессивно-оценочные моменты в словах предполагают сопоставленность последних с нейтральными соответствиями, так и указание на степень признака предполагает как бы определенную точку отсчета, которая и представлена обычно в языке более общими обозначениями тех же признаков. Эти обозначения выступают как опорные члены соответствующих парадигматических рядов; их лексические значения не обусловлены примыкающими к ним

оценочными синонимами, но сами они «опосредствуют» и обусловливают значения последних.

Не будучи обусловлены (с синхронической точки зрения) значениями других членов синонимических рядов, значения опорных (в указанном смысле) слов не являются, конечно, вообще независимыми от других значений. В настоящее время никто из лингвистов не сомневается в том, что каждая единица языка получает свое собственное лингвистическое значение благодаря соотнесенности с некоторыми другими единицами. Это положение должно распространяться, разумеется, и на единицы лексики. Другое дело, что характер и степень системной обусловленности лексических значений в разных случаях различны; различие зависит как от «предметного содержания» каждого данного слова, так и от особенностей структуры лексико-семантической парадигмы, в которую оно входит.

Среди разнообразных и сложных отношений, существующих между членами различных лексико-семантических парадигм, могут быть выделены прежде всего три основных типа, в известной мере соответствующих отношениям детерминации (спецификации), комплементарности и автономности [31].

Первый тип зависимости демонстрируется отношением между отмеченными выше «экспрессивно-синонимическими» (в широком понимании) и опорно-номинативными значениями слов. Как мы видели, здесь объединяются по крайней мере три различных по характеру вида семантических противопоставлений.

Понятие детерминации само по себе нуждается в следующем разъяснении. С точки зрения бинарных противопоставлений экспрессивно-синонимические значения должны рассматриваться как детерминирующие, а опорно-номинативные как детерминированные; с логической и более общей семантической точек зрения, наоборот, первые являются детерминированными, а вторые детерминирующими. Так, слова *огромный, громадный* предполагают существование слова *большой*, в то время как существование слова *большой* не предопределяет наличия

---

[31] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 284—285.

в языке тех или иных стилистических и экспрессивных синонимов. Вместе с тем семантическая характеристика последних непосредственно зависит от их соотношения с опорным словом *большой* и определяется теми дополнительными признаками, которые как бы наслаиваются на его значение.

Другой тип отношений представляют взаимозависимые, или соотносительные, значения слов. Антонимические значения — наиболее яркий пример этого типа значений. Каждый из членов антонимического противопоставления определяется как лексико-семантическая единица языка именно данным противопоставлением. Значение *большой* существует лишь постольку, поскольку существует значение *маленький*, и наоборот,— т. е. оба эти слова в основных своих значениях взаимно предполагают друг друга и взаимно зависят одно от другого. Ср. *свет — тьма, тепло — холод, подниматься — опускаться* и т. д.

Третий тип лексических значений слов определяется существованием лексико-семантических парадигм, между членами которых наблюдается отношения свободной зависимости, или «относительной автономии». Таковы парадигматические отношения между значениями слов, входящих в разнообразные тематические группы лексики, например, значениями слов *стул, кресло, табуретка, скамейка* и т. п., взаимосвязанность которых (и противопоставленность по определенным признакам) определяется прежде всего их «внеязыковой» направленностью.

Семантика целого ряда слов определяется одновременно различными типами зависимостей. Учет этих различий важен для теоретической лексикологии, и, как кажется, также для лексикографической практики.

Например, значения слов *день — ночь — утро — вечер, весна — лето — осень — зима, завтрак — обед — ужин* и т. п. определяются внутрипарадигматическими отношениями, т. е. должны рассматриваться как соотносительные. Однако нетрудно заметить, что в то же время эти значения отягощены, так сказать, непосредственно «предметным содержанием», т. е. теми семантически релевантными признаками, которые характеризуют каждое из этих слов как обозначение определенного явления внеязыковой действительности. Собственно в самом языке дана возможность различной интерпретации значений

данных слов (и соответственно — двоякого употребления последних):

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь
(Пушкин, Евгений Онегин).

Эта иллюстрация может, как кажется, пояснить сказанное. Значение слова *зима* предстает не только как соотносительное, но и в известном смысле как автономное значение. Ср. такой пример: Случилось это опять-таки весной. Весна здесь — понятие несколько условное, потому что тепла нет. Байкал подо льдом («Лит. газета», 13 авг. 1963 г.).

Для того чтобы классификация лексических значений приобрела более или менее завершенный вид, необходимо принять во внимание еще целый ряд существенных признаков, которые могли бы уточнить и дифференцировать намеченные типы.

Сюда относятся, в частности, различия между терминологическими и нетерминологически организованными лексико-семантическими парадигмами; ср. соотносительные обозначения качества *хороший — плохой*, примыкающие к ним экспрессивно-синонимические, детерминированные значения слов *отличный, прекрасный ... отвратительный* и т. д. и, например, терминологически организованную систему школьных отметок. Любопытно в этой связи такое шутливое предложение литературного критика: А еще можно предложить универсальную «табель о рангах». Все существующие в природе оценочные эпитеты выстроились бы в наглядную и четкую иерархическую лестницу: гениальный, великий, выдающийся, замечательный, известный, интересный, талантливый, одаренный, способный и т. д. Эпитет «гениальный» соответствовал бы званию маршала, «великий» — генерала армии, «выдающийся» — генерал-полковника и т. д. («Лит. газета», 13 марта 1964 г.). Ср. также: Но давайте прежде всего разберемся, что же такое старость, старение. Ученые всего мира договорились делить этот процесс на три периода: средний возраст — 40—59 лет, пожилой —

60—74 года и старческий — 75 лет и старше («Изв.», 29 июня 1963 г.).

Нужно заметить в связи с этим, что вопрос о «терминологичности» тех или иных единиц лексики, о «терминологических значениях» не вполне совпадает с вопросом о специальной терминологии, о терминах научных, технических и т. д. В определение последних[32] часто включаются такие признаки (краткость, однозначность, точность, системная обусловленность и т. д.), которые в основном правильно, разумеется, характеризуют единицы различных терминологий в их отличии от «обычных» слов,— однако всякое такое определение термина остается неполным, если в него не включено указание на то, что термин — это искусственное лексико-семантическое образование. Значение слова «хорошо» нам дано в языке, значение школьной отметки «хорошо» устанавливается произвольно (это видно хотя бы из того, что здесь это слово можно заменить, и тогда значение слова «хорошо» = «четыре»), оно нуждается не в истолковании, а в определении.

Между терминами и словами общенародного языка, естественно, нет непреодолимых границ[33] (как и между большей частью разграничиваемых нами языковых явлений), но принципиальное отличие термина как такового заключается все-таки в том, что это искусственное образование, термин — создается, а не дан в языке (он может быть произвольно заменен другим и т. д.),— отсюда и его прочие свойства: термины требуют определения (а не толкуются как слова языка), они находятся в более системных отношениях друг с другом, чем слова языка, и т. д. Но в общем все это — производные свойства: можно употребить новый термин, не дав ему определения (таких примеров много), можно плохо соотнести придуманный термин с другими терминами данного «терминологического поля» и т. д., он может быть признан в таком случае «псевдо-термином» с точки зрения соответствующей науки, он не переста-

---

[32] О различных определениях, даваемых понятию «термин», см.: Л. А. Капанадзе. О понятиях «термин» и «терминология».— «Развитие лексики современного русского языка». М., 1965, стр. 75—85.

[33] См. об этом: Л. А. Капанадзе. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики.— Там же, стр. 86 и сл.

нет от этого быть термином в лексикологическом смысле.

Другой не менее существенный вопрос — это вопрос о возможности выделения дифференциальных семантических признаков у различающихся по «конкретности» групп слов, а следовательно, и о пределах их реальной парадигматической сопоставленности. Собственно, в этом плане показательны словарные толкования. Когда в толковом словаре приводится слово, которое может быть описано при помощи указания на родовое понятие, выделение его отличительных (видовых) признаков происходит сравнительно легко, и словарные статьи обычно так или иначе отражают эти признаки. Когда же толкуются слова, на которых как бы обрывается ряд родовидовых соотношений, в построении словарных статей наблюдаются самые различные приемы (ср., например, толкования таких слов, как *вместилище, вмещать, помещение, помещать, перемещаться, место*), причем самые толкования уже в гораздо меньшей степени основываются на реальных связях толкуемых слов с теми словами, при помощи которых они объясняются. Исследование в этом плане разных групп лексики, как кажется, также может дать важный материал для более полной классификации лексических значений слов.

7. Установление некоторых тождеств и различий, существующих между единицами данного парадигматического ряда, т. е. того, в чем одна единица сходна и чем она отличается от другой единицы, предполагает выделение в них некоторых элементов, являющихся элементами сходства и различия.

Проблема парадигматических отношений внутри лексики и проблема семантической структуры лексических единиц, таким образом, тесно связаны друг с другом. Для того чтобы исследовать словарный состав языка, нужно, естественно, как-то расчленить его, выделить в нем определенные семантические группы слов. Для этого необходимо установить, что объединяет значения данных слов и что отличает их друг от друга, т. е. выделить в них как общие, так и различающие их признаки, а следовательно, разложить значения на некоторые компоненты. Понятно, что такое разложение значения в свою очередь возможно только на основе известного сопоставления его с какими-то другими значениями, так как толь-

ко на основе сопоставления обнаруживается комплексный характер самого значения.

Преимущества системного изучения различных групп лексики уже стали очевидными во многих конкретных исследованиях. Иллюстрацией могут служить исследования диалектной лексики. От внимания диалектологов, пока они оставались в рамках фиксации изолированных словарных отличий, ускользали многие существенные черты лексико-семантического своеобразия изучаемых говоров. Все эти особенности могли быть обнаружены только при таком анализе лексики, который учитывал парадигматические связи между отдельными единицами определенных лексических групп, связи, определяющие собственное значение каждой из единиц (работы В. П. Строговой, И. А. Оссовецкого, Р. В. Херольянц, В. Е. Гольдина, О. Н. Мораховской и др.).

Например, во многих русских говорах для обозначения «помещения для скота» используется слово *хлев*. Данное слово принадлежит и литературному языку. Ограничившись простой регистрацией распространения слова, мы могли бы установить, что какие-то говоры не отличаются в употреблении этого слова от литературного языка, в то время как в других с аналогичным значением употребляются другие слова, например, такие, как *сарай, двор, пуня, омшанник* и т. д. Однако такого наблюдения [34] было бы явно недостаточно, так как в любом говоре каждое обозначение находится в ряду некоторых других обозначений, с которыми оно объединено и которым оно противопоставлено по определенным семантическим признакам. Слово *хлев* может обозначать в говорах не только помещение для любого вида скота, но и помещения для определенных видов скота, а также холодные помещения в противопоставлении теплым (в других же говорах — наоборот), помещения определенных размеров, противопоставленные помещениям других размеров и т. д. [35].

---

[34] А сходными наблюдениями до последнего времени и ограничивались курсы русской диалектологии, касаясь диалектных различий в области лексики (в такой-то группе говоров данная реалия называется так-то, а в такой-то — так-то, ср. ставшие «хрестоматийными» одностановления *петух — кочет, волк — бирюк* и т. п.).

[35] См.: В. Е. Гольдин. К методике отграничения соответствую-

Противопоставления по определенным признакам могут в различных говорах всячески видоизменяться, охватывая различные единицы лексики, в том числе и внешне тождественные единицы лексики литературного языка. Например, в разных говорах противопоставление «холодное помещение для скота» — «теплое помещение для скота» осуществляется при помощи таких пар слов как *хлев — омшанник, двор — хлев, двор — омшанник* и т. п.[36] Совершенно ясно, что, отметив только сферу диалектного распространения *хлев, двор* и их приблизительных соответствий, мы бы не приступили еще к подлинному изучению лексико-семантических особенностей обследуемых говоров.

Приведенный здесь пример не без умысла взят из области сугубо «предметной» лексики. Идея «системности лексики» чаще всего иллюстрировалась анализом таких лексических групп, которые включают в себя слова с ярко выраженным соотносительным значением. Достаточно вспомнить десятки работ, в которых «системность лексики» и возможность компонентного анализа лексических единиц доказываются рассмотрением так называемых терминов родства. Слова, относящиеся к данной группе, действительно, однозначно разложимы на соотносительные друг с другом признаки, по которым они четко сопоставлены друг с другом, образуя в известном смысле подлинную микросистему. Наличие подобной микросистемы указывает на возможность существования и других лексических микросистем, но вряд ли само по себе может служить доказательством их реального существования, а тем более подтверждением общего тезиса о системности лексики. В последние годы, однако, изучение лексики как системы значительно продвинулось вперед и теперь уже может опираться на целый ряд конкретных исследований. Вместе с тем, как уже это отмечалось выше, некоторые исследователи считают, что подлинно языковое значение обнаруживается только у некоторой части лексики (глаголы, качественные прилагательные, отвлеченные существительные и т. п.), тогда как другая ее часть («конкретная» лексика), состоящая

щих лексико-семантических групп. «Очерки по русскому языку и стилистике». Саратов, 1967, стр. 149.

[36] Там же, стр. 150.

прежде всего из огромного числа существительных с предметным значением, по существу не подлежит собственно лингвистическому анализу. Эту мысль, в частности, настойчиво проводит Ю. Д. Апресян. В цитированной работе, посвященной семантике глагола, он среди прочих отличий структурной семантики от «традиционной» указывает следующее: «В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. При этом обычно не проводится различия между тем, что в некотором языке принадлежит его собственной системе, а что — искусственным языкам наук и других терминологических областей, пользующихся некоторыми средствами данного естественного языка» [37]. И далее: «В этом отношении отличие современной лингвистической семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов»; «...при семантическом анализе „конкретной" лексики не делается попытки дать исчерпывающее разложение каждого слова на элементарные семантические признаки. Для большинства конкретных существительных указываются лишь некоторые семантические категории («вещь», «человек», «животное», «одушевленность», «неодушевленность» и т. п.), а в крайнем случае семантическим кодом конкретного существительного может быть его порядковый номер в соответствующем словаре» [38].

Как мы видели, именно применение некоторых принципов современной структурной лингвистики делает возможным подлинно семантическое изучение особенностей диалектной, в значительной части — как раз «конкретной» лексики. В этом, в частности, и заключается значение этих принципов.

Нет, по-видимому, никаких оснований для того, чтобы при семантическом анализе одних слов стремиться к их «исчерпывающему разложению» на семантические компоненты, а при анализе других заранее отказаться от таких попыток. Другое дело, что самые эти попытки приводят, как показывают многие примеры, в разных случаях к разным результатам. Одна часть лексики сказывается более, другая — менее «системной», одни лекси-

---

[37] Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 17.
[38] Там же, стр. 19.

ческие единицы действительно допускают исчерпывающее разложение на элементарные семантические признаки, другие явно противостоят такому разложению. Однако граница между различными в этом отношении частями лексики не вполне совпадает с той границей, которую мы могли бы провести на основании априорного исключения из семантического анализа терминологической и «конкретной» лексики.

Возьмем фразу: «На холме возвышалась сосна». Оба существительных в этой фразе имеют «конкретную» семантику. Однако нужно обратить внимание на следующее. Хотя, разумеется, и холм и сосна — это конкретные предметы, значение соответствующих слов не в одинаковой степени обусловлены или не обусловлены «парадигматической прикрепленностью». Мы можем сказать о сосне, что это «вид дерева», так же как о холме, что это «вид возвышенности», но установление таких внешне как будто схожих родо-видовых отношений не должно вводить нас в заблуждение. Называя данную возвышенность холмом, мы основываемся на тех признаках (высота, форма, происхождение), которые определяют для нас лексическое содержание слова *холм* в сопоставлении с такими обозначениями, как *гора, бугор, скала, сопка, курган, насыпь* и под. В каких-то случаях мы можем протестовать, если кто-то назовет данную возвышенность *горой* или *курганом*, но вряд ли мы станем утверждать что сами мы всегда вполне однозначно выбираем соответствующие обозначения. Что касается названий различных видов деревьев, то мы просто или знаем, или не знаем наименование дерева, о котором хотим что-то сообщить, и ясно, что, называя сосну *елью* или березу *осиной*, мы обнаружим просто незнание соответствующих реалий, а не какие-либо экспрессивные намерения.

Переходные, промежуточные случаи здесь, конечно, являются исключением.

Характерно, что только слова первого типа могут толковаться одни при помощи других. Например, в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова слово *холм* определяется как «небольшая горка», а слово *бугор* как «небольшой холм». С теоретической точки зрения допустимость подобных толкований в лексикографических трудах довольно сомнительна, однако вряд ли

можно отрицать, что именно такого рода определениями мы чаще всего пользуемся в нашей повседневной речи. Вполне естественно, что *маленькая гора* и *холм* часто обозначают то же самое, между тем как маленькая сосна остается сосной и ясно, что эпитеты, определяющие различные признаки сосны не делают соответствующие словосочетания синонимичными названиям других видов деревьев.

Таким образом, в так называемой конкретной лексике обнаруживаются существенные различия в отношении парадигматической организации различных групп слов. Некоторые из относящихся сюда единиц так же, как и большая часть глаголов, качественных прилагательных и существительных с абстрактным значением (т. е. слов, противопоставляемых обычно «конкретной лексике» в качестве слов с «собственно языковым» значением), входят в определенные лексико-семантические микросистемы, т. е. в какой-то степени системно объединены. Значение каждого из таких слов соизмеримо в известном плане с некоторыми другими значениями, так как противопоставлено им по более или менее определенным семантическим признакам.

Другие слова, действительно, находятся вне основных системных отношений, проявляющихся в лексике.

Нетрудно заметить, что чем больше слово отягощено индивидуальными семантическими признаками, тем прочнее его «предметные» связи и, наоборот, чем регулярнее (в плане сопоставимости с другими словами) его семантическая структура, тем легче его лексическое значение отождествляется нами с соответствующим понятием.

Значения многих слов конкретной лексики настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми по отдельным признакам друг с другом. Поскольку можно считать, что денотативная функция оказывается для них на первом плане, они могут быть условно названы денотативами. В некоторых отношениях они подобны именам собственным.

Отсутствие собственно системных связей у денотативов не означает, что они не могут объединяться в определенные группы. Ср. названия различных растений, названия животных, названия одежды, обуви, названия механизмов и т. д. Однако объединение подобных слов

происходит, как правило, не на основе того или иного их противопоставления друг другу по какому-то различительному признаку, а на основе наличия у них как раз только общего родового признака («растение», «животное», «орудие для ...», «минерал» и т. п.).

Поэтому тематические группы такого типа обычно не представляют собой каких-либо лексических «микросистем» в подлинном смысле слова.

Точно так же отсутствие собственно дифференциальных признаков у денотативов не означает, что их значения не включают в себя вообще никаких признаков. В таком случае мы вообще не могли бы признавать наличие значений у данных слов. Но эти значения характеризуются такой совокупностью признаков, которая, действительно, стоит вне собственно лингвистических измерений.

Разумеется, и здесь могут быть выделены и перечислены какие-то отдельные признаки. Мы можем, например, сказать, следуя «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, что *сосна* — это «хвойное дерево с длинной хвоей и небольшими шишками», т. е. выделять как характерные признаки сосны, отличающие ее от других хвойных деревьев, длину хвои и величину шишек. Однако, очевидно, никак нельзя утверждать, что значение слова организуется именно этими признаками. Нетрудно заметить, кроме того, что, давая такое определение, мы характеризуем не столько значение слова, сколько самый предмет, причем опять-таки вряд ли можно утверждать, что и наше представление о предмете формулируется на основе именно этих или главным образом этих его свойств [39].

По другому обстоит дело со словами типа *река, холм* и т. п. Если мы скажем, что *река* — это «водоем определенной формы, обусловленной течением воды, относительно больших размеров, естественного происхождения», то мы перечислим такие признаки слова, которые парадигматически обусловлены, т. е. могут

[39] Именно признаки предмета, называя их «семами», предлагает выделять М. Д. Степанова, устанавливая, например, такой «набор сем» у слова *роза*: «садовый цветок», «определенная форма», «цвет», «аромат», «шипы» (М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 145).

быть однозначно выделены как дифференциальные семантические признаки данного слова на основе его противопоставления рядам других слов, являющихся названиями водоемов. Ср. соответствующие противопоставления:

По форме	По размеру	По происхождению
озеро пруд и т. д.	ручей море и т. д.	пруд канал и т. д.

Указывая же различные признаки отдельных видов деревьев, мы по существу никак не можем представить их как признаки, конструирующие значения соответствующих слов. Понятно, что одни из них могут быть более характерными, другие менее, одни более существенными, другие менее, но никакие из них нельзя интерпретировать как подлинно различительные признаки, поскольку значения всех этих слов опираются не на противопоставления по данным признакам, а как бы на всю их совокупность. Этим, в частности, и обусловлен тот факт, что в словарных толкованиях подобных слов, даже принадлежащих к одной и той же тематической группе, обычно указываются самые разнообразные, часто никак не соотнесенные между собой признаки. Вот, например, как толкуются слова, обозначающие виды деревьев в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка»: *Клен.* «Дерево с широкими резными листьями»; *Липа.* «Лиственное дерево из семейства липовых с густой кроной и душистыми медоносными цветками»; *Пихта.* «Северное крупное хвойное дерево семейства сосновых, пирамидальной формы с мягкой плоской хвоей; *Осина.* «Лиственное дерево из сем. ивовых с листьями на длинных черенках, очень легко приходящими в движение»; *Дуб.* «Долголетнее лиственное дерево, приносящее желуди и обладающее крепкой древесиной»; *Бук.* «Дерево из сем. ивовых с серой, с годами чернеющей корой, с мощной кроной и высоким стволом; то же, что черный тополь» и т. п. Достаточно самого беглого взгляда на эти примеры, чтобы заметить полную несопоставимость выделяемых здесь признаков. Даже допуская, что в подобных толкованиях выделены

действительно наиболее существенные признаки (или что такие признаки могут быть выделены в совершенных лексикографических трудах) [40], мы никак не сможем признать их дифференциальными признаками.

Вместе с тем очевидно, что поскольку мы говорим о значениях соответствующих слов (мы ведь не отрицаем того, что слова *зяблик, сосна, чернильница* и т. п. имеют лексические значения), мы должны признать, что все те индивидуальные признаки, которые по своей совокупности отражают конкретные свойства предметов, и составляют то, что выступает как лексическое значение данных слов.

Всеми признается сложность лексики по сравнению с другими формами языка. Нет ничего удивительного в том, что и состав лексических единиц является гораздо более сложным, чем состав других единиц языка. Однако и там различные элементы могут играть неодинаковую роль. Интересно в этой связи обратиться прежде всего к фонологии, в которой как раз возникло и развивалось учение о дифференциальных признаках.

Так, в составе фонем также могут быть обнаружены различные по своей роли признаки. А. А. Реформатский отмечает, что одни из признаков фонем «являются различительными (или дифференциальными), когда только по данному признаку какая-либо фонема отличается от другой...; другие признаки — неразличительные, а лишь «наполняющие» состав фонемы (интегральные), так как нет другой фонемы, прямо и однозначно противопоставленной по этому признаку (например, признак взрывности у русского [*г*] ввиду отсутствия фрикативных и носовых согласных того же места образования в русской фонетике)...» [41]

Как мы видели, в значениях слов также обнаруживаются два вида признаков: одни из них являются диф-

---

[40] Следует отметить, что в ряде случаев подобные признаки предмета находят и собственно языковое отражение. Это никак не связано с тем, что они не являются парадигматически значимыми. Ср. более или менее устойчивое переносное употребление ряда слов, основанное именно на акцентировании отдельных свойств соответствующих предметов, отражение этих свойств во фразеологизмах, устойчивых сравнениях вроде *белый (стройный), как береза; трясется, как осина* и т. п.

[41] А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 212.

ференциальными, существенными для парадигматических противопоставлений, другие нерасчлененно (поскольку ими не обусловливаются собственно парадигматические противопоставления) «заполняют» лексическое содержание слов. Эти признаки могут быть также названы интегральными, семантическими признаками.

Отличие денотативов от единиц других семантических типов заключается, таким образом, в том, что первым свойственны только интегральные элементы значения, в то время как для других единиц существенны дифференциальные элементы.

Это не значит, что значения парадигматически противопоставленных слов не включают в себя интегральных признаков. Устанавливая парадигматические отношения между теми же словами *река, ручей, канал, озеро* и т. д., мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно компонент «водоем», который (независимо от того, что само слово *водоем* не является семантически неразложимым элементом,— на это указывает и его морфологическая структура) должен рассматриваться здесь как нерасчлененный интегральный признак.

Было бы неправильно полагать, что между различными по своей семантической организации типами слов проходит вполне четкая и непреодолимая граница. Существуют такие группы слов, значения которых в основном определяются именно несопоставимыми друг с другом интегральными признаками, но для которых устойчивыми оказываются и определенные противопоставления, с чем связано потенциальное выделение в составе соответствующих значений тех или иных дифференциальных признаков. Ср.: *вода* и *земля, небо* и *земля* и т. п. С такой ситуацией мы встречаемся не только при анализе «конкретной лексики».

Слова с наиболее общими значениями оказываются близкими к денотативам в том отношении, что их значения в основном также определяются не дифференциальными в строгом смысле признаками; ср. значения слов *существовать, делать, перемещаться, живой, движение, вещество* и т. п. Важное отличие от денотативов состоит в том, что самые эти значения часто «совпадают» с семантическими элементами, выделяемыми в дру-

гих, более сложных значениях (*бежать, идти, ползти...* — это «перемещаться определенным способом»).

Значение слова *вещество* для нас столь же неразложимо на семантические элементы, как и значение слова *береза*, однако ясно, что эта «неразложимость» совсем иного рода, она обусловлена не отягощенностью слова индивидуальными, «предметными» признаками, а напротив, полным отсутствием таких признаков, преобладающей сигнификативной функцией слова. Поэтому, наряду с интегральными и дифференциальными семантическими признаками, есть основания различать категориальные семантические признаки, играющие совершенно особую роль в семантической организации лексики.

При необходимости весь словарный состав языка может быть представлен разбитым на определенные классы, образуемые пересечением именно категориальных признаков. При этом интегральные признаки будут бластом, который наслаивается на отдельные единицы полученных классов и подклассов лексики, а дифференциальные признаки тем связующим началом, которое определенным образом организует данные единицы внутри классов и подклассов. Следует только иметь в виду, что дифференциальные признаки по самой своей сущности имеют двойственную природу. Они могут основываться на отражении в лексике и самых общих логических категорий, как бы исчерпывая содержание противопоставляемых слов (ср. *большой — маленький*), и на отражении очень частных свойств конкретных предметов (ср. *хлев — сарай*).

В первом случае они примыкают к категориальным признакам (*большой — маленький* — «признак размера»), во втором — не всегда даже вполне отчетливо вычленяются из комплекса интегральных признаков (*хлев* «помещение для содержания скота» — *сарай* «помещение для хранения имущества»).

Терминологический разнобой в обозначении элементов значений слов настолько велик, что вряд ли было бы желательно вводить без более подробных обоснований новые термины. Однако учитывать указанное различие весьма важно как при изложении теоретических соображений, так и при конкретном исследовании различных групп лексики.

Синтагматические отношения в лексике

*

1. Закономерности чередования (парадигматические отношения) и закономерности сочетания (синтагматические отношения) взаимообусловлены. При рассмотрении парадигматических отношений, существующих в лексике, нам уже приходилось обращаться к понятию позиционной обусловленности значения, т. е. обусловленности значения теми синтагматическими связями, которые возможны при этом для соответствующего слова. Каждое значение слова характеризуется особыми парадигматическими отношениями, точно так же как и особенностями сочетаемости с другими словами, что и находит свое отражение в семантической структуре данного слова.

Разграничение таких, например, значений слова *земля*, как «планета, на которой мы живем», и «верхний слой коры нашей планеты», происходит именно потому, что в одних сочетаниях (вроде *земля вращается, жизнь на земле* и под.) выступает одно из этих значений, в других (вроде *рыть землю, засыпать землей*) — другое, а в соответствии с этим изменяются и парадигматические связи слова (ср. *земля — наша планета, земной шар, земля — луна, солнце* и т. д., с одной стороны, и *земля — грунт, почва; земля — недра*, с другой). Реализация одного из этих значений в позициях, типичных для другого, оказывается затрудненной или попросту невозможной. Например, в сочетании *зарыть в землю* не может быть реализовано значение «планета». Для выражения этого смысла необходима синонимическая замена. Ср.:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...
(С. Орлов).

Факты зависимости значения от тех контекстов, в которых выступает слово, настолько очевидны, что их труд-

но подвергнуть сомнению. Вместе с тем нередко подвергается сомнению самая реальность значения слова вне контекста.

Вопрос может быть поставлен так: обладает ли слово вообще самостоятельным значением или же его значение не только проявляется в контексте, как об этом говорилось выше, но и целиком определяется им. На этот вопрос давались различные, в том числе и противоположные ответы. По мнению ряда исследователей, «собственное значение» слова — это искусственная абстракция или даже фикция, так как значение всегда обусловлено контекстом. «Так называемые лексические значения в некоторых знаках,— писал Л. Ельмслев,— есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст» [1].

В самой теории Л. Ельмслева понятие «неограниченного текста» имеет особый смысл, но «контекстуальная» точка зрения на лексическое значение слова высказывалась и с других позиций [2]. Однако, утверждая, что у слова нет какого бы то ни было лексического значения, мы неизбежно встаем перед вопросом: чем же в таком случае порождаются сцепления слов в речи, образующие контекст? Если слова не имеют собственного лексического значения, их объединение в тексте может быть только случайным с точки зрения того, что они обозначают, а следовательно, не способно и выявить в них вообще какое-то лексическое содержание.

Большинство исследователей допускает существование независимых от контекста лексических значений, но самому контексту отводится при этом различная роль [3]. Не-

[1] Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 303—304.

[2] См., например: H. Walpole. Semantics, the nature of words and their meaning. N. Y., 1941, стр. 105 и сл.

[3] См.: L. Antal. Questions of meaning. The Hague, 1963, стр. 48 и сл.

которые при этом считают, что слово как таковое, т. е. вне контекста, обладает только «каркасом» значения (или «ядром» значения и т. п.), который ограничивает применение слова, контекст же придает слову его реальные лексические значения. Иногда подобная концепция кладется в основу утверждений о самостоятельном существовании у слова только «общего» лексического значения (или же «главного» значения), представляющего факт языка, в то время как употребление слова в других значениях рассматривается как модификация «общего» значения в условиях речи. К такому взгляду близок, в частности, К. Бальдингер, считающий, что одни значения слов существуют «на уровне языка», другие же проявляются лишь «на уровне речи». Так, например, слово «зеленый» как обозначение цвета признано им «существующим на уровне языка», однако значения «незрелый» (*зеленое яблоко*) и «неопытный» (ср. *зеленая молодежь*) оно приобретает лишь «на уровне речи» [4].

Подобные концепции неприемлемы потому, что они не учитывают различия между контекстом, представляющим реализацию тех или иных синтагматических связей слов, диктуемых самой системой, и контекстом как таким объединением слов, которое индивидуально развивает заложенные в значениях возможности. Если слово *зеленый* может в русском языке (как и в немецком) в сочетании с обозначением плодов иметь значение «незрелый» — это обусловлено синтагматическими возможностями самого слова как единицы языка. Значение слова реализуется в таком случае в определенных синтагмах, которые закреплены как таковые в самом языке; оно точно так же обнаруживается «в контексте», как и цветовое значение слова,— разница только в том, что первое в меньшей степени, чем второе, обусловлено парадигматически и в большей — синтагматически, в связи с чем именно цветовое значение возможно в большем числе сочетаний, поэтому именно оно и расценивается как центральное.

Контекст, в той степени, в какой он отражает синтагматические зависимости, характеризующие слова как единицы языка, не создает «контекстных значений», про-

[4] K. Baldinger. Die Semasiologie. Berlin, 1957, стр. 22.

тиворечащих «собственным» лексическим значениям слов. Значения, которые можно было бы назвать «контекстными», противопоставляя их «собственным» значениям слов, возникают тогда, когда о них нельзя говорить как о результате какого-либо регулярного, хотя бы и изолированного в языке, или специфичного, сочетания слов. Если слово *зеленый* в сочетании с названиями плодов имеет значение «незрелый» — это факт языка, регулярно определяющий семантическое содержание соответствующих словосочетаний. Другое дело, что парадигматические связи слова в этом значении оказываются опосредованными (через слова *незрелый, неспелый*, к семантической парадигме которых оно и примыкает), а самое значение фразеологически связанным.

Бесчисленные факты каламбурного сталкивания различных значений одного и того же слова в намеренно двусмысленных контекстах достаточно красноречиво говорят как раз о наличии у слов собственных, самостоятельных значений, не зависящих от конкретного контекста, поскольку в ином случае было бы немыслимо создание самой каламбурной ситуации, чаще всего основанной на противоречии между синтагматическими зависимостями слова и более широким контекстом.

Синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики. Вместе с тем, говоря, что семантика слова обусловливает его сочетаемость, мы не только констатируем, что сочетания слов в тексте подчинены общим синтагматическим отношениям, но и указываем на зависимость сочетания слов от парадигматических связей, разнообразно объединяющих лексико-семантические единицы языка.

Установление конкретной взаимозависимости этих факторов предстает как одна из главных задач семантического анализа.

Язык не полностью избавлен от «интерференции смыслов» на уровне лексической сочетаемости (например, словосочетания вроде *обнаружить землю* или *любоваться землей* сами по себе недостаточны для определения денотата слова *земля*). Естественно, что более широкий контекст обычно снимает двусмысленность, поэтому в конкретных высказываниях она не может играть существенной роли, но важно отметить, что в большей части

случаев в самой системе языка выработаны средства для необходимой дифференциации смыслов. Ср. *судить преступника* и *судить о преступнике*, *смотреть на ребенка* и *смотреть за ребенком* и т. д.

Таким образом многозначность снимается (в конкретных речевых условиях) и создается (в семантике самого слова как единицы языка) благодаря особенностям лексической и синтаксической сочетаемости слов.

Первая может быть понята как сочетаемость смыслов, вторая — как возможность употребления слов в определенных конструкциях.

Объединение слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам. В то же время сочетаемость каждого отдельного слова в пределах допускаемых последними моделей обусловлена его собственной индивидуальной семантикой. В связи с этим различается синтаксическая и лексическая сочетаемость слов. Синтаксическая сочетаемость слова определяется его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость — его индивидуальным значением.

Оба эти вида сочетаемости и определяют позицию слова. Понятно, что их разграничение не означает того, что они не вступают в сложное взаимодействие друг с другом.

Будучи различными по природе, эти два вида сочетаемости вместе с тем представляют собой как бы две ступени проявления единой и целостной семантики каждого конкретного слова. Но в первом случае слово выступает как представитель определенного грамматического класса или подкласса, объединяющего лексические единицы на основании самых общих особенностей их семантики. Во втором случае способность слов сочетаться друг с другом зависит от их индивидуальных значений, более или менее непосредственно отражающих явления действительности. Следовательно, самые отношения и связи внеязыковой действительности определяют в данном случае связи, возникающие между словами. Разумеется, и здесь сохраняют свое действие собственно языковые моменты. Поскольку речь идет о сочетаниях слов, а не понятий, постольку то с большей, то с меньшей очевидностью дают о себе знать те свойства слов, которые наряду с заключенным в них понятийным содержанием также входят в их лексическую характеристику. Можно

вспомнить об экспрессивно-стилистических элементах, предопределяющих употребление ряда слов, о присутствии в языке слов с фразеологически ограниченной сочетаемостью и т. д.

Сочетание слов в определенных значениях — даже когда речь идет о нефразеологических, свободных словосочетаниях — всегда приводит к созданию нового смыслового единства, нового смысла, который не представляет собою простую сумму объединяемых значений. Л. В. Щерба обратил внимание на «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы, правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно известные всем хорошим стилистам» [5]. Эта мысль не была развита Л. В. Щербой, а ее формулировка может вызвать разные истолкования — идет ли речь о правилах «сложения смыслов», относящихся к тем случаям, когда это сложение «не дает сумму смыслов», или же об о б щ и х правилах, поскольку «сложение смыслов» вообще «не дает их суммы». Независимо от того, какое толкование самой формулировки признать правильным, представляется более соответствующим реальности именно второе ее понимание.

Как можно утверждать, что позиция слова (т. е. сочетание с определенным семантическим разрядом слов) определяет, какое из присущих ему значений реализуется, так можно утверждать и то, что и в пределах одного значения различные сочетания слова неодинаково преломляют это значение. Именно осознание этого и заставляет составителей толковых словарей выделять внутри отдельного значения дополнительно «оттенки значения», а также дробить на самостоятельные значения те значения, которые были определены в предшествующих словарях.

Например, для глагола *сорвать* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова отмечены, в частности, такие значения: «1. Снять, отнять, отделить (преимущ. резким движением, рывком), сдернуть. *С. цветок. С. ветку, С. шляпу с кого-н. Бурей сорвало крышу.— Что, если бы он сорвал маску... Нет, он не узнал*

---

[5] Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1931, I, стр. 68.

меня... 2. Испортить, погубить, сделать осуществление или дальнейшее ведение, течение чего-п. невозможным (разг.). *С. дело. С. программу. С. занятия. С. заседание. Реформисты сорвали забастовку».* Разграничение этих значений вполне четко определяется лексической позицией слова: с объектом, выражаемым конкретным существительным, обозначающим физический предмет, глагол имеет первое из приведенных здесь значений, с объектом, выраженным существительным, обозначающим событие (в широком смысле) — второе (*сорвать программу* — эллиптически обозначает «сорвать осуществление программы» или «сорвать принятие программы»). Различны для данных значений и синтаксические позиции глагола: только в первом из них он может быть распространен дополнением *с чего-л.* (ср. *сорвать с куста сирени ветку* и т. п.). Нетрудно заметить, однако, что смысл глагола не остается тождественным в разных примерах к этому значению. В сочетаниях вроде *сорвать цветок* и *сорвать маску* он по существу обозначает разные по своему характеру действия. В связи с этим составители четырехтомного академического «Словаря русского языка» выделяют здесь уже два значения; первое определяется так: «Дернув, отделить от ветви, стебля (что-л. растущее). *Сорвать цветок. Сорвать яблоко»*; второе само распределено по четырем «оттенкам»: «Дернув, рванув, отделить (что-л. прикрепленное). *Сорвать дверь с петель. Сорвать замок»*; «Рывком, резким движением снять (что-л. надетое или лежащее, висящее на чем-л.). *Сорвать шапку»*; «Испортить, повредить при резком движении, рывке. *Сорвать резьбу»*; «Разг. Ссадить, содрать (кожу)».

Можно ли полагать, что разграничение значений и оттенков — в зависимости от реальной природы срываемых предметов — этим исчерпано? Уже в примерах к «оттенку значения», иллюстрируемому сочетанием *сорвать шапку* (*сорвал с себя галстук, сорвал шашку со стены*) можно усмотреть не вполне тождественные по своему характеру действия: для того чтобы сорвать галстук, нужно развязать или ослабить узел, которым он завязан; *сорвать шашку* — не значит изменить способ ее крепления; в сочетаниях *Прохожий сорвал с него шляпу* и *Ветер сорвал с него шляпу* отражены также не совсем одинаковые действия, причем к последнему мало применимо уточнение «рывком, резким движением». Каждый глагол

в своем конкретном употреблении связан с представлением о той или иной ситуации (ср. *встать с постели, встать со стула, встать с пола* и т. п.), поэтому даже сочетания *сорвать яблоко* и *сорвать цветок*, вызывая различные представления о «сопутствующих действиях», не могут быть признаны полностью тождественными в этом отношении.

Кажется бесспорным, что все такого рода «сопутствующие» моменты не могут служить основанием для разграничения значений, но они существенны при выяснении того, как «сложение смыслов» приводит к созданию «не суммы смыслов, а новых смыслов».

Вряд ли приходится сомневаться в том, что основное «цветовое» значение прилагательного *зеленый* одинаково присуще ему в сочетаниях *зеленый свет, зеленые листья, зеленый лес, зеленая стена, зеленые глаза* и т. д. Но представление о «распределении» (также и характере) цвета в разных случаях все же не совсем одинаково. Так, сочетания *зеленый лес* и *зеленые листья* могут сопровождаться дополнительными («временными») оттенками (ср. *уже зеленый лес*; ср. связь с *зеленеть, зелень*); *зеленый лес* не может быть «сплошь зеленым»; сочетание *зеленые глаза* вызывает представление о «другом» зеленом цвете и т. д. Все это показывает, что даже в самых как будто очевидных случаях равнозначности слова — в определенных сочетаниях — оно все-таки по-разному взаимодействует с другими компонентами этих сочетаний.

2. Объединение слов в тех или иных лексико-грамматических классах и подклассах, а соответственно, и возможности их синтаксического функционирования в гораздо большей степени регулируются собственно языковыми факторами, чем их лексическая сочетаемость. Но и синтаксические особенности употребления слов не проявляются, конечно, совершенно независимо от их индивидуальных значений. В этих особенностях, хотя и в преломленном виде, отражается семантика сочетаемых лексических единиц. Например, в случаях глагольного и иного управления грамматическая форма зависимого (управляемого) слова не определяется принадлежностью главного члена словосочетания к какому-то грамматическому классу слов. Ср.: *интересоваться кем-либо, чем-либо; удивляться кому-либо, чему-либо; надеяться на кого-либо,*

что-либо и т. д. Вместе с тем особенности управления объединяют отдельные глаголы, в семантике которых могут быть обнаружены некоторые общие черты. Ср. *интересоваться кем-либо, чем-либо* и *восторгаться кем-либо, чем-либо, заниматься чем-либо, любоваться кем-либо, чем-либо, увлекаться кем-либо, чем-либо, восхищаться кем-либо, чем-либо, гордиться кем-либо, чем-либо* и т. п. Ср. также: *владеть, обладать, распоряжаться, управлять, править, командовать, ведать, заведовать, руководить кем-либо, чем-либо*; или *надеяться на кого-либо, что-либо* и с теми же формами зависимых имен — *уповать, полагаться, рассчитывать; согласиться на что-либо* и *пойти на что-либо, решиться на что-либо* и т. п.

Разумеется, нельзя игнорировать тот факт, что грамматическая форма словосочетания, в том числе и с управляемым словом, не находится в прямой зависимости от конкретных значений входящих в данное словосочетание слов. Ср. расхождение в формах управления при семантической близости главных членов таких словосочетаний, как *рад кому-либо, чему-либо* и *доволен кем-либо, чем-либо; возмущаться кем-либо, чем-либо* и *негодовать на кого-либо, на что-либо; слышать* и *слушать кого-либо, что-либо*, но *видеть кого-либо, что-либо* и *смотреть на кого-либо, на что-либо; помочь кому-либо* и *поддержать кого-либо* и мн. др. Однако нет смысла не считаться и с теми показателями семантической близости слов, которые обнаруживаются в особенностях их синтаксического употребления. Влияние же конкретной семантики управляющего слова на возможность применения зависимого слова в той или иной форме вполне очевидно в случае так называемой семантической аналогии.

Исследование синтаксической сочетаемости способно дать определенные критерии для отнесения слов к тем или иным лексико-семантическим группам, изучение же собственно лексической сочетаемости раскрывает индивидуальные семантические особенности каждого отдельного слова. Разумеется, лексическая сочетаемость практически не может быть подвергнута исчерпывающему обследованию. Не говоря уже о возможности образного контекстно-метафорического применения слов, которая в конечном счете безгранична (например, у Маяковского: *заштопайте мне душу, губы спокойно перелистывает* и мн. др.), самое многообразие явлений окружающего мира, всего того,

что может произойти в реальной действительности и быть отражено в речи, делает любой перечень лексических сочетаний того или иного отдельного слова по существу всегда неполным. Самые необычные (по смыслу) или даже, казалось бы, противоестественные с точки зрения реальных предметных соотношений словосочетания постоянно возникают в речи, оказываясь вполне закономерными в определенных ситуациях [6].

Таким образом, изучение лексической сочетаемости тех или иных слов не может, конечно, заключаться в создании исчерпывающего списка всех возможных словосочетаний, в которых они способны участвовать. Однако чрезвычайно существенным как для лексикологии вообще, так и для семасиологии в частности является исследование частотности различных сочетаний слова в разных текстах, принадлежащих к разным видам речевого общения. Помимо практических соображений (интересы методики обучения языку, стилистики, прикладной лингвистики, теории и практики реконструкции текста и т. д.), познание тех закономерностей, которые, будучи недейственными в каждом единичном случае, оправдываются на достаточно большом (статистически достаточном) материале, представляют интерес и для адекватной характеристики онтологической сущности языковых явлений. «То обстоятельство, что некоторое событие А является случайным по отношению к некоторому комплексу условий S, не означает, однако, что между S и А вообще невозможно установить никакой связи. В частности, хотя при однократном осуществлении комплекса условий S событие А может произойти, а может и не произойти, при

---

[6] Говоря о лексической вероятности словосочетаний и определяя ее как «сочетаемость слов, зависящую от их смысловых значений», Л. Р. Зиндер отмечает: «Зависимость эта, строго говоря, не лингвистическая; она определяется объективной действительностью, условиями жизни общества и является поэтому очень изменчивой как территориально, так и во времени. Например, словосочетание *сидеть на крыше* в условиях жизни в Европейской части СССР неизмеримо менее вероятно, чем словосочетание *сидеть в саду*; в Средней же Азии вероятность первого значительно возрастает. Равным образом словосочетание *стеклянная сковородка*, почти невероятное лет 20 назад, стало сейчас широко употребительным» (Л. Р. Зиндер. О лингвистической вероятности.— ВЯ, 1958, № 2, стр. 123).

многократном осуществлении S в осуществлении A прослеживается некоторая закономерность, а именно: событие A происходит с определенной ч а с т о т о й»[7].

То, что, например, со словом *съесть* в качестве объекта чаще всего будут сочетаться названия разных блюд, съедобных растений, животных и т. д., никак не предопределяет (если даже не касаться здесь фразеологических словосочетаний, вроде «собаку съел в чем-либо»; разговорного «что, съел?» и т. п.) его потенциальной лексической сочетаемости, обусловленной конкретной возникшей ситуацией. Разумеется, «съесть обед» является более частотным словосочетанием, чем, например, «съесть галоши». Однако последнее, вполне возможное синтаксически, никак не может быть квалифицировано как невозможное и с чисто семантической точки зрения. В определенных условиях речевого общения его появление вполне вероятно[8]. Но вместе с тем было бы, конечно, странно не замечать того факта, что подобные сочетания глагола *съесть* единичны, в то время как другие его сочетания не только многочисленны, но и в гораздо большей степени способствуют проявлению его, так сказать, «подлинной» семантики.

Нет никаких оснований считать, что словосочетания «съесть галоши» и «съесть обед» грамматически неравноценны; но для семасиологии небезразлично то обстоятельство, что одно из них может встретиться чаще (при обследовании большого количества текстов), чем другое.

Мы не можем в каждом отдельном случае быть уверены в том, что предсказываем правильное сочетание какого-либо слова. Но мы можем оценить возможность ошибки данного предсказания.

Лексическая сочетаемость слова регулируется только статистическими закономерностями. Они определяют не возможность, но в е р о я т н о с т ь появления слова в том или ином сочетании. Установлению этой вероятности должно, естественно, предшествовать исследование час-

---

[7] Р. М. Ф р у м к и н а. Применение статистических методов в изучении языка. «О точных методах исследования языка». Изд. МГУ, 1961, стр. 68.

[8] Можно заметить, кстати, что в стихотворении К. Чуковского «Телефон» крокодилы едят именно галоши (калоши).

тотности слов в разных уже осуществленных в речи сочетаниях. Запечатление в языке того, что было, становится, таким образом, и показателем его потенциальных возможностей в б у д у щ е м.

Процессы формального сближения слов, выражающиеся в появлении у них одинаковых форм сочетаемости и основанного на их смысловом сближении, наблюдаются в языке постоянно. Вот несколько примеров из художественных произведений XIX в.: Я был так *рад успехом*, что, поблагодаря наскоро главнокомандующего, побежал в палатку, в которой содержался Аммалат-бек (Марлинский, Аммалат-бек; ср.: *рад чему-либо* и *обрадован, доволен чем-либо*); Хозяйка *на нее* немножно *недовольна*... (Лесков, Зимний день; ср.: *недовольна кем-либо* и *сердита на кого-либо*); ...но особенно он любил рекрутов и молодых солдат: *их* он всегда *покровительствовал*, читал им наставления и помогал часто (Л. Толстой, Рубка леса; ср. *покровительствовать кому-либо* и *покрывать, защищать, оберегать* и т. п. *кого-либо*); Переговоры, однако, начались; пункт, на котором был основан весь маневр обоих друзей, а именно возможность *увлечения* Настасьи Филипповны *к Гане*, начал мало-помалу выясняться и оправдываться... (Достоевский, Идиот; ср.: *увлечение кем-либо* и *чувство, любовь, страсть* и т. п. *к кому-либо*);— Когда вам будет больше лет, то вы сами увидите, какое *значение имеет на убеждение* возраст (Достоевский, Братья Карамазовы; ср. *иметь влияние на*...) и т. п.

Любопытны случаи контекстного совмещения слов с разным управлением и синтаксической «ассимиляции» одного из них другому: И мы, вероятно, по своему малодушию, бесконечно рады и *довольны этому обстоятельству* (Зощенко, Голубая книга. Предисловие); Крымов сел и *ужаснулся* своему *счастью*. Он и не предполагал, что может так радоваться этому утру, и этой реке, и тому, что он один (Ю. Казаков, Вон бежит собака!) и т. п.

Ассоциации, влияющие на синтаксическое употребление слов, естественно, не остаются неизменными. Иногда их изменение отражает непосредственные сдвиги в значениях тех или иных слов, иногда оно бывает вызвано изменением функций определенных типов словосочетаний, намечающимися тенденциями их дифференциации и т. д.

В текстах XVIII—XIX вв.[9] мы можем обнаружить целый ряд расхождений с современными нормами глагольного управления. Вот несколько иллюстраций:

О истина, ты всех доброт прямая мать. Не должно никогда *тебя пренебрегать* (В. Майков, Игрок ломбера); [Юленька] Я теперь *все пренебрегаю*, кроме туалета (Островский, Доходное место); [Флор Федулыч] *Пренебречь его* следует, пренебречь! (Островский, Последняя жертва). Ср. *пренебречь, пренебрегать кем-либо, чем-либо*. В словаре Даля при данных глаголах указано: «*что*, или лучше *чем*».

[Княгиня.] ...Братец мой родной, даром что он мне большой, что я у него живу и что много *им обязана*, братец мой — мужик бешеный (Фонвизин, Добрый наставник; ср. *обязан кому-либо, чему-либо*); А ты стерпел, и я *гнушаюсь тобой*: ты — трянка! (Достоевский, Подросток; ср. *гнушаться кого-либо, чего-либо*).

Во время ротного учения он, *не стесняясь солдатами*, кричит на младшего офицера (Куприн, Прапорщик армейский; ср. *стесняться кого-либо, чего-либо*) и т. п.

Если пытаться дать объяснение этим расхождениям, то придется, по-видимому, искать их причины опять-таки в тех семантических группах слов, с которыми данные

---

[9] Для древнерусского языка характерна значительно более широкая по сравнению с современным вариантность. Например, глагол *печися* в значении «заботиться» допускает в древнерусском дополнение как в форме творительного падежа, так и в форме местного с предлогом *о*; ср.: *Пекыися о нихъ*, акы братьи своеи (Чтение о житии Бориса и Глеба) и: Присно *печеться нами* (Там же); *лѣнитися* сочетается с формами *о чем* и *на что*: ср.: Не можите *ся лѣнити ни на что* доброе (Поучение Владимира Мономаха); Не можимъ убо *лѣнитися о* своем *спасении* (Лобковский пролог, XIII в.); *каятися — чего* и *о чем*; ср.: И паче Володарь молвити: почто зло створивъ и *не каешися его*? (Лаврентьевская летопись, под 1097 г.); *кающеся о* первомъ *согрѣшении* своемъ (Чтение о житии Бориса и Глеба). Ср. также *глаголати — кому* и *к кому; вѣровати — в кого, кому, к кому* (без отчетливо выраженных семантических различий); *радити* «заботиться» — *чего* и *о чем; радоватися — чему* и *о чем; сподобитися* «удостоиться» — *чего, чему* и *чем; гнушатися — чего, чему* и *что* и мн. др. То же относится к аффиксальному оформлению слов. различие в котором часто не сопровождается отчетливо выраженным различием в значениях «словообразовательных вариантов»; ср. в разных списках того же произведения XIV в.: *волшебныя книги* и *вълшъствьная книгы, волшьвеная хитрость* и *волшъствьная хытрость* и т. п.

глаголы попеременно сближаются. Так, *пренебрегать* может ассоциироваться, с одной стороны, с такими словами, как *презирать* (*кого-либо, что-либо*), *не уважать* (*кого-либо*), с другой —с такими, как *не интересоваться* (*кем-либо, чем-либо*). *Гнушаться* ассоциируется по контрасту с *гордиться* и т. п. (*кем-либо, чем-либо*), а также со *стыдиться* и т. п. (*кого-либо, чего-либо*). Формы словосочетаний *обязан кем-либо, стесняться кем-либо* объясняются их возникновением как страдательных оборотов, изменение же управления — влиянием семантически близких конструкций, вроде *должен кому-либо, стыдиться кого-либо*.

Таким образом, семантические связи, существующие между отдельными словами как членами некоторой семантической парадигмы, отражаются и на формах этих слов как членов определенной синтагмы. Вместе с тем особенности управления, характеризующие ряд глаголов в современном языке, свидетельствуют об известном «расщеплении», или развитии, их первоначального недифференцированного, или более узкого значения; ср. *смеяться над чем-либо* и *смеяться о чем-либо* («И бабы пошли дальше, *смеясь о чем-то*».— А. Толстой, Необыкновенное приключение Никиты Рощина); *верить кому-либо, чему-либо* и *верить в кого-либо, во что-либо; наблюдать кого-либо, что-либо* и *наблюдать за кем-либо, за чем-либо, судить кого-либо, что-либо* и *судить о ком-либо, о чем-либо* и т. п. Ср. также: *заинтересован кем-либо, чем-либо* и *заинтересован в ком-либо, в чем-либо; способен к чему-либо* и *способен на что-либо* и т. п.

3. Наблюдения над синтаксическими свойствами глаголов русского языка, дающими возможность, во-первых, разграничить разные значения одного глагола, используя объективные формальные показатели, во-вторых, на основании совпадающих синтаксических признаков провести группировку разных глаголов, т. е. выделить определенные семантические группы в лексике, изложены в исследовании Ю. Д. Апресяна, о котором говорилось выше.

Дальнейшее изучение семантики синтаксически активных (т. е. организующих синтаксические конструкции) слов должно, по-видимому, быть направлено прежде всего на уточнение категориальной значимости тех трансформаций, которые возможны для различных типов

глагольных фраз, а также на выяснение синтаксических и лексических условий их совместимости.

Предстоит выяснить, насколько различные трансформации и синтаксическая несовместимость во всех типических случаях определяются действительно неоднородностью семантики самого глагола в различных синтагматических позициях и насколько они зависят от его ситуативного смыслового содержания в отдельных фразах.

Чтобы сделать более понятным, что конкретно мы имеем в виду, остановимся на одном приводимом Ю. Д. Апресяном примере «расхождений в трактовке глагольных значений, обнаруживаемых при сравнении дистрибутивно-трансформационного словаря и толковых словарей обычного типа». Ю. Д. Апресян отмечает: «Случаи, когда глаголы, обозначающие информационную деятельность (*вспоминать, говорить, знать, напоминать, помнить, рассказывать, твердить, узнавать* и т. п.) управляют винительным падежом, и случаи, когда они управляют «изъяснительным» падежом (о Np), рассматриваются в толковых словарях как представляющие одно и то же значение глагола. С нашей точки зрения, соответствующие фразы реализуют разные значения глагола во всех тех случаях, когда они либо несовместимы, либо нетрансформируемы; ср. *помнить стихотворение* (*наизусть*) ↮ **помнить о стихотворении* (*наизусть*), *узнать о приезде сына* ↮ **узнать приезд сына*, *напоминать кому-л. о необходимости отъезда* ↮ **напоминать кому-л. необходимость отъезда* и т. п.

Решение, вынуждаемое принципами совместимости и трансформируемости, кажется нам более обоснованным и с чисто содержательной точки зрения. Заметим, прежде всего, что фразы типа *знать, (помнить) письмо* (*стихотворение*) и *знать* (*помнить*) *о письме* (*о стихотворении*) служат для выражения бесспорных семантических противопоставлений: можно знать (помнить) о письме (о стихотворении), не зная (не помня) самого письма (стихотворения). Когда мы говорим *Он знает* (*помнит*) *о письме* (*о стихотворении*), мы утверждаем, что он имеет информацию о факте существования письма (стихотворения); говоря *Он знает* (*помнит*) *письмо* (*стихотворение*), мы утверждаем, что ему известно содержание письма (стихотворения)» [10].

[10] Ю. Д. Апресян. Указ. соч., стр. 113.

Почему именно эти случаи свидетельствуют о различиях в семантике самого глагола, а не о различии значений предложно-падежных форм, как в случае с *бороться с кем-чем*, и *бороться за что*? [11] Ответ на этот вопрос не кажется столь уж очевидным.

«Содержательная» точка зрения, конечно, не является здесь решающей. Точно так же, как можно знать о письме, не зная самого письма,— можно бороться против чего-то, не борясь при этом за что-то. В то же время возможны фразы, вроде «О намерениях сына он знал только то, что тот сообщил в письме» и т. п. «Знать человека» и «знать о человеке» — несомненно, разные в содержательном отношении фразы, однако между фразами, вроде «знать о причинах отъезда» и «знать причины отъезда» — семантическая граница уже не представляется столь отчетливой. Ср. в стихотворении Л. Мартынова:

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные *ведать* пути —
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

(«Седьмое чувство»).

По-видимому, «совместимость» может быть следствием «диффузности» значений, о которой говорилось выше. В тех позициях, которые выступают как позиции п е р а з л и ч е н и я отличающихся в других окружениях каким-либо признаком значений слова, синтаксическая несовместимость отдельных конструкций снимается. Поэтому общее значение «преодолевать сопротивление, добиваясь определенной цели», которое Ю. Д. Апресян считает свойственным глаголу *бороться* как во фразах типа «бороться с браком», так и во фразах типа «бороться за высокое качество» (благодаря их совместимости: «бороться с браком на производстве — за высокое качество продукции») [12], по нашему мнению, как раз и является тем «диффузным значением» глагола, которое выступает в позиции неразличения. На то, что это именно позиция «неразличения», указывает возможность таких типизирован-

[11] Там же, стр. 109.
[12] Там же, стр. 108—109.

ных контекстов, где данное «совмещенное» значение глагола, по-видимому, расщепляется именно в соответствии с двумя выделяемыми в толковых словарях отдельными значениями глагола *бороться*; ср.: «Он не мог больше бороться со сном»; «Он стойко боролся с недугом» и т. п.; «Он самоотверженно боролся за идею». Если попытаться воспользоваться здесь принципом «трансформируемости» в тех его несколько неопределенных границах, как они пока очерчены, то мы опять-таки не получим доказательств «моносемантичности» рассматриваемого глагола, так как ясно, что в то время как «самоотверженно бороться за идею «трансформируется в «самоотверженный борец за идею»,— «стойко бороться с недугом» — не позволяет произвести такую же глагольноименную «трансформацию» (ср. невозможность сочетаний «стойкий борец с недугом» или «против недуга» и т. п.).

Следовательно, здесь дело не столько в синтаксических возможностях употребления глагола как такового в тех или иных конструкциях, сколько в «лексическом наполнении» соответствующих конструкций.

Совпадение некоторых трансформаций также не всегда свидетельствует об общности значения соответствующих конструкций. На это обращает внимание Ю. Д. Апресян. Однако установить более или менее объективно то, в каких случаях совпадение синтаксических признаков дает основания говорить об общем значении фраз, пока, по-видимому, не удается. На это указывают, в частности, такие факты, которые, согласно Ю. Д. Апресяну, допускают установление для соответствующих глаголов общего значения (т. е. объединения их в одну группу), но которые, как кажется, должны быть интерпретированы иначе. Например, автор устанавливает такое общее значение «изготовлять предмет из материала, подвергая последний простейшему физическому воздействию, деформации», которым объединены на основании трансформации $N_n{}^1VN_a{}^2$ из $N_g{}^2 \leftrightarrow N_n{}^1$ с $VN_a{}^2$ в $N_a{}^2$ (*вертеть трубочку из газеты* ↔ *сворачивать газету в трубочку*) глагольные фразы *вить бичеву из травы, гнуть подковы из куска железа, метать стог из сена, плести корзину из прутьев* и др.[13] Между тем наблюдение над именной

[13] Ю. Д. Апресян. Указ. соч., стр. 130.

частью этих фраз показывает, что здесь объединены фразы, являющиеся семантически неоднородными: может быть «корзина из прутьев», но не «стог из сена», а «стог сена», т. е. синтагма, в которой представлены существительное, обозначающее однородную массу (*сено*), и существительное, обозначающее «форму» (*стог*) [14]. Между тем словосочетание «подковы из куска железа» включает в себя уже как часть аналогичную синтагму (*кусок железа*).

Таким образом, «воздействие на предмет» здесь имеет различный характер. Кажется очевидным, что и соответствующие глаголы (*метать, плести, гнуть*) не могут поэтому быть подведены под «общее значение».

Другой пример. Отмечая, что некоторые группы существительных могут быть описаны на основе их синтаксических свойств, Ю. Д. Апресян в числе других указывает на «существительные со значением вместилища», считая, что только они допускают трансформацию типа *банка из-под варенья ↔ банка под варенье, бутылка из-под молока ↔ бутылка под молоко, жестянка из-под керосина ↔ жестянка под керосин* [15]. Но очевидно, что такой трансформацией объединена только очень незначительная часть существительных со значением вместилища, тогда как другие существительные с тем же значением явно противостоят ей (ср. невозможность **стакан из-под воды* или **стакан под воду, *чайник под чай* или **чайник из-под чая* и т. д.). Следовательно, указанные трансформации (и вообще данные конструкции) возможны только для некоторых обозначений вместилищ (когда последние характеризуются, так сказать, «переменным содержимым»), а значит, не определяют выделение соответствующей лексико-семантической группы в целом. В то же время формально данная трансформация возможна для существительных, не имеющих значения «вместилища», ср. *подставка под телевизор ↔ подставка из-под телевизора* и т. п.

Существительные со значением вместилища, как и многие другие существительные, могут включать или не

---

[14] Ср.: Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 143—144.

[15] Ю. Д. Апресян. Указ. соч., стр. 34.

включать в свое значение элемент функциональной направленности (ср. ниже). «Указание» на назначение предмета имеет при этом различный характер (различную степень «детализации»): «вмещать что-то», «вмещать что-то определенное», «вмещать что-то определенное для определенной цели». Ср. *бутылка, банка; сахарница, солонка*; *кофейник, самовар* и т. д. Очевидно, что словосочетания с данными существительными будут допускать неодинаковые преобразования.

Понятие трансформируемости пока еще остается очень неопределенным в деривационном отношении. На каком основании мы можем считать трансформами одной «идеальной фразы», например, фразы, включающие слова *воспитывать, воспитанник, воспитатель* или *покрывать* и *покров* («покров снега») или *любить* и *любовь* и т. д., кажется в общем не совсем ясным.

Идентичность «лексических морфем», как это хорошо известно, не является сама по себе показателем семантической близости включающих эти морфемы слов. Для того чтобы можно было говорить об этой идентичности и в семантическом плане, нужно исследовать деривационные отношения между соответствующими лексическими единицами. Этой цели, как кажется, могло бы способствовать рассмотрение «деривационной схемы» различных глагольных фраз, т. е. выяснение лексической заполняемости различных синтаксических «мест» при данном глаголе и семантической роли при этом соответствующих производных.

Такая задача еще не ставилась при словообразовательном анализе, но от ее решения, на наш взгляд, во многом зависит адекватное применение трансформационного метода.

4. «Лексический» подход к трактовке значений некоторых грамматических форм слов (например, падежных форм имени существительного), выражающийся в приписывании грамматической форме слова как таковой «значений», обусловленных семантикой компонентов тех словосочетаний, в которые входит данная форма, справедливо подвергается осуждению со стороны ряда исследователей. Конечно, неоправданно, устанавливая, например, значения родительного падежа, выделять «родительный материала», «родительный владения», «родительный целого» и т. д. в качестве самостоятельных значений этого

падежа, поскольку эти значения обусловлены лексически [16], но это никак не значит, что подобные различия, часто действительно посторонние для грамматики, вообще не представляют интереса для лингвистического исследования. Легко заметить, что эти различия являются объективно данными в языке показателями определенной лексико-семантической группировки слов.

Очевидно, что, поскольку значения «части и целого», «принадлежности», «отношения к лицу» и т. д. обусловливаются лексическими значениями входящих в словосочетания существительных, способность тех или иных существительных участвовать в создании этих значений может оказаться существенной при семантической характеристике самих существительных.

В академической «Грамматике русского языка» в разделе о словосочетаниях с существительными в роли главного члена и с зависимым существительным в форме родительного падежа говорится: «В тех случаях, когда главным словом является имя существительное, по своему составу и значению не соотносительное с глаголом или с именем прилагательным, характер отношений между членами словосочетания большей частью определяется лексическим значением образующих словосочетание существительных» [17]. Однако важно подчеркнуть, что выделяемые там же вслед за этим «в зависимости от лексических значений входящих в словосочетание слов» типы словосочетаний с приименным родительным свидетельствуют об известной обобщенности принимаемых во внимание «лексических значений». Кроме того, при рассмотрении словосочетаний не как изолированных единиц, а в связи с другими соотносительными с ними единицами выделение некоторых из отмечаемых типов получает и грамматическое обоснование.

Опираясь на синтаксические критерии группировки слов, исследователь получает некоторые объективные дан-

---

[16] См. об этом, например: A. W. de Groot. Classification of uses of a case illustrated on the genitive in latin. «Lingua», 1956, v. 6, № 1; Т. В. Булыгина. Некоторые вопросы классификации частных падежных значений. «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961.

[17] Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М., изд. АН СССР, 1954, стр. 234.

ные и для их семантической группировки. В лингвистических исследованиях последнего времени явно обнаруживается стремление устанавливать структурно-семантические типы внутри определенных грамматических классов именно на основании структурных особенностей тех словосочетаний, в которых выступают данные группы слов и в которых и реализуются их семантические особенности. Такой путь исследования следует признать продуктивным как для синтаксиса, так, в не меньшей степени, и для семасиологии.

Такими семантическими разрядами слов являются, например, существительные с конкретным предметным значением, отчетливо противопоставленные существительным, обозначающим свойства, состояния и т. д., в связи с их участием, в отличие от вторых, в выражении значения принадлежности; ср.: *дом* (*холодильник, книга* и т. д.) *соседа — у соседа есть дом* (*холодильник, книга* и т. д.), но *болезнь* (*грусть, лень* и т. д.) *соседа — сосед болен* (*грустит, ленив* или *ленится* и т. д.).

Любопытно обратить внимание на те ограничения, которые обнаруживаются в пределах тех или иных выделяемых типов словосочетаний. Например, в ряду *болезнь кого-л., недомогание кого-л., бред кого-л.* и т. д.— словосочетаний, не вызывающих сомнений в правильности, оказываются, по-видимому, невозможными (во всяком случае — вне специальных условий) такие, как *озноб кого-л., жар кого-л., лихорадка кого-л., тошнота кого-л.*; ср.: *Болезнь ребенка всех напугала; Болезнь ребенка была непродолжительной*, вместе с тем: *Жар у ребенка вызвал переполох; Озноб у ребенка был непродолжительным* и т. п. Дело зедсь, как можно думать, в том, что в словосочетаниях со значением «состояния лица», лицо выступает как «субъект» названного состояния (ср. *ребенок болен, недомогает, бредит*), существительные же вроде *озноб, жар, тошнота*, связанные с безличными глаголами, не соответствуют этому значению (ср. его *знобит, лихорадит, тошнит, бросает в жар*).

Если это так, указанные факты могут служить еще одним подтверждением языковой реальности системных связей между различными конструкциями.

Любопытны некоторые детали сочетания существительных с конкретным предметным значением. В академической грамматике отмечены наиболее очевидные слу-

чаи словосочетаний, в которых «главное слово называет часть предмета, а зависимое слово — весь предмет, напр.: *ступень лестницы, ножка стула, ящик стола, крыша дома, карманы пальто, рукава платья, низ горы*»; в примерах из литературных произведений находятся такие словосочетания, как *конец деревни, ворота гостиницы, порог дома* и под. К этому же типу должны быть отнесены, по-видимому, и такие словосочетания, как *вода реки, деревья сада, глина обрыва, трава оврага* и т. п. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в языке своеобразно закреплено представление о «принадлежности» тех или иных предметов. Так, при *вода реки* оказываются невозможными такие сочетания, как, например, *вода крана, вода ванны, молоко бутылки, суп тарелки* и т. п. (ср. *вода из крана, вода в ванне, молоко в бутылке* и т. д.); при *деревья сада, трава лужайки, трава оврага* невозможны (или необычны) вне специальных условий *деревья дороги* (ср. *деревья у дороги, на дороге*), *трава крыши* (ср. *трава на крыше*) и т. д. Это показывает, что со значениями слов, обозначающих «конкретные предметы», по-разному связаны признаки (семантически значимые или ассоциативные), указывающие на то, что является «принадлежностью» данных предметов. Так, в значение слова *река* входит признак «вода» (*река* — это «водоем»), так же как в значение слова *лужайка* признак «трава»; этот же признак, конечно, несуществен для значения слова *овраг*, однако он, по-видимому, может быть расценен как ассоциативный (связанный с представлением о предмете) признак данного слова. Интересно, что слова, обозначающие предметы со специальным назначением «вмещать что-либо определенное» вроде *сахарница, чайник, кошелек* и т. п., также обычно не выступают в родительном падеже при существительных, обозначающих их содержимое (**сахар сахарницы*, **деньги кошелька* и под.). Ср. *полная сахарница сахару, полный кошелек денег, полная ванна воды* и под.; а также *тарелка супу, бутылка молока* и т. д. Ср. также в другом типе словосочетаний: *посетители выставки, пассажиры самолета, завсегдатай пивной* и т. п. наряду с невозможностью (или необычностью) словосочетаний *прохожие улицы, пешеход тротуара* и под. Или: *герой фильма, сцена фильма* и т. п., но менее обычно: *врач фильма, сестра фильма, свадьба фильма* и т. п.

Разумеется, окончательные выводы о природе указанных различий, их собственно семантической значимости для различных групп слов невозможны без более подробного анализа соответствующих фактов. Цель приведенных примеров только в том, чтобы показать возможность такого анализа, основанного на учете синтаксических связей, свойственных тем или иным словам. Можно заметить, что в ряде случаев словосочетания с приименным родительным в русском языке могли бы явиться основой семантической классификации имен существительных. Именно эти словосочетания удобны для подобной классификации тем, что генитив при существительных в русском языке (как и в ряде других индоевропейских языков) является такой всеобъемлющей категорией, которая способна выражать самые разнообразные отношения между существительными, причем конкретный характер выражаемого отношения в значительной степени зависит от лексических значений сочетающихся слов.

5. При семантической классификации слов, при выделении лексико-семантических групп должно быть принято во внимание также следующее обстоятельство. В языке существуют такие синтаксические конструкции, в которых выступают только какие-то определенные разряды слов, в то время как другие в данных конструкциях не употребляются. Естественно предположить, что подобные ограничения связаны с семантическим содержанием соответствующих слов и, таким образом, возможность употребления последних в специфической конструкции свидетельствует о наличии в их значении какого-то общего семантического признака. Например, в современном русском языке наряду с регулярными сравнительными оборотами типа *быстрее тебя; быстрее, чем ты* существует фразеологическая конструкция *быстрее твоего*. Круг слов, употребляемых в этой конструкции, ограничен.

Во-первых, это личные (притяжательные) местоимения: Авось хозяйка моя удовлетворит вас *более моего* (Тургенев, Отцы и дети); [Петр.] Самой-то, чай, тоже не *веселей моего* (Островский, Лес); Я сама тебя люблю; может, еще *больше твоего* (Леонов, Житие одной бабы);— Что ты, бабка! Он еще *больше* твоего проживет (Николаева, Битва в пути). В один миг припомнилась мне его догадка о том, что Липутин знает в нашем деле не только *больше нашего*, но и еще что-нибудь, чего мы сами

никогда не узнаем (Достоевский, Бесы); [Отрадина.] Откуда ты такие сведения получаешь? [Аннушка.] Мы *скорее вашего* все узнаем (А. Островский, Без вины виноватые); Ехали мы все-таки несколько *быстрее вашего* (Короленко, Мороз) и т. п.

Во-вторых, в данной конструкции возможен ряд прилагательных, произведенных от местоименных наречий или с местоименно-относительным (в широком смысле) значением; ср. *больше, чем здесь — больше здешнего; больше, чем вчера — больше вчерашнего* и т. п., например: ...а завтра, князь, милости просим, угощу тебя *лучше теперешнего*... (А. К. Толстой, Князь Серебряный); В огне адовом не будет *хуже здешнего*! (Там же); Вид у нее очень утомленный: глаза очерчены легкой тенью и щеки *бледнее обыкновенного* (Куприн, Прапорщик армейский); Однажды он задержался у нее *позже обычного* (С. Антонов, Беккеровский рояль); Даша засмеялась, и неожиданно, так что у Ивана Ильича снова на весь день, *сильнее вчерашнего*, пошла кружиться голова... (А. Толстой, Хождение по мукам); Ей бы следовало, наконец, опомниться и смягчиться, но она скрыла свой ужас и уперлась еще *упорнее прежнего* (Достоевский, Бесы) и т. п. Ср. приобретшее черты фразеологической устойчивости сочетание *пуще прежнего*: Лаврецкий ничего не отвечал, а Лиза вдруг покраснела еще *пуще прежнего* (Тургенев, Дворянское гнездо); Забрало *пуще прежнего* задорных мужиков... (Некрасов, Кому на Руси...) и т. п.

Таким образом, группа слов, в значениях которых интуитивно ощущается нечто о б щ е е, может получить и некоторые объективные основания для выделения.

Следует заметить, что такого же типа сравнительные обороты возможны и с некоторыми другими разрядами слов, например, с именами собственными, с «терминами родства». Здесь нет необходимости рассматривать эти случаи, так как более подробный анализ лексической «наполняемости» указанной конструкции только уточнил бы ее характеристику, не противореча основному положению о свойственных ей лексико-семантических ограничениях. В то же время было бы очень интересно проследить, какие слова, кроме указанных выше, которые обычны в данной конструкции, способны также выступать в ней и с какими особенностями их семантики это связано. Ср. у

Л. Толстого в рассказе «Отец Сергий»: — Что же ты *раньше* пришла *обещанного?* — сказал Сергий.

6. Частое употребление слова в каких-то словосочетаниях может отразиться и на его собственном значении.

При устойчивом, постоянном употреблении слова в одинаковых речевых ситуациях его значение нередко специализируется в определенном направлении. Контекстно обусловленные оттенки значения данного слова обобщаются в сознании говорящих, становясь как бы элементом значения самого слова.

Такое контекстно обусловленное обобщение контекстно обусловленного значения слова отчасти иллюстрируется уже так называемыми эллипсисами, наблюдаемыми в повседневной обиходной речи. Ср.: — Я старый командир, сапер. Я был *на германской с четырнадцатого* и *на гражданской с восемнадцатого* (Гайдар, Судьба барабанщика). Здесь совершенно ясно, что *на германской* и *на гражданской* предполагают определяемое *войне*, а *с четырнадцатого* и *с восемнадцатого* — определяемое *года*.

Эллипсис — это факт речи (в тех случаях, когда он опирается на регулярные закономерности сочетания слов,— факт языка, подлежащий освещению в описательной грамматике), интересный как с точки зрения грамматических возможностей языка, так и с точки зрения семантических особенностей функционирования его отдельных слов. Однако, будучи результатом частого употребления слова, устойчивой речевой ситуации, он может превратиться в фактор, влияющий на собственно лексическое значение данного слова.

Так, в тех случаях, когда определяемое (в широком смысле) в известной речевой ситуации однозначно предполагает какое-то определение, последнее может быть опущено, причем оно как бы включается в семантику самого определяемого, становится элементом его значения. Происходит своеобразное семантическое стяжение.

Случаи семантического стяжения весьма разнообразны и многочисленны в языке.

В тех случаях, когда соответствующее употребление слова закреплено в языке,— перед нами уже результат стяжения, и говорить о нем с точки зрения синхронных отношений можно лишь постольку, поскольку параллельно существуют другие (не подвергшиеся стяжению) значения тех же слов: ср. «готовить уроки», «го-

товить специалистов» и т. д. и: Мне негде было обедать а *готовить* себе я ленилась (Каверин, Два капитана); Я ездил на курсы в Париж, только в Париже я учился *готовить* для богатых людей, которым не нужно работать (Из газет); «гладить волосы» и т. д. и: Умела мыть и *гладить*, шить и плесть (Пушкин, Домик в Коломне); «снять книгу с полки» и т. д. и: Вот бы *снять*,— сказал я фотографу (Пришвин, Календарь природы) и т. п.

Природа стяжения достаточно прозрачна; в языковом плане это приобретение словом A (со значением a), достаточно устойчиво сочетающегося со словом B (со значением b), значения всего словосочетания:

$$A(a)\ B(b) \rightarrow A(ab).$$

В социальном плане осуществление стяжения зависит, естественно, от общественной значимости тех ситуаций, которые обозначаются сочетанием AB. Социальная характеристика данной ситуации предопределяет как стилистическую значимость соответствующего словоупотребления, так и его способность стать общеязыковым фактом.

Во многих случаях совершенно очевидны стилистические отграничения подобного словоупотребления. Можно, например, отметить употребление слов *урегулирование, нарушать, осознать* в современной речи без дополнений: *урегулирование* (*отношений*), *нарушать* (*порядок*), *осознать* (*ошибки*). Например: — Вернулся, значит...— полунасмешливо сказал юноша.— Как видишь.— *Осознал*?— в голосе юноши звучала явная ирония.— Ну, и осознал. Ты против меня выступал? За увольнение? (Николаева, Битва в пути). Ср. также: Мотались в слезах пьяные головы. Генерал Субботин охрип, *воздействуя*,— послал всех к чертям свинячьим, напился сам (А. Толстой, Гиперболоид инженера Гарина);— Дмитрий Корнеевич!— не отцеплялся парень.— Дмитрий Корнеевич! Проявите чуткость! Дайте возможность *загладить*! Я признаю ошибку! (Панова, Сережа); Федор Петрович оправдал доверие. Он быстро навел порядок в районной больнице, амбулаториях и разных детских учреждениях... *Внакал, устраняя* и давал ценные указания (А. Рекемчук, Без боли) и т. п. Понятно, что подобные примеры стяжения неравноценны и с точки зрения их «лексической кристаллизации», и с точки зрения их стилистической значимости. Во многих случаях вполне очевидна закрепленность подобного слово-

употребления только за какими-то определенными сферами речевого общения. Ср.: *Не нарушайте!; отделение* в значении «отделение милиции» («Его взяли под микитки и увели в *отделение*».— Зощенко, Кража в кооперативе); *довести* как технический термин, употребляемый в значении «довести проект до необходимого совершенства»: Теперь ясно, что лодки этого типа не были *доведены*, ибо не всякая теоретическая новинка практически себя оправдывает (Из газет) и т. п.

В древнерусской письменности можно обнаружить также целый ряд примеров стяжения словосочетаний, в частности обычных в условиях средневековья с его церковно-религиозной идеологией. Например, *причаститися, причастие*: пославше приведоша и рѣша но что не приде прияти *причастия* (Пролог, нач. XIV в.[18]); *приобьщитися*: аще подобаеть ему *приобъщитися* или ни (Ефремовская кормчая, XII в.); *отпущение* в значении «отпущение грехов»: прѣльщьшемъ же ся и нуждею пострадавъшимъ отпущение дасть (Там же); *обратити* в значении «обратить в христианство»: И многи невѣрные *обрати* (Пролог из Юрьева Новгородского мон., XIV в.); *служити* в значены «совершать богослужение в церкви»: и рече ему старецъ по лютомь томь грѣсѣ дьрзнулъ ли еси *служити*; он же рече: еи, отче, служихъ; и рече старечь: вѣдыи буди се чадо, аще впадеть иерѣи въ таково прѣгрѣшение... да не *служить* (Лобковский пролог, XIII в.); *отдати* из словосочетания «отдати грѣхъ,, сътрѣшенья», т. е. «простить»: аще оклеветаеши брата своего... шедь поклонися ему до землѣ и рци: *отдаи* же ми отче, яко оклеветалъ тя есмь (Пролог из Юрьева Новгородского мон., XIV в.); *избавити* в значении «избавить от беды, гибели»: И корабли потапляемыя *избавити* (Лобковский пролог, XIII в.) и др. под. Ср. также *просить* в значении «просить милостыню»: и оттолѣ нача *просити*, и тако ся нача кормити (Там же); *послати* в значении «послать гонца, слуг и т. п.»: и *пославъ цесарь* разграби домъ мои (Там же): и *посла* Тиридатъ къ Иага

---

[18] Наряду со «свободным» употреблением этих слов, соответствующим их этимологическому значению: И нѣ хотящю *причястися скверно* (Лобковский пролог, XIII в.); аще кто и не *причастися убиству*, но вселными бывъ въ единомъ мысли, убиицѣ же бысть (Серапион Владимирский) и т. п.

ши, да увѣщаетъ Риспимию и приплетъ к нему на бракъ... и ему отъ Волги съ тѣмъ къ великому князю послати, что на полѣ на сей сторонѣ Волги нѣтъ Нагай никакихъ людей (Грамота, 1508 г.) и т. п.

В ряде случаев стяжение становится решающим фактором изменения семантики слова. Например, глагол *производить* одним из значений имеет «производить материальные ценности»: ...социалистический лагерь будет *производить* больше, чем все капиталистические страны, вместе взятые (Из газет). Дополнение (лексически определенное) как бы поглощено самим глаголом; ср. *производство*. Словосочетания *обратиться со словами, с вопросом, с просьбой* и т. д. как бы конденсировались в семантике самого глагола. Ср. *обратиться к кому-нибудь, куда-нибудь*. Ср. также развитие значений слов *попросить* (*откуда-нибудь*), *перевод* (*читать в подлиннике или в переводе*) и т. п. Глагол *претворить* благодаря его фразеологически устойчивому употреблению в словосочетании *претворить в жизнь* и сам по себе приобрел такое же значение: Мне не приходилось видеть такой школы, десятилетки или семилетки, где бы мои педагогические убеждения были *претворены* и понимались так же глубоко, как они *претворены* в детских колониях (Макаренко, Некоторые выводы из педагогического опыта); Актер должен пользоваться своими знаниями и *претворять* их в своей работе над образом (В. Пашенная, Искусство актрисы) и т. п.

В то же время изменение значения слова в свою очередь отражается на сочетаемости этого слова.

Как хорошо известно, некоторые слова фразеологически ограничены в своих связях. Они проявляют какое-то свое значение (иногда вообще возможны) только в соединении с определенными словами или определенными группами слов. Здесь важно лишь отметить что «специализированное» таким образом значение (благодаря, так сказать, принудительному употреблению данного слова в определенных словосочетаниях) может, закрепляясь за словом, расширять возможности своей реализации. Например, фразеологизированное выражение *краеугольный камень* придало прилагательному *краеугольный* то значение, которое свойственно ему в современном русском языке *краеугольный вопрос, краеугольная проблема* (значение слова осталось фразеологически связанным, хотя

и приобретшим новые возможности метафорического применения; ср. в «Толковом словаре...» В. И. Даля: «Краеугольный камень, который кладется под угол основы здания; основной, существенный, главноначальный»).

Влияние синтагматических связей слова на его семантику проявляется, таким образом, не только в семантическом стяжении. Не менее существенным может оказаться косвенное влияние часто сочетающихся с ним слов. Смещение значения слова обусловлено в таком случае тем, что слово воспринимается в составе определенного словосочетания, значение которого так или иначе окрашивает и его собственное значение. М. Бреаль, обративший внимание на это явление, назвал его «заражением» (contagion) [19]. М. М. Покровский писал по этому поводу в одной из своих ранних работ (1895 г.): «Нам уже неоднократно приходилось говорить о влиянии синтаксических сочетаний на значение тех слов, которые входят в их состав... Возьмем... русские прилагательные на *-ючий* (*-учий*), *-ячий* (*-ачий*). Прилагательные эти в русском языке утратили причастное значение... Дальнейшие их значения зависели как раз от тех имен, с которыми они вступили в сочетание. Во многих случаях сохранилось значение nominis agentis, близкое к первоначальному причастному: ср. *лежачий* в выражении «лежачего не бьют», *стоячая вода*, *плакучая ива* (ива, которая плачет), *зрячий*, *вонючий*, *пахучий* и т. п.; но, напр., выражение *горячая вода* мы уже не можем перевести через «вода, которая горит», т. е. *горячий* стало обыкновенным прилагательным, равно как и *могучий*, которое утратило свою связь с глаголом *мочь*; наконец, новый оттенок мы находим в сочетаниях *сидячая жизнь*, *падучая болезнь*» [20].

Примером синтагматически обусловленного смещения значения слова является судьба глагола *витать* в русском языке. В течение длительного времени он употребляется преимущественно в таких словосочетаниях, как *витать в облаках*, *витать среди фантазий*, *витать в мире мечтаний*

---

[19] M. Breal. Les Lois intellectuelles du langage, fragmient de sémantique. «Annuaire de l'association pour l'encouragement des études greques en France», 1883, стр. 132 и сл.

[20] М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. «Избр. работы по языкознанию». М., 1959 стр. 132.

т. п. Именно такое употребление слова привело к тому, что оно становится обозначением отвлеченных от реальности, бесплодных мечтаний. Характерно такое его употребление: Пошел один я, тих и незаметен. Я думал о земле — я не *витал* (Евтушенко, Концерт). В древнерусском языке слово *витати* значило «жить где-нибудь, пребывать»; ср. глагол того же корня *обитать* (само *обитать* — из *об-витати*), например: И приходящимъ имъ, да витаютъ у святаго Мамы... (Лаврентьевская летопись, под 945 г., Из договора Игоря с греками).

Прилагательное *утлый* имеет в современном языке значение «ненадежный». Например: А все-таки положение было довольно *утлое* (Куприн, С улицы). Такое значение слова сформировалось в связи с тем, что оно было воспринято в составе тех выражений, в которых оно наиболее часто встречалось, а именно *утлый челн, утлое судно* и под. Первоначальное его значение было «имеющий щели, дырявый». В Лаврентьевской летописи (под 1074 г.): ... яко разгорѣся вещь, бѣ бо *утла*, и начала палати пламень утлизнами. У Даниила Заточника (XIII в.): Какъ во *утелѣ мѣхъ* воду лити, такъ безумнаго учити.

Из словосочетания *сократить штаты* возникло новое значение глагола *сократить* — «уволить с работы»: А вас не сократили, Семен Ульянович? — спрашивает Валерьян (К. Миньон, фельетон «Как сократили единицу»). Из словосочетаний вроде *снять копию, снять план местности* и под. у глагола *снять* появилось значение «сфотографировать», а затем и «снять на кинопленту» (ср. *снимок, съемки*, профессиональное *отснять*). Слово *закрыть* в результате употребления в таких сочетаниях, как *магазин закрыт, закрыть границу* и, наконец, с дальнейшей «метафоризацией» — *закрыть собрание* и т. п., приобрело самостоятельное значение, определяемое в словарях как «прекратить, положить конец ведению, действию, деятельности чего-нибудь». Обобщение этого значения сделало возможным употребление слова в сочетании со словами *дело, жалоба* и т. п.; например: После этого работники обкома партии решили *жалобу* директоров коммунистов *считать закрытой* (Из газет).

Фразеологическое словосочетание *смотать удочки* обусловило возникновение у глагола *смотаться* значения «исчезнуть, уйти», а затем — «сходить, съездить куда-

нибудь»: — Часа за три *смотаемся* туда и обратно (П. Халов, Пеленг 307).

На семантику слова влияет не только его употребление в сочетании с определенными словами, т. е. лексическое окружение, но и синтаксический контекст. Вот один из возможных примеров такого влияния, природа которого в данном случае не кажется сразу же очевидной.

Употребление слова в интонационно обусловленной конструкции в отдельных случаях способствует возникновению у слова нового значения, реализуемого только в пределах данной «фразеологической схемы». Так, слово *охота* (предикативный вариант) имеет в современном языке синтаксически закрепленное значение «хочется, хотелось бы»: *Мне охота гулять, погулять.* Между тем на основе этого значения формируется и другое, уже утрачивающее предикативную характеристику: Да отпусти ты его, Сидорыч. *Охота* тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к черту (Пушкин, Дубровский); «Охота тебе его держать» — не значит «хочется тебе его держать», а также и не является экспрессивным отрицанием этого, а соответствует «зачем, к чему, с какой стати тебе его держать». Здесь не просто отрицание того, что формально утверждается (ср. *Стану я делать что-л.*), а экспрессивное отрицание необходимости или желательности и т. п. того действия, которое выражено инфинитивом. При этом слово *охота* утрачивает определенность своих семантических очертаний, а возможности его синтаксического употребления еще более сужаются: выражение данного значения связывается с закреплением этого слова в начале конструкции и в сочетании с инфинитивом несовершенного вида. Неразличение этих значений в словаре ведет к тому, что после определения значения слова пример, который должен был бы иллюстрировать это значение, в свою очередь нуждается в разъяснении. Так, в словаре Ожегова указывается «*Охота...* 2. в знач. сказ., кому с неопр. Есть желание, хочется (разг.). *О.* тебе спорить с ним! (Зачем ты споришь с ним)». Ясно, что толкование этого примера, заключенное в скобках, противоречит данному перед этим определению значения.

Ср. еще: — Гм! А впрочем, *охота* вам, маменька, о таком вздоре *рассказывать*,— раздражительно и как бы не

чанно проговорил вдруг Раскольников (Достоевский, Преступление и наказание); Раскольников засмеялся.— *Охота* же так *беспокоиться!* (Там же); [Кулигин] Что у вас, сударь, за дела с ним? Не поймем мы никак. *Охота* вам *жить* у него да брань *переносить* (Островский, Гроза); Еще раз предлагаю домой. *Охота мучиться* ради Гамлета (Федин, Первые радости) [21].

Ср. то же самое с отнесением к прошедшему времени, т. е. в сочетании с *охота ... было*: То ли дело облегчить сердце полной исповедию! Давно бы так, мой ангел! *Охота* же тебе *было* не сознаться в том, что я давно знала... (Пушкин, Роман в письмах); [Досужев] Эх! *охота* вам *было* жениться! (Островский, Доходное место); — *Охота* вам было вязываться?— примирительно заговорил Веткин... (Куприн, Поединок) и др. Ср. с согласованием: — *Охота была!*— отозвался Потап Максимыч.— Наплевала бы да и полно... С дурой чего вязаться? (Мельников-Печерский, В лесах).

Примерно такие же сомнения вызывает и характеристика в словарях слова *даться*, когда оно употребляется только в форме прошедшего времени, причем также обычно лишь в предложениях, оформленных как вопрос, или при выражении несогласия, возражения, осуждения и т. п. (обыкновенно в начале конструкции). Конечно, такие толкования, как «стать предметом постоянного внимания, интереса, пристрастия» («Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова), «стать предметом крайнего интереса, внимания» (словарь С. И. Ожегова), не определяют сущности значения слова в приводимых там

---

[21] Можно заметить, что даже лицо «косвенного субъекта» (*охота* кому) приобретает здесь определенное значение. *Охота тебе ходить туда!* — значит «зачем, с какой стати»; *Охота ему ходить туда!* наряду с таким значением может выражать несогласие с мыслью, что «он ходит (или пойдет) туда» (тогда здесь могут быть слова *как же, как бы не так*), т. е. предложение имеет значение «противоположности» тому, что якобы утверждается. Насмешливая интонация здесь более ощутима, она становится подвижнее, порядок слов также более свободный. Ср.:

[Лиза.] И Чацкий, как бедьмо в глазу;
Вишь, показался он ей где-то, здесь внизу,
(осматривается).
Да! как же? по сеням бродить ему *охота*!
Он чай давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег (Грибоедов, Горе от ума).

же примерах: *Далось тебе это кино: только туда и ходишь! Далась тебе эта книга!* поскольку оставляются в стороне его экспрессивная направленность, предопределяющая его интонационную «связанность», а также место в предложении и общий «контур» последнего (дательный падеж личного местоимения или имени; чаще всего наличие указательных местоимений *этот, эта...* или притяжательных *ваш, твой...* перед существительным и т. д.) [22]; ср.: *Дался* вам этот Екатерингоф, право! — с досадой отозвался Обломов (Гончаров, Обломов); *Дался* вам этот сват! — досадливо перебил Михаил. — От него пользы было, как от козла молока, а вреда много (Шолохов, Тихий Дон); Ну и упрямый же ты, лейтенант. *Дались* тебе эти минные поля (Некрасов, В окопах Сталинграда). В своих толкованиях составители словарей, видимо, исходили из того значения слова, которое проявляется в предложениях, оформленных как вопрос: Что это, Илья Ильич, *дались* вам две гривны. Я уж вам докладывал, что никаких тут двух гривен не лежало... (Гончаров, Обломов).

Приведенные примеры (число которых можно было бы значительно увеличить) представляют собой наиболее типические случаи влияния общего значения словосочетаний, в которых достаточно устойчиво употребляется слово, на его собственную семантику. Однако, как уже выше говорилось, роль синтагматических связей слова при разнообразных изменениях значений слов вообще очень существенна. Слова с их значениями усваиваются новыми поколениями в основной своей массе не через толкования, в той или иной форме даваемые взрослыми, а из непосредственной речевой практики, из речи, которая состоит именно из тех или иных объединений слов. Для того чтобы у слова *худой* (древнерусск. *худыи*) из значения «плохой», «бедный», «ничтожный» и т. д.[23] раз-

[22] Кстати, характеристика грамматического употребления в словаре Ожегова: «1 и 2 л. не употр.» не представляется точной; ср. в словаре Ушакова: «Что я им *дался*!» Нужно было отметить, что употребляется в этом значении только форма прошедшего времени.

[23] Ср.: одежа же бѣ его *худа* и сплатана (Киево-Печерский патерик XIII в., рукопись 1406 г.); приимѣте наша *худая* словеса (Кирилл Туровский, XII в., рукопись XIV в.) и т. п. Ср. в устойчивых фразах: «не говоря *худого* слова», «*худой* мир лучше доброй ссоры».

вилось современное значение «тощий», в значительной мере вытеснившее другие его прежние значения, нужно было, чтобы оно было усвоено новыми поколениями носителей языка в таких словосочетаниях, которые выдвигали бы на первый план именно данное осмысление слова. Сравните, например, значения таких слов, как *целовать* (первоначальное значение: «желать быть здоровым», ср. *цел, и невредим, целебный, исцелить* и т. д.), *упражняться* (первоначальное значение: «освобождаться от работы», в связи с чем — «иметь досуг для чего-нибудь» и т. д., ср. *праздный*) и ряда других. Можно не повторять здесь той истины, что причины семантических изменений, как правило, сложно переплетаются между собой и самое направление семантических изменений зависит обычно от ряда разнородных факторов. Изменение сочетаемости слов (как лексической, так и нередко синтаксической) является, однако, во всех случаях наиболее объективным показателем происходящих семантических сдвигов.

Деривационные отношения в лексике

*

1. Подход к лексическим единицам как к единицам, значение которых определяется парадигматическими связями, дал возможность конкретизировать представления о «системности» лексики. Собственно, вместо довольно отвлеченных утверждений о системности (или несистемности) лексики вообще, мы теперь можем выдвинуть более обоснованные предположения о различном характере системных связей внутри различных лексических групп.

Исследование парадигматических и синтагматических связей в лексике позволяет обосновать выделение элементов значения слова, отдельных семантических признаков, а тем самым и по-новому осветить традиционные вопросы о многозначности и омонимии, о синонимии и семантических группах слов.

Вместе с тем наблюдения над парадигматическими и синтагматическими связями, существующими между различными единицами лексики, приводят к установлению важной закономерности, определяющей парадигматическую и синтагматическую закрепленность слова.

Эта закономерность может быть определена так: степень парадигматической закрепленности слова как лексико-семантической единицы находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закрепленности. Иначе говоря, чем определеннее место слова (в данном значении) в лексико-семантической парадигме, тем менее оно связано синтагматически. И наоборот.

Так, термины характеризуются строго парадигматической закрепленностью и ничем не ограниченной (в языковом плане) лексической сочетаемостью, т. е. синтагматической незакрепленностью. Напротив, слова с фразеологически связанными значениями характеризуются

синтагматической закрепленностью и неустойчивой, неопределенной значимостью. Очевидно, что такие слова, как, например, *кромешный, щекотливый, влачить* и т. п., употребление которых ограничено немногими синтагмами, в парадигматическом отношении очень неопределенны (трудно приписать им однозначное, вполне устойчивое место в каких-то парадигматических рядах слов). В то же время, например, каждый из так называемых терминов родства занимает вполне определенное место в лексико-семантической парадигме, будучи при этом почти не ограниченным в своих синтагматических связях.

Парадигматические и синтагматические отношения определяют собственную значимость каждой единицы языка, к какому бы «уровню» она ни принадлежала[1]. Возможность однотипного в принципе описания единиц, принадлежащих различным уровням языка, является чрезвычайно важным методологическим выводом из этого положения. Вместе с тем представляется очевидным, что внутриязыковые отношения двусторонних единиц не исчерпываются их линейными (синтагматическими) и ассоциативными (парадигматическими) связями.

Будучи двусторонними единицами, единицы лексики находятся в таких отношениях друг с другом, которые не могут быть сведены к их парадигматическим и синтагматическим отношениям: благодаря тому, что каждая из этих единиц имеет материальную «форму» и смысловое «содержание», она является в какой-то мере средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами «формально» близких слов, с другой — с теми точками «семантического пространства», с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое «содержание». Таким образом, семантическая структура каждого отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение этого вида отношений, которые могут быть названы эпидигматическими, или деривационными (в широком смысле слова).

---

[1] Ср. такое замечание М. В. Панова: «Не только звуки — все единицы языка подчиняются двум типам законов: все они закономерно чередуются и закономерно сочетаются. Эти законы в основе своей однотипны для всего языка, только в морфологии и синтаксисе, в словообразовании и лексике они проявляются более сложно, чем в фонетике» (М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 3).

Прежде чем остановиться подробнее на этом виде лексико-семантических отношений, обратим внимание на такое обстоятельство.

Во всех современных толковых словарях русского языка проводится разграничение многозначности и омонимии. Значения многозначных слов не считаются отдельными самостоятельными словами на том основании, что между ними существует определенная связь, объединяющая их в семантическое единство. Между тем, если ограничиться буквальным пониманием соответствующих толкований,— никакой связи между разными значениями многозначного слова нам во многих случаях обнаружить не удастся.

Действительно, что общего, например, между такими значениями: «темное пространство, заслоненное чем-нибудь от световых лучей, а также темное отражение на чем-нибудь от предмета, который освещен с противоположной стороны», «неотчетливое очертание человеческой фигуры» и «отражение какого-нибудь внутреннего состояния в движениях лица»; «делать черным, красить в черное» и «клеветать на кого-нибудь»; «человек, который занимается ремеслом» и «тот, кто работает по шаблону, без творческой инициативы»; «место иной окраски на какой-нибудь поверхности, а также место, запачканное чем-нибудь» и «нечто позорящее, крайне неприятное»; «смотанные шариком нитки» и «нерасчленимое, запутанное сцепление, сочетание чего-нибудь»; «погружаться под воду на дно, а также гибнуть, погружаясь на дно» и «становиться почти незаметным в массе чего-нибудь»; «сотрясаться от частых и коротких колебательных движений» и «оберегать, заботиться, опасаясь за кого-нибудь, что-нибудь, за сохранность чего-нибудь» и т. д.

По этим определениям (они взяты из словаря С. И. Ожегова) не так трудно догадаться, о каких словах здесь идет речь; это — *тень, чернить, ремесленник, пятно, клубок, тонуть, дрожать*. Связи между первичными и вторичными значениями этих слов для всех владеющих русским языком также не кажутся неожиданными,— напротив, они представляются вполне естественными. Однако на чем они основаны? Если в определениях, даваемых разным значениям одного слова, т. е. значениям, самое объединение которых в пределах единой лексико-семантической единицы может быть оправдано только существующей между ними связью (отношением зависимости, обусловленно-

сти, «мотивированностью»), тем не менее нет ничего, что указывало бы на эту связь, нам остается предположить, что или между данными значениями на самом деле нет ничего общего (и, следовательно, перед нами омонимы), или в приведенных толкованиях пропущены какие-то существенные моменты.

Первое предположение не кажется убедительным по той причине, что все те значения данных слов, которые даны в словаре не первыми (иногда с пометой «переносное»), интуитивно воспринимаются как какие-то «несамостоятельные» значения; это интуитивное представление подтверждается и контекстной (позиционной) о б у с л о в л е н н о с т ь ю данных значений (в том понимании, как об этом говорилось выше). Следовательно, можно думать, что в словарных определениях не отражены признаки, которые являются общими для данных значений слова, признаки, которые представляют собой о с н о в а н и е для соответствующей семантической транспозиции. По-видимому, именно такое предположение и соответствует истине, однако видеть в этом очередное упущение лексикографов — было бы все-таки не совсем справедливо.

Дело в том, что объединяющие соответствующие значения признаки — не являются ни дифференциальными семантическими признаками данных слов (ср. *река* — «водоем значительных размеров...» и переносное значение: «большое количество, масса»), ни вообще конструктивными элементами значений. *Тень* может быть резкой и отчетливой, *ремесленник* не непременно лишен инициативы (ср. «положительный сдвиг» при переносном употреблении слова *ремесло* в современной речи «высокое ремесло» и под.) и т. д. Следовательно, в известном смысле это не элементы с о б с т в е н н о з н а ч е н и я слова, а устойчивые ассоциации, связанные с п р е д с т а в л е н и е м о я в л е н и и, которое обозначает слово. Но вместе с тем это и не полностью внеязыковые ассоциации. Не говоря уже о том, что, будучи основой для трансформации языковых значений, они тем самым становятся фактами языка,— эти ассоциации образуют обширные тематические поля, втягивая в сферу своего воздействия целые группы слов и тем самым предопределяя потенциальную направленность их «переносного» употребления (ср., например, вторичные значения слов *горячий — хо-*

лодный и переносное употребление слов *пламя, пыл, жар, стужа, лед, холод, пылать, жечь, гореть* и т. д.; ср. оценочные значения слов *грязь, пачкать, марать... пятно, нечистый, чернить* и т. д.). Кроме того, языком ставится как бы избирательный фильтр, через который проходят «предметные» ассоциации, так как далеко не все они способны стать источником «переносного» словоупотребления; возможности семантической транспозиции многих слов в значительной мере «предопределены» тем ассоциативно-тематическим полем, которому они принадлежат.

Вот эти-то связи, объединяющие целые тематические группы слов, а также обусловливающие собственную семантическую структуру многих из них, и представляют собой одну сторону (сторону «содержания») тех внутрилексических отношений, которые были обозначены как деривационные (в широком смысле), или эпидигматические.

Другая сторона этих отношений (сторона «формы») обусловлена формально-лексическими связями данного слова с другими словами.

Например, слово *земля* в разных своих значениях по-разному связано деривационными отношениями со словами *земляной, землистый, земной, наземный, земельный, земляк*, а также *землекоп, землечерпалка, землемер, земледелец, землепроходец* и т. д.; так, значение, которое определяется парадигматическими противопоставлениями *земля — песок — глина...*, синтагматическими сочетаниями *рыть землю, сыпать землю, комок земли* и т. п., — закреплено в деривационном ряду *земля — земляной — землистый — землекоп* и т. д.; значение, определяемое парадигматическими противопоставлениями *земля — вода, земля — море...*, синтагматическими сочетаниями *увидеть землю, близость земли* и т. п.,— закреплено в деривационном ряду *земля — земной — наземный — земноводный* и т. д. Можно сказать, что производные имеют «связанное» в деривационном отношении значение, само же исходное слово — относительно «свободное».

Аналогичные отношения существуют между самими значениями многозначного слова. Когда какие-то значения квалифицируются в словарях как «переносные»,— это свидетельствует о том, что они воспринимаются в связи с какими-то другими значениями, т. е. являются деривационно «связанными».

Нужно заметить, что противопоставление «связанных» и «свободных» значений не является абсолютным. Явление «опрощения» семантического разрыва между словами с той же основой, так называемого обратного словообразования (ср. *машина → машинист, машинка → машинистка* и при необходимости обозначить мужчину, печатающего на машинке, окказиональное *машинист ← машинистка*), видоизменяют и осложняют соотношения между членами деривационного ряда и между самими рядами. Точно так же происходят изменения в семантической структуре слова, в результате чего изменяется соотношение между исходными и производными значениями слов: при вытеснении исходного значения постепенно разрушается деривационная «связанность» производного значения, таким образом можно говорить о разной степени «связанности».

В некоторых случаях наблюдается отношение «взаимной связанности» между членами ряда. Так, у нас нет оснований устанавливать отношение семантической производности для различных значений слова *земля*. Между тем взаимозависимость этих значений несомненна. Она подтверждается, между прочим, и перекрещиванием словообразовательных деривационных рядов (некоторые производные входят одновременно в различные ряды; ср. *земной* в сочетаниях *земной шар, земная кора, земной поклон* и под.), а также диффузностью, возможностью взаимопроницаемости этих значений в определенных контекстах [2].

---

[2] Интересно в связи с этим такое наблюдение Ю. Н. Тынянова: «Слово «земля» в таком соединении, как «черная, жирная земля», с одной стороны, и «бежать по земле, упасть на землю», с другой стороны, будет иметь, конечно, разное значение. Можно бежать по песку, по глине, по любой почве и все-таки бежать «по земле». С другой стороны, ясно, что такая пара, как «Земля и Марс»,— нечто третье... И все-таки, если дело идет о том, что люди вылетели на Марс, то мы не можем, не рискуя быть комичными, говорить о марсианской почве — «земля» или «спуститься на землю» (т. е. опуститься вниз, на Марс). И когда Ал. Толстой, развертывая действие на Марсе («Аэлита»), пишет: «Вот он (воздухоплавательный аппарат марсианина.— *Ю. Т.*) нырнул и пошел у самой земли» (т. е. марсианской.— *Ю. Т.*) — и дальше действие идет все на том же Марсе: «Но когда Лось и Гусев двинулись к нему (марсианину.— *Ю. Т.*), он живо вскочил в седло... и сейчас же опять сел на землю»,— то это производит комическое впечатление, которое не входило в расчет автора».—

2. Деривационная связанность может быть интерпретирована как мотивированность. Действительно, производное, т. е. деривационно связанное, значение так или иначе мотивировано исходным значением. Поскольку понятие «мотивированности — немотивированности» определяется в разных случаях очень различно, остановимся на нем несколько подробнее. Так, различают, с одной стороны, такие слова, как *земля, лес, бить* и т. д., с другой, такие, как *земной, земляк, землянка, лесной, лесник* и т. п. Первые признаются немотивированными, вторые — мотивированными. Так же мотивированными признаются словосочетания, вроде *читать книгу, рвать книгу*, немотивированными — *съесть собаку* (в чем-либо), *бить баклуши* и т. д.

Однако в понятие мотивированности языковых единиц в зависимости от того, о единицах каких уровней идет речь, вкладывается разный смысл.

Мотивированность, понимаемая как (полная или частичная) выводимость значения сложного целого из значения частей этого целого, естественно, по самому данному определению не может распространяться на незначимые единицы, т. е. на единицы фонологического уровня. Однако можно заранее сомневаться в том, что и на уровне лексики мы обнаружим полностью мотивированные единицы, так как слова являются минимальными значимыми единицами, обладающими именно самостоятельным значением, а следовательно, предназначенными для того, чтобы сочетанием друг с другом передавать все необходимые во всех ситуациях значения, которые должны одинаково пониматься говорящими и слушающими, а следовательно, быть мотивированными. Если бы и слова, как правило, обладали такого рода мотивированностью, это было бы чем-то вроде «дублирования уровней», т. е. в конечном счете — ненужным излишеством.

Если слова представить как некие кубики смысла, которые можно по-разному соединять друг с другом и разнообразными комбинациями которых можно передать все необходимые сложные смыслы, то станет ясно, что языку как таковому нет надобности сохранять такие из

Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка (статьи). М. 1965, стр. 202.

этих кубиков, которые сами комбинируются из меньших кубиков по вполне регулярным правилам (в языке в таком случае должны быть именно эти правила). Конкретные языки далеко не всегда полностью свободны от такого излишества, как и от противоположного явления,— в них ведь обычно существуют и фиксированные, несвободные комбинации кубиков,— но это свидетельствует не о равнозначности понятия мотивированности (и соответственно немотивированности или ограниченной мотивированности) на уровне слова и на уровне сочетания слов, а все о тех же исключениях, которые, как принято считать, только подтверждают правила. Правила же эти, как кажется, таковы: в языке закреплены конкретные слова, но закреплены не конкретные сочетания слов, а формулы этих сочетаний. Исключения, действительно, настолько многочисленны, что изучаются в специальных разделах науки о языке — разделах фразеологии, с одной стороны, и словообразования (в узком смысле), с другой. Однако при всем том значении, которое имеют фразеологические сочетания, и, например, окказиональные слова, нельзя не видеть, что одним из их признаков, которые обычно отмечаются, является негативный признак, а именно то, что первые не создаются в речи, а воспроизводятся, а вторые, напротив, создаются, а не воспроизводятся в речи.

Характерно, между прочим, что дети в возрасте, когда они овладевают языком, часто возражают против фразеологизмов (или не понимают их), потому что стремятся истолковать их «дословно», т. е. представить как мотивированные словосочетания; в то же время они быстро привыкают к тому, что слова не полностью мотивированы, и здесь их возражения чаще касаются «правильности» мотивировки (Почему ты говоришь — «колоть дрова»? Ведь дрова не колют, а т о п о р я т»[3]), а словотворчество по аналогии, как кажется, обычно основано именно на понимании частичности, условности соответствующих мотивировок (иначе свобода почти всякого словотворчества вообще бы была предельно ограничена семантической перегруженностью, многозначностью соответствующих аффиксов и основ). Ср. у К. И. Чуковского: — Ай, я з а д в е р и л руку!; — Давайте л о п а т и т ь снег,

[3] К. Ч у к о в с к и й. От двух до пяти. Минск, 1957, стр. 48.

и т. п.[4] Интересно, что ложное истолкование слов, хотя оно и направлено на установление нужной для данного словоупотребления мотивировки, обычно не связано со стремлением как можно полнее раскрыть в значении приписываемую слову внутреннюю форму: «Лодырь — это человек, который делает лодки», «Всадник — это который в саду»; «Кустарник — сторож, который караулит кусты» и т. п.[5] Понятно, что связь с лодкой может заключаться не только в том, что ее делают, а связь с кустами не только в том, что их караулят (в «суффиксах», конечно, также нет «категорического требования» соответствующих значений). По-другому воспринимаются детьми фразеологические выражения. Ср.: «Услышав, например, выражение «они живут на ножах», ребенок так и представляет себе, что существуют большие ножи, на лезвиях которых лежат и сидят какие-то странные люди. Когда же он услышал, что пришедшая в гости старуха «собаку съела» на каких-то делах, он спрятал от нее своего любимого пса»[6].

Подобные примеры можно рассматривать как дополнительное свидетельство в пользу того, что идиоматичность, как об этом говорилось выше,— это один из основных признаков слова. В этом отличие слова от других самостоятельных значимых единиц.

Таким образом, каждое слово, помимо парадигматических и синтагматических связей, характеризующих (и определяющих в известном смысле) его лексическое значение, находится в деривационных отношениях с другими словами — как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных (и шире — вообще фонетических) сближений. На то, что обе эти линии не разобщены, а, напротив, сливаются в одну «ось» значения слова («глубинную», если угодно, в дополнение к «верти-

[4] К. Чуковский. Указ. соч., стр. 30.
[5] Там же, стр. 60.
[6] «Иногда это детское непонимание нашей фигуральной или метафорической речи приводит взрослых к немалым конфузам. Четырехлетняя Оля, привезенная матерью к тетке в Москву, долго смотрела на нее и на дядю и наконец, во время чаепития, разочарованно и очень громко воскликнула: — Мама! Ты говорила, что дядя у тети Анюты сидит на шее, а он все время сидит на стуле» (Там же, стр. 50).

кальной» — парадигматической и «горизонтальной» — синтагматической), указывает прежде всего взаимообусловленность ассоциативно-смысловых и словообразовательных моментов, проявляющаяся, в частности, в том, что на основе определенных ассоциативно-тематических полей, обусловливающих направление семантических транспозиций входящих в эти поля слов, возникают и словообразовательные «реплики» соответствующих ассоциаций. Ср. такие образования, примыкающие к названным выше полям, как *воспылать, пылкий..., погрязнуть, незапятнанный*... и т. п.

На взаимосвязь этих моментов указывают и случаи контаминации, так называемой ложной этимологии, возможность окказионального переосмысления и «переиначивания» слов и т. д. Вот один из возможных примеров.

Намеренная подмена словообразовательной формы слова, основанная на звуковой близости соответствующих корней, демонстрируется, например, словечком *сослить* из школьного жаргона. Это словечко как бы дискваліфицирует «остроту», хотя совершенно ясно, что оно воспринимается только на фоне глагола *сострить*, который оно своеобразно и пародирует:— Давайте ваши предложения,— обратился он к нам, и Юрик *сослил*, будто у меня есть предложение пообедать (Добровольский, Угловая комната).

Выше отмечалось, что синтагматические и парадигматические связи слова находятся в определенном соотношении друг с другом. Оценка деривационных связей как «третьего измерения» семантики слова подтверждается его соотносительностью с этими измерениями. Способность слова вступить одновременно в различные лексико-семантические парадигмы (а соответственно в синтагматические сочетания с другими словами), находит соответствие и в деривационном разветвлении данного слова, т. е. в способности различных его значений вступать в различные словообразовательные ряды.

О том, что эти связи — действительно «третье измерение» лексического значения слова, свидетельствуют, в частности, те же фразеологические словосочетания. Ведь, поскольку, например, прилагательное *проливной* встречается только в сочетании со словом *дождь*, мы могли бы ожидать, что его значение окажется достаточно неопределенным.

Если прав М. В. Панов, отмечая, что «чем в меньшем количестве сочетаний встречается данный элемент, чем более он фразеологичен, тем меньше его смысловая определенность: она полностью превращается в икс при уникальности этого элемента» [7],— то смысл слова *проливной* должен был бы быть «иксом». Между тем, это явно не так. Прозрачная внутренняя форма слова обеспечивает ему достаточную смысловую определенность, т. е. иначе говоря, позволяет включить слово в определенный парадигматический ряд (*слабый—сильный—проливной*).

По-другому обстоит дело в тех случаях, когда при «уникальности» слова вместе с тем и недостаточно определенна внутренняя форма, т. е. его деривационная значимость. Следовательно, в приведенном высказывании, правильно отражающем общее соотношение между синтагматической и парадигматической закрепленностью слова, в то же время не учтена его деривационная значимость, которая может изменить и это отношение.

3. Подлинные отношения производности и сближения, основанные на случайных звуковых совпадениях, не разделены в самом языке четкой границей.

Слово, писал Вандриес, «вызывает звуками и значениями сближения, вводящие в заблуждение. Здравый смысл их осуждает; наивный ум эти заблуждения принимает за действительность. Была высказана мысль и частично доказана, что мифология есть не что иное, как болезнь языка. То же можно сказать и об агнографии... Большинство святых целителей обязаны своей предполагаемой целебной силой игре слов на их именах. В так называемой народной медицине мы найдем немало рецептов, основанных на игре слов...» [8]

Легенды, связанные с попыткой истолковать те или иные названия, чрезвычайно разнообразны и многочисленны у всех народов. Можно вспомнить об одной из них, приведенной в древнейшей русской летописи (в Повести временных лет): И быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра их Лыбедь. Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣже нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣже нынѣ зовется Щеко-

---

[7] М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1956, т. 51, стр. 143.

[8] Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 173.

вица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему *Киевъ*.

Легенды, вызванные к жизни звуковыми сближениями, не только достояние глубокой древности. Они на уровне речи возникают и в наш век. Ср.: — Это опасное место, тут *малярная* лихорадка живет,— маляр один костромской наслал самую злую сестру — лихорадку сюда... Денег ему недодали что ли, не помню причины случая... (Горький, Калинин); — Искали хохлы-переселенцы деревню,— слышу я голос Зырянова.— Нашли. Стали гадать: «Чи та? Чи не та? Оказалась та. Отсюда и пошло название *Чита* (С. Воронин, Две жизни) и мн. под.

В рассказе Куприна «Лесная глушь» приводится легенда о канюке, наказанной за нежелание рыть с другими птицами колодец: «Вот с тех пор летает эта самая птица и кричит, а напиться не может. Подлетит к речке — речка ей воды не дает, подлетит к лужице — и та перед ней расступается. Так она от воды до воды летает, и все канючит, жалостливо так, вот как сейчас, паныч, слышали... За это самое, что она канючит, ее и называют *канюкой*». В этой передаче легенды любопытно то, что происхождение имени объясняется через глагол, который в действительности сам происходит от этого имени (*каня, канюк*). Это любопытно как одно из проявлений общей закономерности: стремление говорящих в первую очередь найти «смысл», т. е. мотивировку, имени-названия.

Звуковая форма слов не воспринимается говорящими как что-то условное, внешнее по отношению к содержанию слова. Характерно такое признание героя романа В. Каверина «Два капитана»: «Я был очень огорчен, прочтя через много лет в новом переводе «Тысячи и одной ночи», что нужно читать не Сезам, а Сим-Сим и что это какое-то растение, кажется, конопля. Сезам — это было чудо, заколдованное слово. Как я был разочарован, узнав, что это — просто конопля».

В звуковой близости слов (как основанной на их этимологическом родстве, так и случайной) нередко таится возможность той или иной оценки или же какого-то переосмысления одного из них. Ср.:— Что значит *варяги*? — настойчиво повторил Курганов. Анна молчала, а старик объяснил с прежней покорностью: — *Варяг* — значит и не

ворог, да хуже *ворога*. Сторонний, временный человек (Николаева, Битва в пути).

В толкованиях слов (воспроизводимых, в частности, в произведениях А. Н. Островского, Чехова и др.) многие «приметы» основаны на звуковой близости самих слов: «печь — значит печаль», «речка — речи», «лошадь — ложь» и т. п.

В то же время в нашей обиходной практической речи звучание слов, если оно не становится по тем или иным причинам специально предметом нашего внимания, часто попросту не «замечается» нами. Существенно при этом, что чем привычнее для нас слово, тем меньше мы обращаем внимание на его звуковую сторону — на звуки как таковые и на их сочетания в составе слов [9].

И наоборот. Чем непривычнее для нас слово, тем заметнее становится его звуковой состав, тем чаще мы соотносим его с другими словами именно по звуковому сходству, разлагаем слово на звуковые «отрезки», как-либо ассоциирующиеся со знакомыми нам единицами языка. Конечно, подобные ассоциации часто бывают совершенно случайными. Например, в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» рассказывается о том, как восприняла Катя революцию, и в частности — некоторые появившиеся слова: «Она ничего не понимала в происходящем! Революция представлялась ей грозовой ночью, опустившейся на Россию. Она боялась некоторых слов: например, *совдеп* казался ей свирепым словом, *ревком* — страшным, как рев быка...»

Поскольку новое познается через известное, естественно, что и новые слова, которые возникают перед нами, мы стараемся как-то соотнести с уже знакомыми нам единицами языка. Чаще всего единственным путем к этому бывает выяснение внутренней мотивированности слова, т. е. или разложение слова на составляющие его элементы, которыми определяется его значение, или обна-

---

[9] Чем реже слово, тем ощутимее его звуковая форма (если слово вообще незнакомо — только она и весома). Следовательно, существует и обратная закономерность. Делая ощутимой звуковую форму, мы тем самым заставляем по-новому воспринимать слово как таковое, а следовательно, и его смысл. Таким образом, можно говорить о семантической значимости рифмы, ритма стиха и т. д.

ружение тех дифференциальных признаков известного нам значения этого слова, которые легли в основу его нового (для нас) смыслового применения. Стремление к «мотивировке» лексического знака обычно проявляется именно при узнавании новых слов. В повести В. Тендрякова «За бегущим днем» герой приводит разговор с дочкой, «состоящей из тысячи „почему"». Среди вопросов, задаваемых дочкой: «— А почему чайка называется чайкой? Она же не пьет чай.— А почему «свинец» такое нехорошее слово?.. — Ну, какое же оно хорошее?— Мама говорит: «свинья» — нехорошее слово. А свинец от свиньи получился, правда?». Здесь налицо попытка одновременного осмысления и семантической, и словообразовательной мотивированности слова (*чай-ка* сопоставляется с *чай*, для обоснования же такого сопоставления нужно, чтобы чайка «пила чай»). Нередко говорящие ограничиваются возможностью лишь одной из этих мотивировок.

Рассмотрим некоторые характерные случаи вторжения «звуковой формы» слова в его содержание.

В ряде случаев раскрытие этимологической формы слова производится намеренно для экспрессивного подчеркивания каких-то сторон значения или намеренного его «смещения». Раскрываемая говорящим этимологическая форма слова служит как бы объективным оправданием подобного смещения. Понятно, что устанавливаемая таким образом «этимология» слова далеко не всегда соответствует его подлинной этимологии. Часто вопрос о подлинности и не интересует говорящего. Например: — Ох, какая гадость! Недаром слово *ужас* происходит от *ужа*. Они у нас тут повсюду, и в саду, и под домом (Бунин, Руся). Ср. также: Вспоминая ее, я прихожу к выводу, что *соломенная вдова* потому и называется *соломенной*, что воспламеняется легко, как солома (Ф. Искандер, Колчерукий).

При установлении новых, не свойственных слову как таковому, сближений, говорящие могут изменять звуковую форму слова, как бы «проясняя» его внутреннюю форму, а тем самым внося в слово дополнительные экспрессивно-смысловые оттенки. Сюда относятся, в частности, случаи, известные как «народная этимология». Нужно заметить, что под этим наименованием многими исследователями объединяются почти все случаи звуковых взаимодействий слов. Есть, однако, среди них очень

характерный случай такого переиначивания звуковой формы, при котором «мотивируется» только какая-то часть слова (обычно заимствованного), причем «остаток» так и остается не мотивированным с точки зрения словообразовательных моделей заимствующего языка. Ср. *спинжак* (*спин* — объяснено через *спина*, *-жак* не мотивировано), *гульвар* (*гуль* — объяснено через *гулять*, *-вар* не мотивировано) и т. п.

Роль дополнительных экспрессивно-смысловых моментов, связанных с преобразованием внутренней формы слова, явно ощутима в индивидуальных «переиначиваниях» слов, постоянно происходящих в разговорной речи. Ср.:— А может, поешь обед? Я суп по-вашему сварила, *с крокодельками* (Симонов, Так и будет); — А *метеролухам* верь! Они всегда чудеса обещают (Владимов, Большая руда);— Потом вы, Константин Савельевич, помните, ему приказали все, кроме автомата, отдать австрийцу обратно. И он отдал. Даже открытки. Но только *одографические*. А *парнографические* себе оставил (Нилин, Через кладбище).

Случайной звуковой близостью двух слов может быть вызвано появление третьего, совмещающего их звуковые и смысловые черты. Фонетико-семантическая контаминация, в результате которой появляются своеобразные слова-«гибриды», обычно возможна в тех случаях, когда звуковое сходство слов поддержано для говорящего и их смысловым сходством. Примеры таких индивидуальных, не закрепленных развитием языка, контаминаций довольно многочисленны. Это факты такого рода: — Не-ет, не *убажают* нонче человеков на земле,— заключила она, имея в виду что-то среднее между *уважением* и *обожанием* (Л. Леонов, Вор); Слышал я в народе новый глагол — «*лавулировать*». Новое слово, его нет ни в каких словарях. Похоже и на *регулировать*, и на *лавировать*, и на *вуалировать*. Но ни то, и ни другое, и ни третье. Ёмкое по смыслу и очень точное слово. Зашла речь об одном ответработнике, и кто-то метко охарактеризовал его этим новым словечком: «Да он не работает, а так — *лавулирует* всю жизнь» (Овечкин, «Лавулирующие»);— Как вспомнишь, что у нас было при *надувальном* хозяйстве...— При каком хозяйстве? — Дед, должно быть, хочет сказать при *индивидуальном* хозяйстве,— пояснил старшина.— Вот то ж я и говорю — *надувальное* хозяйство.

Кто кого *надует*. К этому нам возвращаться несподручно (Овечкин, Упрямый хутор) и мн. др.

Примеры эти относятся к области индивидуального словоупотребления и словотворчества. Однако аналогичные процессы смыслового сближения и взаимодействия внешне близких слов, происходящие в речи, могут при определенных условиях закрепляться в самом языке. В таком случае звуковое сходство слова с какими-то другими словами предопределяет его семантическое преобразование. Это сближение может отразиться и на звуковой форме слова, вызвав в ней определенные изменения.

Степень воздействия внешних звуковых сближений на семантику слова в различных случаях оказывается неодинаковой. В одних случаях эти сближения изменяют «этимологическую форму» слова, не влияя существенно на его номинативную функцию, в других изменение «этимологической формы» слова влечет за собой заметные сдвиги и в его значении.

Например, глагол *жмурить* восходит к тому же корню, что и слова *миг, мигать, мгновение* с чередованием *г—ж* (т. е. он должен быть восстановлен в таком первоначальном виде: mžuriti, ср. чешск. mžourati, польск. mrużyć). Перестановка согласных в корне произошла под влиянием *жму* (*жать*).[19]

Древнерусское существительное *съвѣдѣтель*, производное от глагола *вѣдѣти* «знать» (ср. современные *ведать, сведущий* и пр.), уже в древнерусских текстах появляется также и в форме *съвидѣтель*, связываясь с другим глаголом — *видѣти* (ср. *самовидець* в тех же контекстах). Эта форма и закрепляется в дальнейшем в русском языке (соврем. *свидетель*). Однако, несмотря на то, что слово уже связывается с другим «корнем», его общая номинативная функция в целом остается прежней.

Слово *смиренный* и производные от него связываются в современном русском языке с *мир* (ср. также *смирный*). Однако это не подлинная этимологическая форма слова, а результат его позднейшего переосмысления, отраженного в древнерусских памятниках письменности. В древнейших из этих памятников слово выступает в форме *съмѣренъ*. Замена первоначальных форм с ѣ, указывающих на

---

[19] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 145.

происхождение слов *съмѣритися, съмѣренъ, смѣрение* от слова *мѣра* (ср. такие производные от того же корня в современном языке, как *умерить* и др.), формами с *и* наблюдается уже в ряде текстов XIII—XV вв. Таким образом, перед нами один из бесспорных примеров переосмысления внутренней (этимологической) формы слова.

Процесс лексико-семантической контаминации отразился на истории ряда слов. Так, слово *куща*, которое в старославянском и древнерусском имело значение «шатер», в современной литературе сохранилось в метафорическом применении в сочетании со словами *ветви, листья* и под.; очевидно, внешняя аналогия со словами *куст*, а также *гуща, чаща, пуща* поддержало это метафорическое употребление слова.

Глагол *наущать*, соотносительный с глаголом совершенного вида *наустить*, этимологически восходит к сочетанию *на + уста*. В «Толковом словаре...» под ред. Д. Н. Ушакова значение глагола определяется следующим образом: «Подговаривать, подстрекать на дурной поступок». Обе видовые формы квалифицируются как «устаревшие» в современном языке. Однако следует обратить внимание на то, что форма несовершенного вида и отыменное существительное (*наущение*, ср. *действовать по наущению кого-л.*) сохраняют большую «жизненность» в современном языке. Нетрудно обнаружить причину этого. Она заключается, очевидно, в том, что эти образования определенным образом поддерживаются звуковой близостью с глаголом *научать*. Эта близость с давних пор способствовала семантической контаминации двух глаголов. Характерно, что в словаре В. И. Даля *наущать* помещается в статье под словом *наука*, а иллюстрируется примерами с *научали*. И наоборот, под словом *научаться* находим пример с формой *наущается* (II, 488). В «Материалах...» И. И. Срезневского вторым значением глагола *научати* устанавливается «наущать, подстрекать» с примерами, иллюстрирующими характерное управление («научати на»). Аналогичные значения — (1) «научать», 2) «подучать, подстрекать» отмечаются для глагола *наущати* (II, 345—347). Действительно, в древнерусских текстах *наустить* и *научить* употребляются недифференцированно, лишены оценочной направленности. Ср., например, употребление глагола *наустить*, с одной стороны, в похвальном Слове Феодосию, включенном в Киево-Печерский патерик (сп. 1406 г.):

«наустилъ еси человеки приобидѣти сладкыхъ» и, с другой — в Прологе из Юрьевского Новгородского монастыря (XV в.): «тогда злу ради человеци... *наустиша* Вячеслава да отженеть матерь свою».

В дальнейшем слова *наустить, научать, наущение,* приобретая специфическое значение, воспринимаются тем не менее также как бы на фоне глагола *учить* (и других производных от него слов). Показательны такие примеры:— А парень все ревет, как баба: «Это не я, говорит, это он меня *наустил*»,— да на меня и показывает. Я отвечаю с полным хладнокровием, что отнюдь не *учил,* что я только выразил основную мысль и говорил лишь в проекте (Достоевский, Братья Карамазовы); — Да видите ли... тут есть одна закорючка.. не своей волей я действовал... а по *наущению*... После понял, как было бы лучше-то, ну, — уж поздно.— Так. Вас, полагаю, адвокат какой-нибудь *научил*? (Горький, Бывшие люди); [Расположенский.] Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня *наущение*? Да и что я за *учитель* такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? (Островский, Свои люди — сочтемся!).

Существенным оказался самый характер того звукового соотношения, которое установилось между глаголами *научать—наущать.* Варьирование *ч—щ* стало, как известно, в определенных группах слов стилистическим, а затем и семантическим «различителем» (ср. *ночь—нощь, мочь—мощь* и т. п.; *горячий—горящий* и т. д.). Благодаря частичному совпадению в значении неродственных *научать—наущать,* они сталкиваются в плане этого же соотношения. Они оказываются семантически взаимопроницаемыми. *Наущать* становится чем-то вроде семантико-стилистического «варианта» глагола *научать.* В соотношении с последним воспринимается и отглагольное существительное *наущение.* Любопытно употребление последнего в таких контекстах, где стирается его отрицательно-оценочный смысл и оно выступает только как своего рода славянизированное «производное» от глагола *учить,* как, например, в следующем рассказе монаха Никиты Артамонова брату, посетившему его в монастыре:— Недавно жил у нас, недели две, ученый, молодой еще, но как будто не в себе, испуганный человек. Настоятель внушает мне: ты, говорит, укрепи его простотой своей, ты, говорит, скажи ему вот что и вот как. А я на чужие мысли не

памятлив. Он ученый-то, часами из меня жилы тянул, говорит и говорит, а я даже слов его не понимаю, не то что мысли. ... Замучил он меня, забыл я все *наущения* отца Феодора, кричу: «Плоть твоя — видоизменение, а дух — уничтожение». Настоятель после ругал меня (Горький, Дело Артамоновых).

Изменение этимологической формы слов, смысловое взаимодействие с другими близкими по звучанию словами может вызвать, таким образом, более или менее заметные сдвиги в его семантике. Иногда в результате лексико-семантической контаминации происходит полное разрушение значения слова и вытеснение этого значения другими.

4. Влияние деривационных связей слов на развитие и видоизменение их семантики может иметь и иной характер.

Поскольку в производном слове значение производящей (мотивирующей) основы в большей части случаев оказывается трансформированным таким образом, что оно специализирует значение в каком-то определенном направлении (ср. *быстрый* и *быстрина*, *светлый* и *светлица*, *светляк*, *порожний* и *порожняк*, *прорубить* и *прорубь*, *просечь* и *просека* и т. п.), связанные отношением производности слова часто оказываются в разных тематических группах лексики. Естественно, возможно их намеренное столкновение в речи, при котором, собственно, и становится значимой внутренняя форма слова; ср.: Он выражался с необычайной грамматической правильностью, пространно, подробно, с *ясностью*, которая в состоянии была своей излишностью *затемнить* простейший предмет (Герцен, Былое и думы); Вошла хозяйка с самоваром — женщина еще молодая, но очень неприятной наружности, рыжеватая, в веснушках, с приплюснутым носом, узенькими глазами и вообще с *выражением* лица ничего не *выражающим* (Писемский, Питерщик); У него [мрпса] обычно было одно и то же *выражение* морды — ничего не *выражающее*, кроме внимательной наглости (Бунин, Лика); К тому же *молодая* не была особенно *молода*, ей наверняка было за двадцать пять (Нагибин).

Однако активизация значения, связанного с внутренней формой слова, может происходить и в других условиях. Так, некоторые слова подвергаются своеобразному переосмыслению в связи с тем более широким значением, ко-

ррое присуще производящей основе и достаточно ясно тражено в их внутренней форме. Например, слово *одер-имый*, имевшее в церковно-книжном языке значение одержимый бесом», по-видимому, именно благодаря воим живым связям с глаголами *держать*, *одержать* тратило к настоящему времени ограничивающие его се-антику признаки (и отрицательную экспрессивную краску) и стало употребляться в более широком значе-ии «находящийся во власти чего-л., страстно увлечен-ый чем-л.» Ср. совершенно иную семантическую судьбу го бывшего синонима *бесноватый*. Развитие переносных начений у таких слов, как *последыш*, *смежник*, *мерило*, *естничество*, *общественник* и под. в большей степени бусловлено именно их деривационными связями, чем обственным семантическим содержанием. Так, значение самый младший в семье, последний ребенок у родите-ей», конечно, само по себе не давало оснований для оявления у слова *последыш* того пейоративного смысла, которым оно употребляется в современной речи; ср. газетном тексте: «Стремление *последышей* Муссолини тем или иным способом прорваться к власти... вызы-ают глубокую озабоченность демократической обще-ственности Италии» и т. п.

«Несомненно,— писал Ш. Балли,— что человек по-стоянно стремится ассоциировать в уме слова или, гово-ря вообще, семантически значимые элементы языка, пред-тавляющие большее или меньшее формальное средство, причем отправным пунктом и толчком для этих ассоциа-ций является именно форма» [1]. Исследование как ассоциа-ций, вызванных формальным сходством, так и собственно деривационных отношений между различными словами должно пролить свет не только на особенности семантиче-кой истории отдельных слов, но и на многие существен-ные моменты развития лексики в целом.

Так, для характеристики развития современной рус-кой лексики существенно то обстоятельство, что при об-разовании новых наименований из различных способов омбинации наибольшую активность приобретают, по-ви-имому, те, которые обеспечивают или предельную (в со-тветствии с возможностями языка) мотивированность

[1] Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 51.

нового обозначения, или же, напротив, его полную немотивированность, т. е. непроницаемость для всякого рода «словообразовательных» ассоциаций. В связи с этим явно преобладающую роль по сравнению с аффиксальным словообразованием приобретают такие способы номинации, как заимствование иноязычных слов (ср. закрепление в русском языке в последние годы таких слов, как *радар, глобальный, диктат, аквалангист, кемпинг, мотель, нейлон, шорты* и мн. под.) и (особенно) образование устойчивых составных наименований (типа *термоядерная бомба, космический корабль, искусственный спутник земли, химия заменителей* и мн. под.), а также создание — на базе подобных наименований сложносокращенных и аббревиатурных обозначений (типа *леспромхоз, МГУ* и т. п.)[12]. Для первых вопрос о «мотивированности» не возникает, вторые — представляют наибольшую «мотивированность» обозначения, их «внутренняя форма» находится в «идеальном» соответствии с их значением.

Ассоциативно-деривационными связями в значительной степени определяется существующее в языке соотношение различных групп слов. Например, соотношение: действие — производитель действия — результат действия — инструмент действия по-разному реализуется для разных частей лексики; ср.: *писатель* (ср. *пишущий*) — *писать — письмо* (ср. *написанное*) — *перо, ручка; косить — косец — сено — коса; покупать — покупатель — покупка — деньги* (ср. *купилки*[13]).

Изучение такого рода соотношений имеет существенное значение для характеристики лексики конкретного языка. Точное определение этих соотношений необходимо и для того, чтобы понятие «трансформируемости» различных конструкций приобрело более четкие очертания.

---

[12] Это соотношение способов номинации в современном языке непосредственно воспринимается носителями языка, о чем свидетельствуют такие, например, высказывания: «С помощью суффиксов орудийности можно легко, и вполне в духе языка, создавать новые понятия для какой угодно области производства, для любой отрасли науки. А то ведь у нас народное искусство — создавать новые производственные русские термины — уже настолько заброшено, что кажется, что и нету других способов, как только через производство сложных слов...» (А. Югов. Судьбы родного слова. М., 1962, стр. 129—130).

[13] Ср.: не досталось по наследству, надо приобретать, надо покупать; нет *купилок*, надо их добывать трудом и потом (Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Соломея).

Семантическая структура слова

*

1. Тот факт, что все значения многозначных слов обусловлены в конечном счете контекстом, не означает, что такая обусловленность существенна для них в одинаковой степени. Традиционное деление значений слов на первичные (основные, главные) и вторичные (переносные), если оно основано на установлении существующего соотношения между этими значениями, а не на их историческом взаимодействии, правильно отражает неравноправное положение этих значений в семантической системе.

На вопросе о разграничении этих значений останавливается в своих известных «Заметках о значении слова» Е. Курилович. «По нашему мнению,— писал Е. Курилович,— самое важное — г л а в н о е — значение то, которое не определяется контекстом, в то время как о с т а л ь н ы е (ч а с т н ы е) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста»[1].

Это определение, как кажется, нуждается в некотором уточнении. Во-первых, не совсем ясно, что значит, что одно значение «не определяется контекстом», в то время как другие к элементам главного значения «прибавляют элементы контекста». Если это значит, что главное значение не зависит от контекста, тогда как другие зависят, то предполагается, следовательно, лишь внеконтекстное употребление слова. Очевидно, если нам назовут какое-то слово,— первым всплывает в сознании именно его «главное» значение. Но если появление одного значения слова определяется контекстом, то тем самым и

---

[1] Е. К у р и л о в и ч. Заметки о значении слова. «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 246.

появление другого также определяется контекстом. Речь, следовательно, может идти лишь о характере этой зависимости. Во-вторых, не совсем ясно, что значит в точности, что частные значения прибавляют к элементам главного еще и элементы контекста. Значит ли это просто то, что данные значения обусловлены контекстом или же что они не вполне устойчивы и варьируют в зависимости от контекста?

Нам кажется, что и при том, и при другом понимании этого определения оно не до конца объясняет существо дела. Кроме того, из него остается неясным, следует ли говорить о «частных» значениях при всяком употреблении слова «не в главном значении»,— тогда частные значения, естественно, это факт речи и их невозможно учесть,— или же они все-таки устойчиво закреплены за словом. Из контекста всей статьи Е. Курриловича ясно, что он говорит именно об устойчиво закрепленных за словом значениях, но тем туманнее становится ссылка на «элементы контекста».

Но тем не менее, Е. Куриловичем правильно намечены пути для разрешения вопроса о «синхронической иерархии» значений. В главном значении слова, конечно, следует видеть не какое-то «общее» значение, но такое значение, которое *наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически*.

Почему мы вправе считать, что, например, форма 2-го лица единственного числа глагола во фразе «Ты всех переспоришь» выступает в первичном значении (в синхроническом понимании термина), а во фразе «Тебя не переспоришь» — во вторичном? Потому, что «конкретно-личное» значение этой формы глагола парадигматически более определенно (противопоставление значениям 1-го и 3-го лица), чем ее «обобщенно-личное» значение (противопоставление значению *всех вообще* личных форм). В то же время синтагматически это значение обусловлено только негативно (нет показателей других значений), тогда как для реализации второго значения необходимы некоторые синтаксические условия (отсутствие соотносительного местоимения *ты*).

Аналогичное соотношение устанавливается и между лексическими значениями слов. Рассмотрим один из возможных примеров.

Слово *дорога* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова толкуется так: 1. Путь сообщения; полоса земли, предназначенная для передвижения. *Шоссейная д. Проселочная д. Дорога шла лесом. Свернули с дороги и поехали полем.* 2. Место, по которому надо пройти или проехать. *Стул стоял на самой дороге. Отойдите в сторону, не стойте на дороге.* 3. Путешествие, поездка. *Отправиться в дорогу. Отдохнуть после дороги. Заболел в дороге. Прямо с дороги пошел на работу.* 4. Направление, путь следования, маршрут. *Покажите мне дорогу в театр. Из Крыма в Одессу кратчайшая д.— морем.* 5. Средства достижения какой-н. цели (книжн.). *Это прямая дорога к тому, чтобы навлечь на себя неприятности. Бережливость — верная дорога к благосостоянию и.* Карьера, жизненный путь, направление деятельности. *Избрав техническую специальность, он пошел не по своей дороге.*

В первом из выделенных значений слово *дорога* более или менее отчетливо противопоставлено, например, слову *тропинка* (*Сначала пойдете по тропинке, потом свернете на дорогу*). Все остальные значения не имеют сколько-нибудь определенной парадигматической закрепленности. В самом деле, чему противопоставлено значение «место, по которому надо пройти или проехать»? Его парадигматическая значимость определяется через первое значение. То же самое можно сказать и о значениях «поездка», «путь следования» и т. д. Все эти значения находятся вне четких парадигматических соотношений со значениями других слов. В то же время синтагматическая их закрепленность вполне очевидна. Не говорят «дорога не удалась» в смысле «поездка не удалась» или «разработать дорогу» в смысле «разработать маршрут» и т. п. В то же время, когда речь идет о «дороге» в первом значении, с ней можно «делать» все, что можно делать с реальным обозначаемым данным словом предметом (в этом смысле нужно понимать «контекстную независимость» данного значения).

Все это и дает основания считать первое из указанных значений слова его *главным*, первичным значением, а все остальные — *вторичными*, *производными*, *переносными* (в плане именно синхронных соотношений).

Вместе с тем нетрудно заметить, что все выделенные значения слова реально не ограничены друг от друга

таким образом, чтобы их совмещение оказалось невозможным. В приведенной в словаре в качестве иллюстрации к 4-му значению фразе «Покажите мне дорогу в театр», конечно, нельзя видеть значение «полоса земли...», если представить, что театр находится в городе, но в иных ситуациях неразличение значений кажется вполне возможным. Ср.: «Покажите мне дорогу из леса»; «фронтовые дороги» и т. п.,— при этом не возникает никакой «двусмысленности», «неопределенности».

Таким образом, основным значением слова является такое из его значений, которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее — синтагматически.

2. Семантическая структура слова не остается неизменной. С исчезновением некоторых значений, появлением новых — изменяется соотношение между значениями слова, «первичные» значения ряда слов вытесняются «переносными», значения отдельных слов, которые в настоящее время воспринимаются как «переносные» (и с соответствующей пометой выделяются в современных толковых словарях), могут оказаться «первичными» с исторической точки зрения.

Так, для современного русского литературного языка не существует «первоначальных» значений таких слов, как *юдоль* (первоначально: «долина»), *поприще* (первоначально: путевая мера), *снедать* (первоначально: «есть, съедать»,— значение сохранилось в говорах), *дымка* (первоначально: название вида материи) и т. п.

По существу, только живые словообразовательные связи указывают на исходную «метафоричность» ряда слов, в которых соответствующие значения являются в настоящее время основными (и единственными), например: *возбудить* (ср. *будить*), *дремучий* (*дремать, дремлющий*), *закрасться* (*красться*), *здравый* (*здоровый*), *притеснять* (*тесный, теснить*), *услаждать* (*сладкий*), *отмежеваться* (*межа*), *оцепить* (*цепь*), *уломать* (*ломать*), *отлечь* (*лечь*), *насаждать* (*насадить*) и т. д.

По-видимому, только лексикографическая традиция (и наличие в картотеках примеров, отражающих прежнее словоупотребление) заставляет составителей толковых словарей современного русского языка помещать в качестве первого основного значения некоторых слов такие значения, которые явно вытеснены в настоящее время значениями, выделяемыми как «переносные» (ср. тол-

кования слов *личина, узы, стезя, уязвить, горнило* и под.).

Закрепление за словом «переносного» значения может вести, таким образом, к вытеснению и забвению его «прямого» значения. Но и самое соотношение между «прямым» и «переносным» значениями слова, обычно воспринимаемое говорящими как соотношение между «первичным» и «вторичным» значениями,— не остается неизменным.

Для современного русского языка соотношение значений слова *прилепиться* «пристать (о чем-н. клейком, липком)» и «поместиться, расположиться (непрочно или о чем-н. маленьком на чем-н. большом)» совершенно недвусмысленно определяется как движение от конкретного к более абстрактному, причем последнее явно воспринимается как метафорическое развитие первого. Однако исторически это не так.

Слова *липнуть, лепить, лепиться* связаны чередованием с *льнуть*, в котором в большей степени и сохранился общий первоначальный смысл данных образований. Глагол *прилѣпитися* согласно «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского выступал в древнерусских памятниках в таких значениях: «соединиться; поселиться; предаться; сочетаться; пристраститься». Во всех этих определениях нет того «конкретного» смысла, который присущ современному глаголу *прилепиться*. Ср. в памятнике XIV в.: «зрите убо, откуду разлучаемся и къ кому *прилѣпляемся*» (Юрьевский пролог).

Соотношение между различными значениями слова в современном языке, таким образом, само по себе не может свидетельствовать об историческом развитии семантики слова. Вот еще один пример.

В современном русском языке слово *жажда* имеет «основное» «прямое» значение, определяемое как: «желание, потребность пить при ощущении сухости в глотке и во рту, позыв к питью» и «переносное»: «необыкновенно сильное, страстное желание» («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова). Это не значит, однако, что первое значение является «первичным», а второе «переносным» с исторической точки зрения. Напротив, рассматривая употребление этого слова в древнерусских текстах, мы не только видим достаточную древность его второго («переносного» для современного языка) значения, но и с известной долей вероятности можем пред-

положить исконность именно этого значения,— более общего и более абстрактного. Показательно в этом отношении частное употребление слова *жажа* с определением *водный*, свидетельствующее о том, что значение «желание пить» не являлось еще «основным» значением слова, или во всяком случае отражающее наличие у слова более широкого значения в прошлом. Соответствующие примеры многочисленны в древнерусских памятниках: и не стерпѣвъ *жажа водная*, нача вопити помилуите мя бога ради, се оумираю безводиемь (Киево-Печерский патерик, 1222—1226 гг., сп. 1406); людье изнемогоша *водною жажею* и предашася (Лаврентьевская летопись, 1377 г.); они же бьяхутся излазящи из града не брани дѣля, но *жажы* ради *водныя*, измираху бо мнози людье в градѣ (Там же); и изнемагати начаша людье в градѣ *водною жажею* и голодомъ (Там же); друзии гладомъ оумираемии и *водною жажею* (Там же) и под. Ср. значение соответствующего глагола: обои бо еще *жадахуть* боя, и свадишася стрѣльци ихъ (Ипатьевская летопись, ок. 1425 г.) и др. Об этом же свидетельствуют соответствия данного слова в родственных языках [2]. Следовательно, «метафорическое» употребление слова *жажда* в современном языке [3] генетически оказывается не «вторичным», а «пережиточным». Оно не возникло в языке на основе метафоризации слова, а отражает прежнее — более широкое и абстрактное — значение слова. Сохранение «объективного» определения (*водный*) показывает, что это более абстрактное значение (*жажа* — «желание») сосуществовало в эпоху древнейших памятников с его «конкретизированным» видоизменением (*жажа* — «желание воды»), которое постепенно закрепилось за словом как его особое и основное значение [4]. Согласно довольно распространенному взгляду, «во всех языках» существует «общая тенденция движения (в семантических изменениях.— *Д. Ш.*) от конкретного к абстрактному, а не наоборот (или очень

---

[2] См. этимологические словари, составленные Преображенским (М., 1958, стр. 220). Фасмером (т. I, М., 1964, стр. 409).

[3] Например: С. свинцом в груди и *жаждой мести*... (Лермонтов, Смерть поэта); ...*жаждой вместить* в свое сердце весь зримый и незримый мир (Бунин, Братья) и т. п.

[4] Другие аналогичные примеры см.: Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 118—127.

редко наоборот)» [5]. Несомненно, что многие «переносные» значения слов в то же время являются более абстрактными, чем их прямые значения. Однако изменения в семантической структуре слова происходят в ином, противоположном направлении. Мы уже видели это на примере слов *жажда, прилепиться*. Аналогичные изменения претерпел и целый ряд других слов.

Так, конкретное значение слова *вещь*, в современном языке выступающее как основное (ср. в четырехтомном академическом словаре: «вещь. 1. Всякий отдельный предмет, преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности и т. п.»), по-видимому, нельзя считать исходным значением слова. Во всяком случае памятники древнерусской письменности в гораздо большей мере отражают его более абстрактное значение: Бы же тъгда *вещь* пречюдьна и плачь великъ (Нестор, Житие Феодосия); Въ житескыхъ *вещехъ* тружаются человѣци (Поучения Кирилла Туровского); Князь не самъ впадаетъ во многія *вещи* злыя, но думцы вводятъ (Слово Даниила Заточника и т. п.).

Более абстрактное значение было вытеснено более конкретным у слова *орудие*. В древнерусском языке это слово имело значение «дело»: Тако по всему словеси и *орудию* помощникъ ему бысть (Лобковский Пролог, XIII в.; ср. в другом списке Пролога, относящемся к началу XIV в.: Словеси и *дѣлу* помощник); Святослав же нелюбьемь рче ему: брате и свату, ажь ты идешь изочины своея на свое *орудье*, а азъ паки иду за Днѣпръ своихъ деля *оруⷣьи* (Ипатьевская летопись, список ок. 1425 г.). Ср. в польском приобретение словом działo (родственное с русским *дело*) значения «орудие; пушка».

У многих отглагольных существительных наряду со значением действия появилось значение «результата действия», причем не вообще результата данного действия, а соотнесенного с определенными конкретными предметами; ср.: *печенье, варенье, соленья, украшения, удобрение* (в древнерусских текстах слово имеет более абстрактное значение «украшения, улучшения») и мн. др.

Оба направления («от конкретного к абстрактному» и «от абстрактного к конкретному») могут своеобразно

---

[5] G. Bonfante. On reconstruction and linguistic method. «Word» 1945, I, 2, стр. 132.

перекрещиваться в развитии семантики одного и того же слова. Такой, в частности, представляется семантическая история слова *верста*. Этимологически это слово связывается с *вертеть* и первоначально обозначало «оборот плуга» [6]. Значение «меры длины» послужило основой для (более абстрактного) временно́го значения «возраст», которое в свою очередь обусловило возникновение более конкретного значения «ровесник». В дальнейшем, как известно, эти значения были утрачены словом и оно дошло до нашего времени с конкретным значением «меры длины» и зависимым от него метонимически значением «верстовой столб».

Изменение в семантике слова, происходящее в результате прикрепления слова к более конкретному и «специальному» действию или явлению, неизбежно в той или иной мере влияет и на его прежнее, более «широкое» значение. Когда это последнее сохраняется, оно или начинает восприниматься как метафорическое перенесение нового значения (приобретая, естественно, и новые смысловые и экспрессивно-эмоциональные оттенки), или же, даже сохраняя свою, так сказать, номинативную самостоятельность, оно все-таки нередко испытывает определенное семантическое воздействие со стороны нового, более активного по своей употребительности значения. Так, например, значение слова *куриться* в современном литературном языке: «выделять легкий дымок или дымку пара, тумана» (словарь Ушакова) подверглось воздействию со стороны наиболее распространенного значения слова *курить*, что и сказалось на определенной его «ослабленности» («выделять легкий дымок» и т. д.). Ср. употребление *куритися* в древнерусских текстах, например у Кирилла Туровского: и си гора святѣишии Синаискыя горы... на Синаискую бо сшедъ, вся устрашаше, зане огнемь *куряшеся* гора, молнья же и громи приступающая к горѣ умьрщвяху...

Движение от более конкретного к более абстрактному, действительно, характеризует семантическое развитие многих слов, получающих вторичное значение в результате метафорического уподобления отвлеченных явлений конкретным, «зримым» предметам, признакам, действиям;

---

[6] См. словарь Фасмера (т. I, стр. 300). Там же параллели из других языков, подтверждающие этимологию слова.

ср. «основные» и «переносные» значения таких слов, как потолок, порог, корень, линия, лазейка, теребить, сквазывать, подчеркивать, ограничивать, острый, подтянутый, горячий, сухой и т. д. и т. п. Но вне этого движения вно находятся и различные типы метонимических переносов, и такие метафорические изменения значений слов, которые вызваны уподоблением явлений из различных сфер действительности,— явлений, не различающихся, однако, степенью конкретности или материальной «выраженности» (ср. развитие значений слов *трущоба, молния, ударный, сознательный, ветка, спутник* и т. п.).

3. Исследование семантических изменений, происходящих в лексике, подтверждает, что в семантической структуре слова объективно могут быть выделены отдельные элементы, которые и составляют в совокупности лексическое значение слова. Но для правильного их выделения необходимо определение как характера этих элементов, так и тех соотношений, в которых они находятся.

С этой точки зрения представляет интерес выяснение и того, какие из данных элементов и в каких словах оказываются устойчивыми в историческом плане, и того, посредством каких семантических признаков различные значения многозначных слов оказываются объединенными в семантической структуре одного и того же слова.

Можно заметить, что последовавшая за всеобщим признанием необходимости строго разграничивать синхронию и диахронию боязнь «смешать» эти два аспекта исследования привела к по существу неправильной оценке некоторых лексико-семантических явлений. Так, исключительно «диахронический смысл» был придан понятию метафорических и метонимических «переносов» в лексике, вследствие чего соответствующие явления не получили еще в современной лингвистике адекватной оценки.

Между тем очевидно, что лексико-семантические транспозиции являются не только фактом исторического развития языка, но играют исключительно важную роль в организации синхронической системы лексики.

Употребление лексических единиц в разных значениях обычно связано с неравноправным положением последних в семантической структуре слова, а следовательно, дает возможность говорить о переносных значениях и в чисто синхронном плане. Характер таких переносов может быть крайне разнообразен в разных слу-

чаях, их собственно лингвистическая оценка часто осложнена явным присутствием экстралингвистических факторов, однако это не должно явиться непреодолимым препятствием для их исследования. Как в диахроническом, так и в синхроническом плане можно говорить о регулярных (относительно) и нерегулярных соотношениях между разными значениями слов. Регулярность отличает, например, метонимические переносы. По-видимому, вообще метонимия (в собственно лингвистическом, а не стилистическом применении термина) до сих пор оценивается не всегда правильно. Многие факты, которые трактуются как следствие «метонимических изменений значений», на самом деле таковыми не являются. Так, обозначение совокупности людей словом, обозначающим место, где они живут, работают и т. д., в большей части случаев не является результатом того, что данное слово получило соответствующее значение; например, во фразе «Кулика этого знает уже весь *берег*...» (Казаков, Тропики на печке) существительное *берег* возможно не потому, что оно имеет значение «люди, живущие на берегу», а потому, что в языке существует закономерность, согласно которой многие названия местностей, помещений, учреждений и т. д. могут быть использованы также для обозначения находящихся там людей (ср.: «Весь дом отдыха заинтересовался этим», «Зал аплодировал» и т. п.).

То же самое относится и к ряду других метонимических по своему характеру обозначений. Так, по аналогии с существительными, имеющими количественно-временно́е значение, в таких же контекстах и с таким же назначением могут употребляться и некоторые другие существительные, приобретающие в данном случае (именно контекстно) функцию обозначения времени: На Чернове была розовая рубаха,— он *весь поход* играл на балалайке, плясал, пил водку и угащивал товарищей (Л. Толстой, Дяденька Жданов и кавалер Чернов); ...человек этот, не упускавший случая задеть любого сослуживца коготком критики, *целых три остановки*, хотя давно ему следовало вылезать, расспрашивал Петра Горбидоныча о делах, здоровье, предстоящей женитьбе (Л. Леонов, Вор); *Всю дорогу* она злобно сжимала кулаки под платком (Тендряков, Не ко двору) и т. п. Совершенно ясно, что слово *поход* не имеет особого значения «время похо-

да», *остановка* — значения «время движения от одной остановки до другой», *дорога* — значения «время нахождения в пути». Однако, как и целый ряд других имен существительных, они подчиняются общей закономерности, согласно которой существительные с предметным значением в определенных контекстах используются в количественно-временно́м значении. Дело, таким образом, не в том, что каждое из них в отдельности приобрело соответствующее значение (этого не происходит в действительности), а в том, что существует общая возможность такого метонимического их применения. Ср. также: Они не выделись *с Москвы* (Тургенев, Дворянское гнездо); — Да, это *с тюрьмы* у меня (Л. Леонов, Вор); — Я была в деревне. Только вчера приехала. Но вас я давно знаю, еще *до деревни* (А. Куприн, Жаннета); *После вкусной ухи и водки* глаза Якова осовели (Горький, Мальва); На балконе они просидели почти *до заката*. Мама *после чая* продолжала вязать и говорить о соседях, о хозяйстве, об Ане и Косте (Бунин, Митина любовь) и т. п.

Не приобретением словами новых специальных значений, а подчинением их общей метонимической модели нужно объяснять и такое употребление существительных, обозначающих сосуды, разные виды посуды и т. п., как *выпил два стакана, пролил все ведро* и т. п. (в отличие от «собственного» значения слова *блюдо*), так же как употребление, например, имен авторов художественных произведений вместо обозначения самих этих произведений, например: «прочел всего Пушкина» (т. е. все сочинения Пушкина), «смотрел Серова» (т. е. картины, рисунки Серова), «слушал Бетховена» (т. е. произведения Бетховена) и т. п.; ср.: — Принесли моего Гольденвейзера? — Нет, я его не прочла (Гладилин, Дым в глаза).

Нетрудно заметить, что возможности подобного употребления имен собственных обусловлена не тем, что они приобретают какие-то новые значения, но тем, что языку вообще присущи подобные виды метонимических сокращений. Поэтому не кажется оправданным помещение таких словосочетаний, как «читать Пушкина», под заголовком «Метонимические изменения значений» среди исторически закрепившихся изменений в книге Л. А. Булаховского «Введение в языкознание» [7]. Ведь очевидно, что Пушкин

[7] Л. А. Булаховский. Введение в языкознание, ч. II. М., 1953, стр. 65.

не «изменяет» здесь своего «значения»; можно читать любого писателя — и прославленного и только что написавшего что-либо; подобное употребление имен собственных — явление не словарное, а стилистическое и семантико-синтаксическое.

Точно так же нельзя согласиться с тем, что к «метонимическим изменениям значений» относятся такие случаи, как приводимые в том же разделе Л. А. Булаховским в качестве примеров синекдохи «И слышно было до рассвета, как ликовал *француз*» («смысл — французы»,— указывает Л. А. Булаховский) [8] или «— Это верно, что дорого,— вздыхают *рыжие панталоны*» (из рассказа Чехова «Лишние люди») [9] и т. д.

Употребление единственного числа вместо множественного — явление опять-таки не лексико-семантическое, а семантико-синтаксическое (и стилистическое); совершенно ясно, что метонимия *француз* вместо *французы* основана на грамматической характеристике существующего в языке общего соотношения единственного и множественного числа (как немаркированной и маркированной категорий), а не на «изменении» лексического значения слова. Ср.: «научно-исследовательский институт игрушки», «выставка французской книги» и т. п. Ср. также такие реплики персонажей в рассказе Чехова «В бане»: — Пущай меня бог простит за осуждения мои, но *невеста* нынче пошла все непутящая, несмысленная...; — *Женихи* нынче лютый,— с ним и обходиться нужно сообразно; — *Мужчина* нынче балованный, глупый, вольнодумствующий.

Использование словосочетания *рыжие панталоны* для обозначения их владельца, разумеется, также не связано с «изменением» собственного лексического значения этого словосочетания. Метонимическое переосмысление названия осуществляется здесь в соответствии с общей семантической моделью. Ср.: — Слушай команду, проходи,— скомандовал *вицмундир*.— Ты бы сам-то проходил,— заметила *фризовая шинель*,— стыдился бы (И. Горбунов, Из московского захолустья); В толпе снуют *чуйки* с петухами и утками под мышкой (Чехов, В Москве на Трубной

[8] Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 66.
[9] Там же, стр. 67.

площади); Вечер. По улице идет пестрая *толпа*, состоящая из пьяных *тулупов* и *кацавеек* (Чехов, Ряженые); Прошли гуськом последние посетители дворца-музея — *полушубки, чуйки, ватные куртки* (А. Толстой, Гобелен Марии-Антуанетты); Больше всех скандалит *выцветшее пальто* с собачьим воротником. Сама втерлась, а других не пускает (А. Гладилин, Дым в глаза) и под. Трудно усомниться в том, что слова *вицмундир, шинель, чуйки, тулупы* и т. д. не изменили здесь своих значений и не приобрели новых значений. Употребление их для обозначения лиц (соответственно одетых воспринимается как специальный стилистический прием, выразительность которого основана именно на контекстном смещении их функции. Ср.:— Экий ты бестолковый, братец!— укоризненно сказала *телефонная трубка* (В. Козлов, Фельетон «Безумный день»); понятно, что словосочетание *телефонная трубка* не имеет в языке значения «человек, говорящий по телефону»,— его применение в этом значении контекстно обусловлено.

Из многочисленных видов контекстно обусловленных метонимических замен, опирающихся на определенную более или менее устойчивую семантическую «модель», можно упомянуть еще хотя бы о таких, как *«На ученом совете* обсуждался этот вопрос» (т. е. «на заседании ученого совета»); *«На дирекции* было принято соответствующее решение» (т. е. «на заседании дирекции»); ср.: *На активе* театральных работников шел страстный разговор о роли театра в коммунистическом воспитании (Из газет) и т. п. Или таких, как:— Что, прошло у вас *горло?* (Чехов, Иван Матвеич); ср.: Варенька встретила его любопытным взглядом и ласковым вопросом:— Прошла *головка?* (Горький, Варенька Олесова); Поездка удалась, как он и не думал; *сердце* у Рансы прошло, она была даже приветлива (А. Толстой, Приключения Растегина); —Ладно,— Попов взял спички.— А ты молока попей, помогает от *живота* (Ю. Казаков, Кабпасы) и т. п.

Иное дело, когда слово по себе приобрело или приобретает соответствующее значение, которое, так сказать, лексически закрепляется за ним, что происходит, например, с существительным *нерв* в форме множественного числа:— Что вам за удовольствие доставляет пугать меня? Я не виноват, что у меня *нервы* (Куприн, Мелюзга);— Все выродилось на свете. Дети рождаются

идиотами, женщины сделались кривобокими, у мужчин *нервы* (Куприн, Поединок) и т. п.

Этот тип перенесения наименований объединяет в себе целый ряд более или менее самостоятельных и подводимых под отдельные «формулы» подтипов (т. е. «целое — часть», «материал — предмет из данного материала» и т. д.; ср. также перенесение названий из одной области чувственных восприятий в другие, перенесение названий по типу «действие — результат», «имя собственное — нарицательное» и др.). Все эти виды переносов противостоят, однако, метафорическим именно своей большой «организованностью» и «продуктивностью» соответствующих моделей.

Кроме того, метонимические сдвиги во многих случаях связаны с сокращением словосочетаний (*изделия из стекла — стекло* и т. п.), т. е. внешне подобны таким фактам изменения значений, которые обусловлены контекстными связями слов.

Существование в языке «метонимических формул» делает необходимым решение вопроса о целесообразных словарных толкованиях, даваемых обширным группам слов в связи с выделением для них самостоятельных метонимических по своей сущности значений. Например, каждое обозначение «населенного пункта» может быть использовано в значении «жители данного пункта» (обычно с местоимением *весь*). Толковые словари современного русского языка по-разному оценивают эту возможность для разных слов — для одних подобное употребление выделяется в самостоятельное значение, для других — как «оттенок значения», для третьих — оно вообще игнорируется. Между тем оснований для такого неоднакового подхода к этим словам, по-видимому, нет. Ср.: *Весь город* был на улицах. По Морской, по набережным и Каменноостровскому двигались сверкающие экипажи и потоки людей (А. Толстой, Хождение по мукам); *Все село* было поднято на ноги (Федин, Города и годы); Сам он пролежал всю раннюю весну и не видел, как *деревня* уехала на первые полевые работы (Бунин, Кастрюк); Павла хоронил *весь поселок* (Панова, Рабочий поселок); — Кто говорит? — *Вся станица* говорит (С. Антонов, Дедушка) и т. п. Можно не вступать здесь в обсуждение вопроса о том, как лучше всего отражать в словарях подобное употребление слов, однако совершенно очевидно,

что оно должно быть по возможности последовательным и одинаковым для семантически однородных слов.

Кроме того, важно обратить внимание на следующее. Характер самих метонимических переносов в разных случаях неодинаков. Наряду с такими значениями, которые основываются на продуктивных «метонимических формулах», как в рассмотренных выше случаях, — существуют и такие метонимические по своей природе значения, которые устойчиво индивидуализированы; например, значение слова *блюдо* «кушанье» имеет иной «статус», чем значения других слов, обозначающих посуду, в таких сочетаниях, как *Съел вторую тарелку, Выпил два стакана* и т. п.; ср.: *держава* «независимое государство» при устаревших значениях «правление, власть монарха», «эмблема этой власти»; ср. «конкретные» значения слов *охрана, защита, суд*, а также *стол* «питание», *лицо* «индивидуум», *двор* «отдельное крестьянское хозяйство» и т. п.

Различная степень индивидуализации или регулярности тех или иных метонимических переносов определяет, естественно, и различную степень их контекстной обусловленности. Так, например, «временно́е значение», приобретаемое некоторыми существительными в определенных позициях, неодинаково соотносится с их парадигматически закрепленной семантикой (в том числе с «функциональной направленностью» их основных значений), поэтому оказывается и неодинаково устойчивым в различных контекстах. Обозначения *до чая, после армии, после кино* и т. п. достаточно однозначно связываются со значениями «до чаепития», «после службы в армии», «после посещения кинотеатра» или «просмотра фильма»; только специальный контекст может обусловить, что *до чая* будет значить, например, «до покупки чая» и т. п.; ср.: *До телевизора у нас было больше свободного времени* = «до приобретения телевизора» и *До телевизора тебе надо приготовить уроки* = «до того, как начнется какая-то передача по телевизору» или «как будет включен телевизор» и т. д. Вместе с тем «временно́е значение», например, сочетания *до дяди*, поскольку в семантике слова нет элементов, связанных с временны́ми отношениями, целиком определяется только контекстом, причем в каких-то случаях и контекст одной фразы оказывается для этого недостаточен. Ср.: Мы считали, что этих денег хватит *до дяди*, а там начнется увлекатель-

ная, превосходная жизнь (Каверин, Два капитана); сама по себе фраза может быть интерпретирована и как «до приезда дяди», и как «до того, как доберемся до дяди»,— только знание ситуации (более широкого контекста) определяет, что здесь имеется в виду второе.

«Принцип метонимии», осуществляющийся в языке, естественно, влияет на синтаксические связи соответствующих слов, а следовательно, и на сочетаемость других слов. В зависимости от общего определения сущности метонимии должно быть принято и более общее решение в вопросе о «трансформируемости» целого ряда конструкций. Дело в том, что «смежность» существительных, обозначающих реально соподчиненные в определенной ситуации реальные предметы, часто делает возможным их взаимозаменимость при глаголе, обозначающем соответствующую ситуацию. Дает ли это основание говорить о расщеплении семантики данного глагола? Некоторые исследователи отвечают на этот вопрос положительно.

Так, например, О. Д. Кузнецова, считая, что «в русском языке значение глаголов может меняться в зависимости от того, с каким субъектом действия (обозначающим лицо или предмет) употребляются они во фразе» [10], и отметив, что каждое из этих значений связано с определенной синтаксической конструкцией и глагольным употреблением, высказывает сожаление, что «в академических толковых словарях русского языка описанное выше свойство глаголов изменять значение в зависимости от употребления их с разными субъектами не всегда находит отражение» [11]. Однако так ли это бесспорно, что, например, фразы «Гельфрейх осветил картину рефлектором» и «Рефлектор осветил картину» — представляют равные значения глагола «осветить»? Кстати, и отмечаемое синтаксическое свойство глагола в одном из устанавливаемых таким образом значений (а именно то, что «когда в роли субъекта действия выступает предмет, а не лицо, глагол не имеет дополнения в творительном паде-

---

[10] О. Д. Кузнецова. О глаголах, изменяющих значение в связи с переменой субъекта действия. «Современная русская лексикология». М., 1966, стр. 56.

[11] Там же, стр. 61.

же») не кажется столь уж надежным; ср. «Рефлектор осветил картину неярким светом». А как расценивать, если встать на такую точку зрения, значения многих «глаголов физического восприятия»? Ср.: «Она смотрела вдаль» и «Ее глаза устало смотрели вдаль» и т. п. Но автор, действительно, права в том, что упрекает составителей словарей в непоследовательности при лексикографическом описании данных глаголов.

Аналогичные вопросы возникают и в связи с другими случаями. Ю. Д. Апресян отмечает расхождения между созданным им трансформационно-дистрибутивным словарем и толковыми словарями: «Следующей интересной группой глаголов, получающих различную трактовку в дистрибутивно-трансформационном словаре и толковых словарях обычного типа, являются глаголы, способные обозначать либо воздействие на объект, либо действие, уничтожающее свой объект, ср. *брить клиента* и *брить бороду, вытирать лицо* и *вытирать пыль, курить трубку* и *курить табак, лечить больного* и *лечить туберкулез, мести двор* и *мести мусор, полоть грядки* и *полоть лебеду, стричь волосы* и *стричь голову, утирать лицо* и *утирать слезы* и т. д. В дистрибутивно-трансформационном словаре эти два ряда употреблений рассматриваются как представляющие различные значения глагола, так как соответствующие фразы отличаются друг от друга по крайней мере трансформациями, ср. *сбрить бороду,* но не *сбрить клиента; утереть лицо,* но не *утереть пыль; Табак — его курево,* но не *Трубка — его курево; состричь волосы,* но не *состричь голову,* и т. д. Толковые словари... не дают последовательного истолкования значений этих глаголов» [12].

Легко заметить, что часть приведенных трансформаций основана именно на общеязыковом принципе метонимии: *стричь волосы с головы — стричь голову, курить табак в трубке — курить трубку* и т. д. Правомерны ли предлагаемые автором трансформации (не касаясь здесь их «деривационной стороны»), можно решить на основе общей оценки явлений метонимии.

В четырехтомном академическом словаре первое значение глагола *разжечь* («заставить загореться») иллю-

---

[12] Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 114.

стрировано тремя примерами, в которых глагол выступает в сочетании с такими объектами: *разжечь дрова, разжечь очаг, разжечь костер*. Легко заметить, что все эти три объекта по-разному соотносятся с действием: *дрова* — это объект, который подвергается действию, *костер* — объект, создаваемый, вызываемый действием, а *очаг* — вообще не является «подлинным» объектом данного действия (ср. *разжечь дрова в очаге*). Однако между всеми существительными по отношению к указанному действию существует очевидная метонимическая связь, такая же, какая существует между *горит огонь* и *горят дрова, горит свет* и *горит лампа, колоть поленья* и *колоть дрова, топить печь* и *топить избу* и т. п. Ср. также: *уложить чемодан* и *уложить вещи в чемодан, прибрать комнату* и *прибрать в комнате, слушать радио* и *слушать музыку по радио, слушать оратора* и *слушать речь оратора* и т. п. Метонимические соотношения в ряде случаев приобретают и более сложный характер; например, *косить траву* и *косить сено* (ср. *сенокос*), *скосить траву*, но *накосить сена, вскипятить воду*, но не *вскипятить кипяток*; ср. *кипятить воду, кипятить чайник* (ср: В маленькой комнатке за магазином жила сестра хозяина, я *кипятил* для нее *самовары*.— М. Горький, Мои университеты), *кипятить белье* и т. д. Естественно, что возможности сочетания глаголов с различными группами существительных должны быть отражены в толковых словарях; однако вопрос о том, в каких из этих сочетаний представлены отдельные значения глагола, не может быть убедительно решен только на основе различной трансформируемости соответствующих фраз, обусловленной метонимическими «подстановками» обозначений объектов действия.

Аналогичные сомнения вызывают соображения Ю. Д. Апресяна относительно другой группы глаголов. Автор пишет: «Не совсем последовательно толкуются значения еще одной группы глаголов, семантически близкой к только что рассмотренной. Мы имеем в виду глаголы, которые способны сочетаться с существительными, обозначающими так называемый внешний объект (ср. *варить картофель, копать землю, натирать палец, печь картошку* [*яйца*], *пилить дрова, пробивать стену, резать хлеб, рисовать дерево, рубить дрова, рыть землю* и т. п.), и с

существительными, обозначающими так называемый внутренний объект (ср. *варить суп, копать яму, натирать мозоль, печь пироги, пилить отверстие* (*в двери*), *пробивать отверстие, резать детальки* (*из дерева*), *рисовать портрет, рубить избу* (= *строить*), *рыть яму* и т. п.). В первом случае глагол имеет значение воздействия на объект, а во втором — значение действия, создающего свой объект [13].

Что *варить картошку* и *варить суп, копать землю* и *копать яму* и т. д.— реально различные ситуации, это несомненно, но то, что здесь разные значения глаголов, не представляется вполне бесспорным. Это не представляется бесспорным потому, что метонимические возможности слов, естественно, влияют и на возможность их трансформаций. Неясно также, как быть с такими случаями, как *сварил кастрюлю супа, сжарил яичницу с колбасой* и т. п. Известные затруднения вызовет и определение значений приведенных глаголов при их абсолютивном употреблении. Если мы согласимся с тем, что в *рисовать сестру, дерево, облака* и т. п. реализуется одно значение глагола, а в *рисовать портрет* — другое, так же как с тем, что в *курить трубку* и *курить табак* значения глагола различны, перед нами встанет вопрос, как квалифицировать значения тех же глаголов в таких словосочетаниях, как *Он хорошо рисует, Он не умеет рисовать. Он много курит* и т. п. или *Она целый день что-то варит, жарит, Он все время что-нибудь рисовал* и т. п. По-видимому, здесь придется говорить еще об одном (уже третьем) значении глагола.

Нужно, однако, отметить, что решение вопроса о том, в каких из словосочетаний представлены отдельные значения глагола в конечном счете во многом зависит от общего определения понятия «значения». Но из какого понимания «значения» ни исходить, несомненным остается то, что в случаях, подобных приведенным выше, «значения» (если мы признаем отмеченные различия существенными для выделения отдельных значений) соотносятся друг с другом не так, как в целом ряде других случаев. По существу именно эти различия в семантической организации различных групп слов и должны быть прежде всего проанализированы и учтены.

---

[13] Ю. Д. Апресян. Указ. соч., стр. 115.

Принятая система описания лексических значений в словарях явно не самым лучшим образом отражает семантическую структуру толкуемых слов. Различный характер связей между разными значениями слова и не может быть полностью выявлен, когда значения даются в виде выстроенных в один ряд, как бы одинаково равноправных и самостоятельных единиц. Правда, составители словарей при помощи разного рода помет, выделения внутри одного значения «оттенков значения» и т. д. в известной мере преодолевают «линейность» лексикографического описания, но границы между разными по своей природе значениями все равно оказываются одинаковыми и одинаково «статичными», что, конечно, не дает адекватного представления о семантической организации слова.

Например, различные глаголы передают неодинаковые по сложности действия и состояния. Наряду с глаголами, выражающими относительно простые действия, существуют глаголы, семантическая структура которых представляется значительно более сложной. Если сравнить такие глаголы, как *произносить*, *выражать*, *сообщать* и под., и *говорить*, нетрудно понять, о какой сложности в данном случае идет речь. Действия, обозначенные первыми из указанных глаголов, в известном смысле одноплановы, они выражают действие как такое, которое определяется одним каким-то признаком; между тем действие, выраженное глаголом *говорить*, предполагает ряд взаимосвязанных проявлений «говорения», оно многоаспектно, или разнопланово, т. е. представлено как комплексное или «сложное» действие. *Говорить* — это «произносить», «пользоваться устной речью», это — «словесно выражать что-то», это «общаться с кем-то», «сообщать кому-то что-то», — все эти аспекты действия по существу не отграничены друг от друга и, хотя в разных контекстах любой из соответствующих признаков может выступить на первый план (становясь иногда и единственно существенным), во многих контекстах они проявляются одновременно, в различном взаимодействии друг с другом. Ср.: Он *говорил* нам это тихо, почти неразборчиво; Она *сказала* ему то самое, что он только что *говорил* себе, но теперь уже он этого не думал (Л. Толстой, Воскресение); А *говорила* он высоким голосом дьячка, всегда что-то особенно памятное и так, что нельзя было

понять, серьезно *говорит* он или шутит (Горький, Клим Самгин); Маргарита *говорила* вполголоса, ленивенько растягивая пустые слова, ни о чем не спрашивая. Клим тоже не находил, о чем можно *говорить* с нею (Там же); Лиля краснеет и смеется, когда я *говорю* ей об этом (Казаков, Голубое и зеленое).

Совершенно по-иному соотносятся друг с другом значения таких глаголов, как *озарить*: «1. Осветить», «2. *перен.* Неожиданно прийти на ум, прояснить чье-л. сознание»; *осветить*: «1. Сделать светлым, видимым; наполнить светом», «2. *перен.* Изложить, истолковать что-л.»; *рвать*: «1. Выдергивать, дергать с силой, резким движением», «2. Резким движением разделять на части, разрывать», «3. *перен.* Прекращать, порывать (отношения, связи и т. п.)», «4. *Разг.* Производить взрыв чего-л.»; *подорвать*: «1. Уничтожить, разрушить взрывом», «2. *перен.* Нанести вред чему-л., расстроить, поколебать» и мн. др. Использование глаголов с конкретными значениями для обозначения более отвлеченных действий — явление настолько распространенное в языке, что, конечно, оно неоднократно отмечалось исследователями, которые определяли его как «языковую метафору». Следует заметить, однако, что семантическая природа различных метафорических переносов в общем не исследована.

Существенно то, что в различных типах метафор по-разному осуществляется связь значений. Например, переносное значение слова *камень* («тяжелое, гнетущее чувство») не связано с исходным («всякая твердая нековкая и не распускающаяся в воде горная порода в виде сплошной массы или отдельных кусков; отдельный кусок такой породы») никаким существенным семантическим признаком: в толкованиях этих значений вообще нет общих элементов, указывающих на их связь. Тем не менее эта связь явно существует (и отчетливо воспринимается говорящими), но она основана на ассоциативных, или репрезентативных, признаках, связанных со словом в его основном значении. Ср. переносные значения слов *лиса, осел* и т. д. Иной вид связи существует между переносным и основным значениями, например, слова *ключ* (соответственно: «*3. перен.* Средство, возможность для разгадки, понимания кого-, чего-л., для овладения чем-л.» и «1. Металлическое приспособление для запирания и

отпирания замка»). Здесь переносное значение непосредственно развивает именно существенный элемент исходного значения: «то, при помощи чего можно что-то открыть», слово как бы освобождается от конкретных признаков *«металлическое* приспособление для отпирания *замка»*), сохраняя лишь основной признак «функционального назначения» предмета.

Аналогичное выявление семантической основы слова происходит при переносном употреблении глаголов вроде указанных выше с той, однако, разницей, что само функциональное назначение глаголов обнаруживается в более сложном соотношении семантических признаков.

В семантике одного и того же слова могут быть выделены различные типы семантических связей. Так, в семантике глаголов типа *говорить, сказать* выступают не только значения, связанные с «комплексным» представлением действия, но и другие значения, находящиеся в различных соотношениях с первыми. Ср.: Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки *говорили* о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни (Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня); — То, что вы не слышали, еще ни о чем не *говорит*,— сказал он (Трифонов, Доктор, студент и Митя); И этот взгляд многое *сказал* и тому и другому (Л. Толстой, Воскресение) и т. п. Ср. соотношение значений глаголов *бросить, запугать, выиграть* и под.

Продуктивность и регулярность различных производных значений, как мы видели, неодинакова. Если попытаться, отвлекаясь от индивидуального своеобразия семантики различных слов, схематически изобразить основные виды соотношения значений внутри слова, можно выделить: 1) регулярные метонимические значения (*город, березовый*); 2) менее регулярные метонимические значения (*земля, блюдо*); 3) относительно регулярные метафорические значения (*бросить, толкать*), 4) нерегулярные метафорические значения (*лиса, камень*).

В целом же следует отметить, что в отличие от метонимических, метафорические переносы и соответственно основанные на таких переносах соотношения между значениями многозначных слов — не поддаются достаточно обобщенной характеристике. Очень схематически они могут быть представлены в таких формулах, обобщенно от-

ражающих соотношение семантических признаков соответствующих значений:

а) $ab \rightarrow a$ (извлечение «семантического корня»: *топить* «губить», *лазейка* «выход из того или иного положения»);

б) $ab \rightarrow ac$ (*спутник* «тот, кто совершает путь вместе с кем-либо» → «небесное тело, сопутствующее планете, звезде»; ср. *искусственный спутник*);

в) $ab(d) \rightarrow cd$ (основанием для переноса служит не один из парадигматически значимых, т. е. дифференциальных, признаков в значении слова, а «ассоциативный» признак, самая семантическая релевантность которого определяется данным переносом; ср. развитие значений слова *молния* на основе признака «быстроты»).

4. Функциональный момент является не только фактором изменения значений слов, но и в неменьшей мере фактором относительной устойчивости значительных пластов словарного состава языка. Изменение формы и внутреннего устройства ряда предметов, характера отдельных действий и т. д. далеко не всегда ведет к перемене названия, если их назначение остается прежним. Например, слова *корабль, станок, завод, улица, мост, люстра* и мн. др., конечно, обозначают в наши дни предметы мало похожие на те, которые они обозначали первоначально. Однако изменение предметов не привело в данном случае к замене самих названий, так как не изменилась их общая функция. Изменения в способах осуществления таких действий, как *косить, сеять, строить, ездить* и т. п., не вызвало изменения названий, поскольку общность функции оказалась элементом, цементирующим семантическое тождество слова.

С появлением электрического освещения фонари и лампы не зажигаются и не горят так, как зажигались и горели керосиновые фонари и лампы, но назначение — давать свет — осталось у изменившихся фонарей и ламп неизменным, и, благодаря тождеству функции, слова *зажигаться, гореть* продолжали применяться к уже новым осветительным приборам, получив в результате новые значения. Например, у слова *гореть* выделено в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова такое отдельное значение: «действовать, быть в исправности (о том, что дает свет). *Все лампочки горят*». Ср. *горит лучина, свеча* и т. п. с реализацией «первичного» значения этого глагола. Игральные кости не непременно должны быть кос-

тяными. Обозначение шахматных фигур *ладья* и *слон* в настоящее время не оправдано их формой, но самые названия не изменились, так как не изменилась значимость и функция этих фигур в шахматной игре. *Горка* — название стеклянного шкафа для посуды, никак не связанное с пирамидальной формой, обусловившей первоначальное возникновение самого слова. Существительное *лавка* осталось в языке свидетельством одной из первоначальных форм торговли, с видоизменением которой сформировалось новое значение слова — «небольшое торговое помещение», при этом *лавка* «скамья» и *лавка* «торговое помещение»[14] стали словами-омонимами. Формирование нового значения намечается благодаря употреблению слова в соответствующих контекстах.

Следует обратить внимание на то, что все (или почти все) названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении[15]. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации.

На важности функционального момента в семантике (можно полагать, преувеличивая его всеобщую для языка значимость) постоянно настаивал, как известно, Н. Я. Марр[16]. Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически.

---

[14] Движение к этому значению, по-видимому, можно понять хотя бы из того краткого толкования, которое дается ему в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «Отделенье в рядах, вообще помещенье для продажи товаров».

[15] Люди приспосабливают для определенной функции и то, что создано природой. Вопрос о семантической характеристике соответствующих названий также, конечно, существен, но мы его здесь не касаемся. Разумеется, нужно различать, что из «антропометрических» представлений отражено действительно в семантике языка и что остается в области индивидуальных оценок; ср. рассуждения «госларского гражданина» в «Путешествии по Гарцу» Г. Гейне о том, что «деревья зеленого цвета потому, что зеленый цвет полезен для глаз». «Я (Г. Гейне.— *Д. Ш.*) соглашался с ним и прибавил, что рогатая скотина создана богом потому, что мясной бульон укрепляет силы человека, ослы — для того, чтобы с ними можно было сравнивать людей, а сами люди затем, чтобы они ели мясной бульон...»

[16] См.: Н. Я. Марр. Избр. работы, т. II. [б/м], 1936, стр. 82, 132, 170, 208, 418 и др.

Он является тем стержнем, который обеспечивает лексико-семантическое тождество слова при его самом разнообразном реальном применении.

Он обусловливает и отчетливую группировку внутри различных пластов словаря, притягивая к слову и группируя вокруг него слова, принадлежащие к различным частям речи, в первую очередь глаголы. Так же как справедливо утверждать, что глагол является центром синтаксической структуры языка, так же законно утверждение, что лексико-семантическая структура языка в значительной степени определяется несколькими лексико-грамматическими классами слов, одним из которых является значительная масса функционально ориентированных конкретных существительных и соотносимых с ними глаголов.

Именно то или иное назначение какого-то предмета соотносит его с определенным действием или действиями, с продуктами этого действия и т. д., а соответственно создает ассоциативные ряды слов, аналогичные тем, о которых писал Ш. Балли. Понятно, что как и сами ассоциации непостоянны и легко перемещаются, так перегруппировываются в зависимости от ситуации и соответствующие ассоциативные ряды слов. Однако собственно функциональные связи оказываются как раз наиболее устойчивыми (*топор — рубить, щетка — чистить, трубка — курить, книга — читать* и т. д.).

На то, что функциональный элемент, действительно, присущ значению слова, указывают контексты его применения в речи, а также и способы синтаксической организации соответствующих фраз.

Лексикографическое описание соответствующих существительных до сих пор находится на очень низком уровне именно в силу того, что подлежащие истолкованию слова рассматриваются со стороны самых разнообразных и разнородных признаков, свойственных называемым предметам, причем назначение последних, которое во многих случаях в сущности является единственным семантически релевантным признаком слова, далеко не всегда получает должное отражение в предлагаемом толковании. В результате часто оказывается, что несмотря на то, что в словарном толковании отмечены многие признаки предмета, оно не способно объяснить всех реальных применений слова.

В этом легко убедиться на многих примерах. Чтобы пояснить сказанное, остановимся на одном из них. Возьмем слово *стол* и посмотрим, как оно определяется в толковых словарях.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «1. Предмет домашней мебели, представляющий собою широкую поверхность из досок (деревянных, мраморных и др.), укрепленных на одной или нескольких ножках и служащий для того, чтобы ставить или класть что-нибудь на него».

В словаре С. И. Ожегова: «1. Предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках».

В четырехтомном академическом словаре: «Род мебели (в виде широкой доски или нескольких досок, соединенных вместе и укрепленных в горизонтальном положении на одной или нескольких ножках), на которую ставят или кладут что-либо при работе, еде и т. п.».

Можно заметить, что в целом представление о «столе» в этих определениях является довольно близким, хотя отдельные признаки (которые, поскольку они указывают, видимо, считаются существенными для его определения) не совпадают.

Общим является то, что это — 1) предмет мебели; 2) с широкой доской (или досками); 3) с ножкой или ножками (или опорами).

Несовпадающие признаки: 4) горизонтальное положение досок (доски); 5) характеристика материала, из которого могут быть доски; 6) для чего служит (ставить, класть что-нибудь); 7) при каких обстоятельствах (при еде работе и т. п.);

Из того факта, что одни признаки выделяются всеми тремя словарями, а другие — не всеми, можно было бы, по-видимому, заключить, что первые признаки являются наиболее существенными для толкования значения слова, а вторые — менее существенными, так как некоторые из составителей считают возможным не отмечать их. Чтобы проверить такое предположение, посмотрим, как определяемое слово может быть применено в речи.

Среди разнообразных примеров употребления данного слова, мы обнаружим и такую фразу: «Столом ему служил пень». Какие же из указанных признаков соответствуют тому «значению», в котором употреблено слово в приведенной фразе?

Сразу же ясно, что наличие доски или досок, материал, из которого сделаны эти доски, наличие ножек (опор) никак не определяют «значение» слова *стол* в данном контексте. Все это такие признаки предмета, которые, сопутствуя нашему представлению об этом предмете, не являются необходимыми для конструирования значения слова. Единственно необходимым, существенным (т. е. служащим для отождествления и различения единицы) элементом семантики слова оказалось указание на то, «для чего служит» данный предмет.

Можно заметить, что от того, допускает ли смысловое содержание того или иного слова его «функциональную интерпретацию», зависит возможность употребления слова и в определенных синтаксических условиях. Например:

Нам *вехой* — наша тень,
Чтобы с пути не сбиться
(Пастернак, По грибы).

Возможны такие фразы, как «зеркалом, бритвой, полотенцем, пепельницей, молотком и т. п. служил (название другого предмета)», но невозможны «горой, пнем, березой и т. д. служил...», так как значениям этих слов не присущ элемент функциональной характеристики предмета (в синтаксических описаниях русского языка отмечается употребление творительного предикативного «для обозначения рода деятельности, профессии, назначения, состояния лица или предмета», при этом указывается, как, например, в академической грамматике: «Такое употребление связано с относительно узким кругом слов с соответствующим значением» [17]; таким образом, соотношение этих конструкций с конструкциями вроде приведенной выше «Нам вехой — наша тень» остается нераскрытым).

Ясно, что именно признак «назначения» предмета делает возможными (и осмысленными) такие, например, фразы:

Голод *порохом* будет,
Ядром — нагие, бегущие по снегу люди
(В. Хлебников, В щеки и очи...).

[17] Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М. Изд. АН СССР, 1954, стр. 428.

Функционально значимое слово (ср. *порох, ядро*) несет в себе недвусмысленную соотнесенность с определенным действием (соответственно глаголом, чего, конечно, нельзя сказать о многих других единицах лексики; ср. *береза, заблик, холм* и под.).

Таким образом, на семантическую значимость функционального элемента указывают возможности применения слова в определенных контекстах, так же как способность слова объединять в качестве денотатов самые разнообразные реалии, отличающиеся многими внешними приметами и свойствами (размером, формой, материалом и т. д.), но имеющие общее назначение, которое в самом языке часто соотнесено с определенным глагольным словом или словосочетанием.

Собственно лингвистический аспект функционального элемента значения выступает в деривационных связях слов. Ср.: *жилье — жить, пила — пилить*, но *топор — рубить, молоток — забивать гвозди* и т. д.; *лечит* не только *лекарь*, но и *врач, фельдшер* и т. д.

По существу лингвистическое определение целого ряда «конкретных» существительных заключается в соотнесении именно данного элемента с обобщенным признаком слова, так, например «назначение» + «предмет» дает значение «орудия, приспособления» (также «места, помещения, предназначенного для»; ср. *мойка, училище; завод, институт* и т. п.); «назначение» + «лицо» дает значение «профессия, должность» и т. д.

Естественно, соотношения между значениями слов сложны и многообразны. Различного рода ассоциации могут и одновременно влиять на развитие значений слова и их соотношение. Так, ножки стола, кровати и т. п. не только внешне напоминают ноги, но имеют и определенное функциональное сходство (стол, кровать *стоят* на них). Седло велосипеда, мотоцикла имеет некоторое внешнее сходство с седлом на лошади и аналогичное назначение. Ковш экскаватора *черпает* землю и т. д., так же как ковш «сосуд» — воду, и в то же время несколько похож на него по форме и т. д.

5. Для того чтобы истолковать значение слова в однозычном толковом словаре, нужно так или иначе указать на его соотношение с другими лексическими единицами языка, отметив при этом известные отличительные признаки именно данного значения. Чем совершен-

нее лексикографическое произведение, тем полнее и интереснее оно в этом отношении. Однако при отсутствии ясно осознанной и последовательно проводимой теории семантического анализа слова, естественно, нельзя ожидать, что мы найдем в словарях достаточные и непротиворечивые толкования всех слов.

«В ряде очевидных и давно известных случаев,— писал Л. Ельмслев,— содержание знака легко раскладывается по такому же принципу, что и содержание выражения... Однако для того, чтобы упорядочить все лексические факты в соответствии с указанным принципом, пред тоит выполнить чрезвычайно трудоемкую работу. Правда, большая подготовительная работа уже выполнена лексикографией: лексикографические определения одноязычных словарей являются по сути дела первым важным приближением к решению поставленной задачи»[18].

Ознакомление с различными типами толкований, которые даются словам в толковых словарях, должно, как кажется, убедить в том, что всякое сколько-нибудь удовлетворительное словарное определение (в пределах одноязычных словарей) немыслимо без (по крайней мере, интуитивного) выделения таких элементов значения, которые имеют характер его дифференциальных признаков. Это можно пояснить на таком примере. Слово *бадья* определяется в словаре Ожегова как «широкое, низкое деревянное ведро»; в свою очередь, *ведро* — это «сосуд цилиндрической формы с ручкой в виде дужки для ношения жидкостей, сыпучего», *сосуд* — «вместилище для жидкости, газа и т. п.», *вместилище* же — «место, сосуд, резервуар для вмещения, помещения чего-нибудь». Таким образом, устанавливается определенная иерархия слов по расчлененности их значений. Несколько упрощенно она может быть представлена в следующем виде: *вместилище* — оставляется без конкретной предметной характеристики и указания на родовую принадлежность обозначаемого, будучи истолковано при помощи общего указания на его нахождение в пространстве («место») и на обусловленную самим назначением «предмета»

---

[18] Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 135; см. также: W. Goodenough. Componential analysis and the study of meaning. «Language», 1956, № 32, стр. 195—216.

«объемность» («для вмещения»); далее намечается такой ряд: *сосуд* — «вместилище» + определенное назначение («для жидкостей, газа и т. п.»); *ведро* — «сосуд» + определенная форма + определенное назначение; *бадья* — «ведро» + особая форма + материал. Словарные толкования строятся, таким образом, на известном соотнесении обозначаемых словами предметов действительности с другими предметами. При этом отмечаются те отличия, которые существенны для отграничения данного обозначения от соотносимых с ним (например, *бадья* — это «ведро» определенной формы и сделанное из определенного материала, но безразлично, какого она цвета, чем она наполнена и т. д.; указание на форму и материал как бы дается самим обозначением предмета, в то время как цвет, содержимое и т. д. не являются в данном случае существенными его признаками).

Конечно, в толковых словарях можно нередко встретить и довольно непоследовательно организованные толкования. Например, в «Словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова *дом* определяется как «жилое здание, строение», *здание* как «сооружение, архитектурная постройка», *постройка* — «то, что построено; сооружение, здание, строение», *строение* — «здание, постройка», *сооружение* — также «здание, постройка» т. е. толкования в конечном счете отсылают от одного слова к другому.

Практические приемы толкования значений слов, издавна существующие в лексикографии, в значительной мере как раз и основаны на том, что значения одних слов толкуются при помощи значений других слов с указанием того, что их отличает, т. е. при помощи определения тех существенных отличительных признаков, благодаря которым эти назначения каким-то образом соотнесены друг с другом.

Но отсутствие последовательно разработанной теории семантического анализа слова приводит к многочисленным противоречиям в толковых словарях. Примеры порочного круга при толковании различных слов, взаимоотсылок и т. д. неоднократно приводились в литературе.

Следует заметить, впрочем, что в отношении закономерности «круговых определений» различные исследователи имеют прямо противоположные мнения. Например, У. Вейнрейх утверждает, что «семантическое описание должно стремиться не к абсолютным определениям, а к

таким, которые отграничивают значение слова от слов со сходными значениями (синонимов)». «Следует откровенно признать,— продолжает он,— что в результате получается логический круг, но это является не пороком, а ведущим принципом лексикографии»[19]. Ему вторит С. Д. Кацнельсон: «Когда мы в словаре Ушакова в статье *курица* читаем: «домашняя птица — самка петуха», а затем в статье *петух*: «домашняя птица — самец кур», то перед нами пример кругового определения, способный вызвать у логиков улыбку. Но в задачи толкового словаря входит не создание стройной и непротиворечивой теории птицеводства и т. п., а раскрытие семантического содержания слова»[20].

Совершенно иного мнения придерживается Т. П. Ломтев: «В современных словарях,— пишет он,— есть существенный недостаток, заключающийся в так называемом порочном круге: значение одного слова истолковывается с помощью другого, а значение последнего — с помощью первого»[21]. Как недостаток «круговые определения» расцениваются и многими другими исследователями[22].

Как бы ни решать вопрос о допустимости «круговых определений» в толковых словарях,— во всяком случае, несомненно, что для разных в семантическом отношении групп лексики неизбежность таких определений неодинакова. Кроме того, при всех условиях существенным — представляется ограничение и упорядочение круга слов, при помощи которых даются толкования, и — что не менее важно — определение тех наиболее общих признаков, которые должны отмечаться при истолковании различных групп лексики.

Слова, обозначающие предметы, созданные человеком и имеющие в связи с этим определенное назначение (например, слова, обозначающие постройки, инструменты,

---

[19] U. Weinreich. Lexicographic definition in descriptive semantics. «International Journal of American linguistics», 1962, v. 28, № 2, стр. 30.

[20] С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.— Л., 1965, стр. 20.

[21] Т. П. Ломтев. О построении аналитико-смыслового словаря русского языка. «Русский язык за рубежом», 1967, № 3, стр. 30.

[22] См., например: Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, стр. 260.

одежду, утварь и т. д.), часто толкуются в словарях (в том числе и в семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского литературного языка»: дальше сокращенно — ССРЛЯ) без указания их функции, в то время как очевидно, что соответствующий признак входит в семантическую структуру этих слов и определяет возможности их применения в речи.

Еще больше непоследовательности и противоречий обнаруживается в толкованиях многих названий из области органической и неорганической природы, в особенности тех из них, для выделения которых роль «языковой сетки» сводится по существу к нулю. Тогда как при назывании, например, различных видов водоемов (*озеро, река, ручей, пруд* и т. д.), возвышенностей (*гора, холм, бугор, курган* и т. д.) и т. д. лексическая парадигма в известной мере определяет соответствующее разграничение самих этих реалий (ср. несовпадающее распределение признаков внутри данных групп лексики в различных языках), наименования различных видов минералов, растений, животных и т. д. почти всецело обусловлены реальным разграничением самих объектов номинации. Это обстоятельство приводит некоторых исследователей к мысли, что подобные наименования вообще относятся к области специальных терминологий и не дают материала для собственно семантического анализа. В соответствии с такой точкой зрения, если применить ее строго, словарные определения данных слов в лингвистических словарях должны были бы ограничиться только указанием на родовую принадлежность обозначаемых такими словами реалий. Так и определяется, кстати, в ССРЛЯ, например, слово *ветла* — «видовое название дерева из семейства ивовых (бот.)». Однако неясным оставалось бы следующее: почему отнесение предмета к классу «деревьев» (а не, скажем, к классу растений вообще) не нарушало бы «чистоты» собственно лингвистического подхода к толкованию терминов, а их отнесение, например, к классам «хвойных деревьев» или «лиственных деревьев» выходило бы за пределы лингвистических задач? В том же словаре находим и определения, исходящие из такой классификации. Например: «*Вяз.* Лиственное дерево семейства ильмовых (вязовых) (бот.)»; «*Ольха.* Лиственное дерево или кустарник из семейства березовых». Не останавливаясь на вопросе о том, нужны ли в подобных толкованиях также и

указания на какие-либо внешние приметы рассматриваемых реалий (и какие именно и в каких пределах), заметим только, что непоследовательность в предлагаемых в словаре толкованиях подобных слов сразу же бросается в глаза. Так, если ограничиться статьями, толкующими названия деревьев, можно отметить, что в них попеременно (и в разных комбинациях) отражены такие приметы, как цвет коры, форма листьев, долголетие, крепость древесины, высота, гибкость ветвей, густота кроны, подвижность листьев, область распространения и т. д. Возможно, не следовало бы требовать единообразия этих описаний, если бы в самом их разнообразии можно было бы обнаружить некоторую систему (например, отмечались бы те приметы, которые так или иначе закреплены в фразеологии, в ходячих метафорах и сравнениях и т. д.). Но такой системы обнаружить не удается. Та же самая картина — в толкованиях слов, обозначающих зверей, птиц и т. д.

Столь же непоследовательно отражены в указанных словарных статьях особенности и самой семантической структуры толкуемых слов. Например, для некоторых обозначений тех же деревьев в качестве отдельных «оттенков значения» выделены: «древесина этого дерева» (клен, липа, сосна) или даже «поленья из этого дерева» (дуб), для других такие «оттенки» не указаны (береза, бук, ветла, вяз, ель, ольха, осина и др.). Прилагательные от этих существительных в отдельных статьях наделяются уже не только «оттенками значения», но и самостоятельными значениями. Так, *ивовый* — это «относящийся к иве; сделанный из ивы» (одно значение и нет разграничения на «оттенки»); для слова *осокоревый* выделяются два «оттенка»: «относящийся к осокорю, осокорям; состоящий из осокорей» и «сделанный из осокоря»; для слов *кленовый, липовый, ольховый* — при некотором различии в формулировках — три оттенка: «относящийся к...» «состоящий из...», «сделанный из...», для *сосновый* — четыре оттенка: в дополнение к трем указанным еще и «добываемый, получаемый из древесины, хвои и смолы сосны». Что же касается таких прилагательных, как *ветловый, еловый, дубовый*, то здесь «сделанный из...» выделено уже как особое второе значение.

Похожие расхождения можно обнаружить и в других толковых словарях (например, в словаре 1847 г., словаре Ушакова).

На эти факты важно обратить внимание, так как в данном случае перед нами непоследовательность в толковании таких слов, самая семантическая структура которых как раз следует достаточно регулярной формуле [23].

В отличие от слов, семантическая структура которых усложнялась в результате различных метафорических переносов, всегда в достаточной мере индивидуальных, в случаях, подобных вышеприведенным, нельзя рассматривать отдельно семантику каждого слова.

Слова, принадлежащие к определенной тематической группе, допускают в этих случаях одинаковое применение, основанное на «ассоциациях по смежности» (разумеется, у этих слов могут быть при этом совершенно различные переносные значения; ср. *дубовый* — о человеке и т. п.). Например, слово, обозначающее «населенное место» (или учреждение, помещение и т. д.), используется для обозначения живущих (или работающих, находящихся и т. д.) там людей. Словарные статьи в ССРЛЯ, как и в других толковых словарях русского языка, никак не отражают этой закономерности. У слов *город*, *деревня*, *село* в ССРЛЯ выделяются отдельные значения «жители» данного места, для слов *станица*, *хутор* подобное применение трактуется как «оттенок значения», для слов *поселок*, *слобода* и других ни такого значения, ни такого оттенка не устанавливается. У слова *зал* выделен оттенок: «о людях, находящихся в зале». Слово же *стадион* определяется только как «сооружение», без выделения каких-либо иных значений или оттенков. В толковании ряда других групп слов — примерно такой же разнобой.

Установление (и последовательное применение) различных типов толкований слов в соответствии с различными видами лексических значений, адекватное отраже-

---

[23] Как отмечает Е. А. Земская, отличие прилагательных типа *желтый*, *лесистый*, *глазастый* и т. д. от прилагательных типа *автомобильный*, *школьный*, *банановый* состоит в том, что первые «обозначают признак вполне определенный, независимый от того, какой предмет они определяют», в то время как вторые «вне контекста обозначают лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету» (Е. А. Земская. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке. «Историко-филологические исследования. Сборник к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967).

ние в словарных статьях семантической структуры слова не может быть осуществлено без учета общетеоретических задач, выдвинутых в семасиологии. Вместе с тем разрешение последних во многом облегчается опытом и результатами лексикографической работы.

6. Среди лингвистов не существует разногласий в том, что язык является не только орудием, служащим для передачи мыслей, но и средством выражения эмоций, средством эмоционального воздействия. Эмоции могут быть выражены при помощи различных языковых средств: интонацией, строением фразы, подбором определенных слов и т. д.

Совершенно ясно, что различные слои лексики по-разному используются с этой целью. Ср., например, такие слова, как *нейтрон, катет, здание, экскаватор, воздухоплавание, читать*, с одной стороны, и такие, как *печаль, казнь, милый, любить, тосковать, тунеядец, долой* и т. п.— с другой. Или такие, как *путешествие, битва, союз, цифра, проект* и т. д., и *вояж, баталия, альянс, цифирь, прожект* и т. д. Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что эти слова не в одинаковой степени способны наполняться эмоциональным содержанием, по-разному выражают отношение говорящего к сообщаемому. Конечно, теоретически каждое слово при известных обстоятельствах может стать носителем эмоционального заряда; однако очевидно, что возможности слов неодинаковы в этом отношении с точки зрения их собственно языковой значимости. Смысловая направленность одних слов такова, что они чаще всего употребляются в контекстах, которые, как правило, не вызывают эмоционально-оценочных реакций со стороны участников речевого общения, в то время как другие слова по самому своему семантическому содержанию тяготеют к эмоционально-насыщенным контекстам.

Возникает вопрос: связано ли предметно-логическое содержание слова с экспрессивной значимостью последнего? Можно ли считать далее, что значение слова определяется не только его предметной отнесенностью, но и эмоциональными моментами?

Следует заметить, что по этим вопросам высказывались самые различные мнения. Так, в ряде работ проводится выделение «эмоциональной лексики»[24], к которой относятся слова вроде *любить, ненависть, гнев, красивый, плохой, раздражен* и т. п. наряду с суффиксальными об-

разованиями типа *песочек, солнышко, миленький, малюсенький, здоровущий* и т. д. Можно ли объединить эти слова? Эмоциональная окраска таких слов, как *любить, ненависть* и т. д., целиком определяется их «предметной» направленностью, а именно тем, что данные слова непосредственно обозначают различные эмоции, настроения и т. д. Если считать эти слова как таковые «эмоциональными», то такое понимание эмоциональных моментов в лексике будет основано не на лингвистических категориях, а на характеристике самих предметов и явлений. Выделение «эмоциональной лексики» при таком подходе является результатом предметно-тематической классификации слов, тогда как образования с уменьшительными и другими суффиксами включаются в ту же группу «эмоциональной лексики» на основании уже совсем иных признаков. Кроме того, определенного рода эмоционально-оценочные моменты могут быть объективно закреплены за словом. *Кляча* — это не просто «лошадь», а «плохая лошадь», *вонять* — не просто «пахнуть», а «дурно пахнуть», *прожект* — не просто «проект», а «несбыточный проект», *мещанина* — не всякая «смесь», а такая, которая кажется неоправданной, и т. д. Слово же *любить* обозначает чувство, которое в разных условиях может вызывать совершенно различное отношение со стороны говорящего, быть источником самых разнообразных эмоций у собеседников, так же как и такие слова, как *ненависть, гнев, красивый* и т. п., не говоря уже о том, что в целом ряде контекстов они выступают как эмоционально нейтральные знаки «отвлеченных» понятий и поэтому их противопоставление «отвлеченной лексике» не является безусловным.

Таким образом, необходимо различать, во-первых, слова, которые сами по себе обозначают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения и т. д. (выделение этих слов производится в связи с предметно-тематической классификацией лексики); во-вторых, слова, эмоциональная значимость которых создает-

---

[24] См., например: Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. Изд. МГУ, 1954, стр. 136—137; А. М. Финкель, Н. М. Баженов. Современный русский литературный язык. Киев, 1954, стр. 85—87; В. И. Петровский. О стилистической дифференциации лексики современного русского языка. Львов, 1959.

ся при помощи словообразовательных средств, и, в-третьих, слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений. Только по отношению к двум последним группам слов было бы оправданным наименование «эмоционально окрашенная лексика», так как слова, обозначающие эмоции и т. д., не окрашены этими (или какими-то другими) эмоциями, а непосредственно отображают их своими значениями.

В то же время следует различать объективно и устойчиво закрепленную за словом «эмоциональную окраску» и эмоциональные пасления, обволакивающие самые разнообразные по своей тематической принадлежности слова в определенных ситуациях.

Эмоциональные элементы, устойчиво закрепленные за словами, отчетливо обнаруживаются при сопоставлении последних с синонимами; ср. *кляча* и *лошадь, крохотный* и *маленький, по милости* (кого-то), *из-за* (кого-то) и *благодаря* (кому-то), *суд и судилище, помощник* и *приспешник, пособник* и мн. др. [25]

Следует заметить, что более или менее устойчивая связь каких-то эмоциональных моментов со словом может быть и индивидуальной.

Субъективные ассоциации, связанные с какими-то словами, у отдельных носителей языка создают своего рода эмоциональный ореол вокруг слова, предопределяя его восприятие тем или иным носителем языка. Эти ассоциации часто возникают независимо от собственной семантики слова и от экспрессивно-стилистической значимости, присущей ему в общенародном языке.

Индивидуальное эмоционально окрашенное восприятие слова может быть обусловлено теми контекстами, в которых оно встретилось говорящему, ролью обозначаемых словом предметов и событий в его жизни, случайными звуковыми сближениями и т. д. Следует заметить, что в определенных условиях эмоциональное восприятие слова может стать общим для целой группы говорящих. Вот некоторые из возможных примеров.

Описывая бегство из Одессы временно скрывшихся там от революции различных представителей старого об-

---

[25] Ср. S. Ullmann. The principles of semantics. Glasgow-Oxford, 1957, p. 98 и сл.

щества, А. Толстой в «Похождениях Невзорова» так говорит об эмоциональном звучании слова *эвакуация*:

«Выдумали же люди такое отвратительное слово — *«эвакуация»*. Скажи — отъезд, переселение или временная, всеобщая перемена жительства,— никто бы не стал, вылупив луковицами глаза, ухватив узлы и чемоданы, скакать без памяти на подводах и извозчиках в одесский порт, как будто сзади за ним гонятся львы.

«Эвакуация» в переводе на русский язык значит «спасайся, кто может». Но если вы — говорю для примера — остановитесь на людном перекрестке и закричите во все горло: спасайся, кто может! — вас же и побьют в худшем случае.

А вот — не шепните даже, прошевелите одними губами магическое, ибикусово слово: *«эвакуация»* — ай, ай, ай!.. Почтенный прохожий уже побелел и дико озирается, другой врос столбом, будто нос к носу столкнулся с привидением. Третий ухватил четвертого:

— Что такое? Бежать? Опять?

— Отстаньте. Ничего не знаю.

— Куда же теперь? В море?

И пошло магнитными волнами проклятое слово по городу».

В повестях Нилина «Жестокость» и «Испытательный срок», посвященных сибирской деятельности начала 20-х годов, рассказывается об эмоциональном восприятии отдельных слов в то время известной частью молодежи. Например: Мы поели. Она заспорила со мной, желая уплатить за свой обед. Но я сказал, что это — *мещанство*, и она успокоилась. *Мещанство* — это было такое слово, которое пугало многих в ту пору. И им, этим словом, обозначались иногда понятия, ничего общего не имевшие с подлинным мещанством («Жестокость»); — Вы скажите *конкретно*, чего я напорол? — взъярился Зайцев.— *Конкретно* скажите...— Оно тогда только входило в моду, это слово — *конкретно*, пришедшее в быт от политики, от яростных митинговых речей. Не всем еще ясен был его точный смысл, но почти все хотели его произносить («Испытательный срок»).

Противоречия в характеристике эмоционально-оценочной лексики отчасти вызываются также тем обстоятельством, что и жанрово-стилистическая сфера употребления слов, и их принадлежность к определенным профессио-

нальным разновидностям языка могут сказываться на эмоциональном восприятии этих слов в известных контекстах. В связи с этим проводится нерасчлененное противопоставление «нейтральных» слов и слов, имеющих ту или иную экспрессивно-стилистическую окраску, т. е. помимо чисто «предметной» информации заключающих в себе какие-то указания на отношение говорящего к обозначаемым данными словами явлениям, сигнализирующих о том, в каких условиях происходит речевое общение, наконец, известным образом характеризующих самого говорящего с различных сторон.

Таким образом, в составе «окрашенной» лексики находятся слова, выполняющие различные экспрессивно-стилистические функции; в ряде случаев эти функции перекрещиваются или как бы наслаиваются одна на другую.

Так, слова, в самом значении которых заключена определенная экспрессивная оценка называемого предмета или явления, часто оказываются одновременно и стилистически окрашенными, т. е. связанными с определенными условиями речевого общения. Например, такие слова, как *болтать, миндальничать, хлипкий, всезнайка, хламида* и др., не только выражают определенное отношение к называемому, но и сигнализируют об определенном стиле речи. Слова же с определенной стилистической значимостью легко приобретают эмоционально-оценочные оттенки; ср. хотя бы ироническое применение целого ряда архаизмов, относящихся к «высокой», книжной лексике, таких, например, как *лицезреть, шествовать, пожаловать, велеречивый* и т. п.

Диалектные, профессиональные, просторечные слова не только характеризуют определенным образом говорящего, но и могут выступать в качестве экспрессивных средств языка, как бы преодолевающих «автоматизм» нейтральной (стилистически) речи. Характерна в этом отношении роль жаргонных слов и выражений [26] с присущей им недолговечностью, обусловленной тем же стремлением говорящих к экспресии — к преодолению автоматизма посредством обновления лексического репертуара. Понятно, что экспрессивность жаргонных средств как таковых не свидетельствует об экспрессивности самой включающей их речи. Ср. автоматически одностороннее при-

[26] Ср. типичное высказывание критика о языке героев В. Аксенова: «...В. Аксенов демонстрирует свои обширные познания в полу-

менение жаргонизмов в речи героев водевиля Вл. Дыховичного, М. Слободского и Вл. Масса, Мих. Червинского «Гурий Львович Синичкин»: [Пустославцев.] Начинаем, товарищи! Все на месте? [Налимов.] — В основном почти все. [Пустославцев.] Как с оркестром? [Дирижер.] С лабухами лажаво! [Налимов.] Он говорит: с оркестром плохо. [Пустославцев.] В чем дело? [Дирижер.] Вчера лабали жмурика, заимели башли, похиляли к чувихам и накирялись! [Пустославцев (Налимову).] Переведите! [Налимов.] Лабали жмурика — играли на похоронах, заимели башли — получили деньги, похиляли к чувихам — пошли к девушкам — и накирялись. [Пустославцев.] Накирялись? Опять накирялись? Переведите ему — где первая скрипка? [Дирижер.] Прихиляет через десять минут — лабает на мотор.

Не останавливаясь подробно на экспрессивно-стилистических функциях различных групп лексики, контекстных условиях реализации этих функций, их взаимозависимости и т. д., мы должны попытаться ответить на следующий вопрос: чем же по существу является то, что именуется экспрессивно-стилистической «о к р а с к о й» слова; включается ли эта «окраска» в семантику слова?

Совершенно ясно, что «предметное» значение слова, его понятийное содержание, качественно отлично от тех эмоциональных, экспрессивных и стилистических моментов, которые могут быть связаны с данным словом. Подчеркивая этот в общем бесспорный факт, В. А. Звегинцев в своей книге по семасиологии высказывает ряд интересных соображений, касающихся соотношения «экспрессивно-эмоциональных элементов» слова с его лексическим значением. Вместе с тем исследователь очень решительно возражает против того понимания «значения», согласно которому в него, наряду с предметным содержанием, включаются и эмоциональные моменты. Что предметная направленность слова не совпадает с его стилистической прикрепленностью, не вызывает сомнения. Но ведь вопрос о том, что следует считать «значением» слова, является в значительной мере терминоло-

---

блатном жаргоне (в противовес «казенному», бюрократическому языку!)» (Л. К р я ч к о. Герой не хочет взрослеть. «Лит. газета», 19 марта 1963 г.). Типично здесь противопоставление «полублатного жаргона» «казенному, бюрократическому», т. е. по существу литературно нормированному языку.

гическим вопросом, и его решение зависит от того определения, которое дается «значению».

Тот же К. О. Эрдман, которого критикует В. А. Звегинцев, различал три момента в значении слова: 1) понятийное содержание (begrifflicher Inhalt), 2) побочное (контекстное) значение (Nebensinn) и 3) эмоциональную значимость (Gefühlswert) [27]. Такое понимание значения слова нашло признание в ряде последующих исследований по семасиологии (Г. Шпербер и др.).

Можно согласиться с В. А. Звегинцевым, что «оба эти элементы языка — предметно-логический и экспрессивно-эмоциональный — сосуществуют относительно независимо друг от друга (хотя и могут пересекаться и совпадать), и — самое главное — в своем развитии (а также и функционировании) они могут подчиняться разным закономерностям» [28]. Говоря об относительной независимости этих элементов, В. А. Звегинцев не отрицает, следовательно, какой-то их взаимосвязи, которая, нужно полагать, относится именно к смысловой стороне слова. Видимо, бесспорно, что «экспрессивно-стилистическая окраска» слова — это не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается смысл, связанный с данным звуковым комплексом.

Трудно в настоящее время усомниться в необходимости различения «предметно-логического» содержания слова и его экспрессивно-стилистической окраски, а также в необходимости отграничения случаев индивидуального и контекстного экспрессивно-стилистического употребления слова от устойчиво закрепленных за ним экспрессивно-стилистических функций. Однако вряд ли реально рассматривать последние независимо от предметного значения слова; почти столь же нереально, в конечном счете, изучение значений слова без учета возможностей его применения, т. е. его стилистического диапазона. Сказать, что, например, глаголы *грясти* и *шествовать* или *дезавуировать*, *денонсировать* и т. п. имеют такие-то значения без определения их стилистической роли, это значит по существу отказаться именно от их семантического определения, подменив его приблизительной формулой предметно-понятийных сопоставлений. Не

[27] К. О. Erdmann. Die Bedeutung des Wortes. Aufl. 4. Leipzig, 1925, стр. 107.

[28] В. А. Звегинцев. Семасиология. Изд. МГУ, 1957, стр. 185.

говоря уже о том, что экспрессивно-стилистические элементы слова всегда известным образом окрашивают и самое восприятие его смысла, они влияют и на его соотношение с другими лексико-семантическими единицами языка, т. е. небезразличны для структуры тех семантических рядов, в которые входит данное слово.

По-видимому, наиболее целесообразно, говоря о «лексическом значении», включать в это понятие только те экспрессивные элементы, которые устойчиво и однозначно характеризуют самое явление, которое отображает слово (*кляча, донос, гордыня, хлипкий, уплетать* и т. п.), не включая в него тех стилистических элементов, которые характеризуют стиль и назначение речи или говорящих (архаизмы, диалектизмы, профессионализмы и т. д.) При этом не нужно забывать и об известной «взаимопроницаемости» этих компонентов внутреннего содержания слова и возможном перераспределении их функций в определенных контекстах.

В. А. Звегинцев прав в том, что при рассмотрении изменений, происходящих в семантической структуре слов, мы обнаруживаем определенную зависимость направления этих изменений от общей экспрессивно-эмоциональной значимости соответствующих слов, так же как и от стилистической прикрепленности. Например, *баловати* в древнерусском языке значило «врачевать, лечить» (*балии* — «врач»), также «заговаривать» (ср. *баяти* — «рассказывать басни, выдумки», *обаяние*). Можно полагать, что выдвижение эмоционально-оценочных моментов как существенных для осмысления слова (в конечном счете, обусловленных оценкой самих обозначаемых действий) и явилось причиной изменения его лексического значения. Существительное *дрязга*, значившее в древнерусском «густой лес» (типичны словосочетания, вроде «дьбри и дрязги» и т. п.), могло приобрести современное значение в силу его именно эмоционально-образного осмысления. Слово *вертеп* развило свое значение из первоначального «пещера», которое не имело отрицательной окраски (ср. в «Похвале Феодосию» — «о святых отцах», которые «вселишася в горы и *въртъпы* и в пещеры земныя»). Выдвижение на первый план первоначально несущественного элемента значения слова («пещера» — как «скрытое место») в связи с изменившимися контекстами его употребления обусловило и его окончательное

образное переосмысление (в «Толковом словаре...» под ред. Д. Н. Ушакова современное значение слова раскрывается так: «притон, место разврата и преступлений»).

Появление в семантике слова эмоционально-оценочных элементов, если они устойчиво закрепляются за словом, приводит к более или менее заметным сдвигам в его соотношении с другими словами и, как неизбежный результат, к изменению его собственной семантической структуры. Можно вспомнить об истории глагола *разорить* в русском языке. В древнейших текстах ему присуще значение «разрушить, уничтожить, отвергнуть», которое приложимо к разнообразным действиям, как к тем, которым дается отрицательная оценка, так и к тем, которые оцениваются положительно, например *разорити идолы, вражду, ересь, козни* и т. д.; ср. в «Житии» протопопа Аввакума (XVII в.): «всяко тщится *разорити* и обличати неправду». Употребление слова применительно к ситуациям, в которых «разорение» должно было восприниматься с отрицательной стороны, с течением времени оказалось преобладающим. Одновременно происходило семантическое отмежевание глагола от других глаголов, употреблявшихся параллельно с ним (*разрушить* и т. д.), также и в отношении охватываемых действием объектов. Глагол стал служить главным образом для обозначения таких действий, которые выражались в разрушении материальных ценностей. Отсюда появилась возможность метонимического применения слова и последовало выдвижение на первый план значения «разрушить чье-нибудь материальное благополучие, довести до нищеты», которое и фиксируется в словарях современного русского языка как п е р в о е значение глагола *разорить*.

Перераспределение элементов значения слова в ряде случаев является очевидным следствием изменения роли тех ассоциативных «оттенков значения», которые сопутствуют слову при его разнообразном употреблении. Становясь существенными семантическими признаками слова, некоторые из этих «оттенков» в дальнейшем могут приобретать главенствующее положение в семантической структуре слова. Показательно в этом плане семантическое расхождение в современном языке ряда близких по словообразовательной форме слов, как, например, *усвоить* и *присвоить*, имевших первоначально значение «сделать своим», «присоединить».

В качестве существенного семантического признака первого из них закрепилось отношение к «нематериальным» объектам, в качестве существенного признака второго — указание на произвольность, «незаконность» действия (при отражении предшествующей семантики этих слов в их фразеологически связанных и стилистически ограниченных значениях, проявляющихся в такого рода словосочетаниях, как *присвоить звание, присвоить имя* и организм *усвоит пищу* и т. п.).

7. Значимым в слове является не только его «предметное» значение (понятийное содержание), но и его экспрессивно-стилистическая окраска в широком смысле.

Отбор и сочетание слов, естественно, производится в зависимости от того, что хочет сообщить говорящий, а следовательно, в зависимости от способности слов и их сочетаний передать нужную информацию. Поэтому отбор, как и сочетание слов, всегда определяются не только задачами непосредственной передачи информации, но и в какой-то мере теми условиями, той ситуацией, в которых делается сообщение, так же как и назначением данного сообщения. Наряду с парадигмами, в которых слова противопоставлены по каким-то предметно-смысловым признакам, выделяются стилистические парадигмы.

Слова, образующие стилистические парадигмы, обозначают одни и те же «отрезки действительности» и, следовательно, взаимозаменимы с точки зрения их способности указывать на те же предметы и явления действительности. Но они противопоставлены на другом — стилистическом — уровне и, следовательно, не являются взаимозаменимыми с точки зрения их экспрессивно-стилистической значимости. Например, слова *лентяй* и *лежебок* имеют, конечно, то же «предметное» значение, но одно из них характеризуется как разговорное, другое как книжное. Стилистически нейтрального соответствия этим словам нет [29]. Нейтральному *умереть* противостоят разго-

[29] Правильным представляется следующее замечание М. В. Панова: «Слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда имеют синоним в нейтральном. Но те лексические единицы, которые лишь слегка окрашены стилистически, у которых чуть брезжит стилистический отсвет, могут и не иметь такого двойника». См.: М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики). «Развитие современного русского языка». М., 1963.— Отсутствие «нейтральных двойников» может быть связано с эмоционально-оценочным содержанием слова, придающим последнему определенную стилистическую окраску.

ворное *помереть* (вульгарное *загнуться* и т. п.) и книжное *скончаться;* нейтральному *теперь* — разговорное *нынче* и книжное *ныне*; нейтральному *помогать* — разговорно-просторечное *пособлять* и книжное *содействовать* и т. п. Ясно ощутима стилистическая значимость таких противопоставлений, как *глаза — очи, лоб — чело, будущий — грядущий, ребенок — дитя* и т. д.

В ряде случаев стилистическая дифференциация слов связана с их функциональной дифференциацией. В рассказе И. Горбунова «Общее собрание общества прикосновения к чуждой собственности» находим такой диалог: « — Ну, *стащил*, это верно.— В терминологии нашей юстиции нет слова *стащил*.— Ну, можно нежнее сказать: *украл*». Ср. нейтральное *жена* и книжное (и в то же время официальное) *супруга* и т. п.

В фельетоне В. Карбовской («Крокодил», 1962, № 20) приводится следующий разговор «руководящего работника» с женой: — Вот тоже насчет «*кушать*» полемика разыгралась.— Ххосподи! То насчет «выпить», теперь насчет «кушать» — прямо ни охнуть, ни вздохнуть! А в каком смысле? — В том смысле, что лично про себя нужно употреблять слова «*я ем*», а не «*я кушаю*», чтоб не было к самому себе слишком слащаво и уважительно. А еще «*я пришел*», а не «*я прибыл*».

Хорошо известно, что стилистическая характеристика, которая дается различными исследователями отдельным явлениям русского языка, нередко оказывается спорной и противоречивой. Это объясняется не только сложностью самого материала, но и отсутствием общепринятого понимания задач стилистики, неопределенностью даже исходных стилистических категорий. Самый термин «стилистический» (а также «стилистически окрашенный», теперь и «стилистически маркированный») применяется к самым различным по своей природе фактам языка и речи. Иногда как синоним употребляется термин «экспрессивный» (или «экспрессивно-стилистический»).

Под стилистически окрашенными понимаются, во-первых, такие слова (также формы слов и словосочетаний), которые ограничены в своем употреблении только определенными видами или формами речевого общения; например, слово *вышеизложенный* характерно только для научной и официально-деловой речи, *системность* — для специальной научной, *во исполнение* — для официально-

деловой, *чушь* — для разговорной и т. д. Этим словам противостоят нейтральные, т. е. употребительные в любых условиях речевого общения.

Во-вторых, под стилистически окрашенными понимаются слова, которые противостоят нейтральным как их стилистические синонимы, употребительные, с одной стороны, в «высокой», с другой — в «сниженной» речи (так называемые книжные и разговорные слова); ср. «нейтральные» *теперь, голова, лицо, напрасно* и такие их синонимы, как *ныне — нынче, глава — башка, лик — рожа, тщетно — зря*. Накопец, стилистически окрашенными, или стилистически маркированными, называют языковые средства, находящиеся за пределами литературной нормы (диалектизмы, просторечные или жаргонные элементы языка и т. д.).

Дифференциация языковых средств в зависимости от их прикрепленности к определенным видам речевого общения (отграниченным тематически) обусловливает выделение так называемых функциональных стилей языка. Среди других функциональных стилей, таких, как научный, официально-деловой, публицистический, часто называется и «стиль художественной литературы». Однако явная несоотносительность языка художественной литературы с другими разновидностями литературного языка заставляет усомниться в целесообразности их объединения в одном ряду функциональных стилей. Можно полностью согласиться с В. Д. Левиным в том, что язык современной художественной литературы «не представляет собой системы стилистически однородных явлений... и принципиально лишен всякой стилистической замкнутости» [30].

В отличие от других функциональных стилей, для каждого из которых именно характерно, с одной стороны, употребление каких-то особых, проявляющихся только в данном стиле языковых средств, с другой — неупотребление ряда средств, обладающих иной стилистической прикрепленностью, язык художественной литературы является специфическим отражением всего общенародного языка со всеми его стилистическими ответвлениями. Как правильно отмечает В. Д. Левин, «специфику языка

[30] В. Д. Левин. О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка. «Вопросы культуры речи», вып. I. М., 1955, стр. 68.

современной художественной литературы нельзя искать в самом языковом материале, так как материалом этим является весь язык во всем богатстве своих смысловых и выразительных средств, вся его широко разветвленная стилистическая система. Специфика эта определяется эстетической функцией, присущей языку художественной литературы, наряду с общей и основной функцией языка — быть средством общения, т. е. функцией коммуникативной»[31].

Являясь проницаемым для элементов различных стилистических пластов, для элементов различных функциональных стилей, язык художественной литературы тем не менее отчетливо сохраняет свое своеобразие. Оно обусловливается его собственной функцией — быть формой образного содержания литературно-художественных произведений, функцией, которая, как нетрудно заметить, совершенно не соотносительна с функциями, выполняемыми языком при других видах общения[32].

Среди элементов языка, обозначаемых как экспрессивные, нужно разграничивать: во-первых, те, которые характеризуют эмоциональное состояние говорящего или его отношение к предмету сообщения (или направлены на то, чтобы эмоционально воздействовать на собеседника); во-вторых, те, которые характеризуют самого говорящего с языковой точки зрения. В первом случае можно говорить о (собственно) экспрессивных, во втором — о характерологических средствах языка.

Характерологичность проявляется независимо от намерения говорящего. Например, употребление им определенных слов и оборотов может свидетельствовать о его

---

[31] Там же, стр. 77.

[32] Понятно, что стилистическая «замкнутость» определенных групп слов не ограничивает, а, напротив, расширяет выразительные возможности писателя. Поэтому совершенно беспочвенными являются, например, выступления писателя А. Югова, наивно связывающего стандартность, невыразительность языка художественных произведений с лексикографической практикой нашего времени, основанной на понятии литературной нормы. По какому-то странному заблуждению А. Югов видит в словарных стилистических пометах чуть ли не источник всех зол. В статье «Эпоха и языковой „пятачок"» («Лит. газ.», 15 и 17 янв. 1959 г.) он заявляет: «У нас вошло в дурной лексикографический обычай пятнать словарь русского народа неодобрительными и даже прямо запретительными пометами: «просторечие», «областное»,

социальной или профессиональной принадлежности: ср.: — Вы со мной? — спросил Палтусов.— А вы *нешто* забыли? — «*Нешто*» резнуло его по уху. Никогда она не смахивала так на купчиху (Боборыкин, Китайгород); Его фамилия Фарбер. По-видимому, из интеллигентов — «*видите ли*», «*собственно говоря*», «*я не склонен думать*» (В. Некрасов, В окопах Сталинграда) и т. п.

Характерологическая значимость может быть присуща словам в каких-то определенных значениях, например: Гребу смело к пароходу. Вдруг оттуда голос: — Кто едет? — Ну думаю, это береговой — флотский крикнул бы: «*Кто гребет*?» (Житков, Компас).

В конкретных условиях речевого общения стилистические, экспрессивные и характерологические функции слов, конечно, могут сложно переплетаться и видоизменяться. Это преобразование бывает вызвано различными причинами. Ср., например, такие случаи: — *Дитё*,— отвечает ему ямщик, — *дитё* плачет. — И поражает Митю то, что он сказал по своему, по-мужицки: «*дитё*», а не дитя. И ему нравится, что мужик сказал *дитё*: жалости будто больше (Достоевский, Братья Карамазовы); — Имею честь *поздравить* — начинают прибывать «красные маршалы», — сказал он, подчеркивая и этим ударением и словом «*поздравить*» свое сочувствие основоположнику (Соболев, Первый слушатель). В первом примере — субъективное восприятие характерологических особенностей речи как экспрессивных; во втором — их намеренное использование в экспрессивных целях. В тексте художественного произведения всегда происходит закономерное перераспределение экспрессивных и характерологических речевых показателей. Характерологическая значимость слова используется в экспрессивных целях, и, наоборот, экспрессивные средства языка в какой-то мере получают и характерологическую значимость.

«разговорное», «устарелое»; а еще, когда речь идет о каких-либо орудиях труда, то в большом ходу помета: спец., то есть «специальное». Автор статьи считает, что «надо быть решительно тугим на ухо в русском языке», чтобы снабжать подобными пометами слова *авось, позариться, пожива, подмацивать, подмоклый, понабрать, понавидаться, прясло, пособить, беремя, трухляветь, хлебать* и др. Прежде всего здесь сказывается, конечно, непонимание того, что «литературный язык» не тождествен «языку художественной литературы».

О понятии фразеологии

*

1. Будучи основной номинативной единицей языка, слово, независимо от его семантической «сложности» (ср. *подниматься* и *карабкаться*, *лес* и *чащоба* и т. п.), обозначает какой-то отрезок действительности как нечто отдельное и целостное. В отличие от слова сочетание слов соответствует расчлененному отображению явлений действительности, опять-таки независимо от их внутренней реальной слитности и нечленимости (ср. *быстро двигаться* и *мчаться* и т. п.). Идиоматичность слова и мотивированность словосочетания, — одно из важнейших свойств организации языка как знаковой системы. Однако, как хорошо известно, в языке постоянно отмечаются такие словосочетания, которые противоречат указанному принципу. Эти словосочетания обычно оцениваются как фразеологические, или фразеологически связанные.

Изучение фразеологии, хотя и началось сравнительно недавно, достигло в настоящее время таких масштабов, что не без основания выделяется в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Ниже мы сможем остановиться только на тех вопросах, которые непосредственно связаны с теми особенностями системной организации лексики, которые были рассмотрены в предыдущих разделах и которые, как нам кажется, должны быть учтены и при решении проблем самой фразеологии.

К настоящему времени описан фразеологический состав многих произведений литературы, изучены грамматические и стилистические свойства разных групп фразеологизмов, высказаны самые разнообразные соображения о критериях их выделения и классификации, наконец, составлены и вышли в свет фразеологические словари русского и ряда других языков. Вместе с тем и объем фразеологии, и ее структура понимаются разными автора-

ми настолько различно, что трудно ожидать, чтобы вскоре уже были найдены какие-то бесспорные доводы в пользу той или иной точки зрения. Поэтому одной из наиболее актуальных задач в области фразеологии в настоящее время представляется определение самого понятия «фразеологической связанности».

2. Легко заметить, что различные группы фразеологизмов выделены на основании неоднородных признаков. Понятно в связи с этим стремление ряда исследователей строже определить границы того, что они считают фразеологией, оставив за ее пределами такие словосочетания, которые не отвечают выдвигаемым критериям. Так, словосочетаниям, которые многими вслед за В. В. Виноградовым называются «фразеологическими сочетаниями», не присуща «семантическая нерасчлененность значения», поэтому, если указание на «нерасчлененность значения» входит в определение фразеологии, естественно, эти словосочетания не могут быть в нее включены. Были высказаны и соображения о том, что «совмещение в слове хотя бы двух значений автоматически превращает каждое из них в несвободное, контекстуально связанное» [1]. Если фразеологизмы определяются как словосочетания, значение которых не мотивировано значением образующих их слов, за пределами фразеологии должны остаться многие так называемые составные наименования, выступающие в качестве «эквивалентов слова» и т. д.

Приходится признать, что самые понятия «нерасчлененности значения», «семантической целостности», «эквивалентности слову», так же как «мотивированности» и «немотивированности» и т. д. не определены с достаточной убедительностью.

Действительно, что значит, что словосочетание обладает «нерасчлененным значением» или «семантической целостностью»? Если мы подразумеваем под этим то, что словосочетание выражает «одно понятие», мы тотчас же оказываемся перед лицом почти неразрешимых на лингвистическом уровне трудностей, так как у нас по существу нет никаких оснований считать, что скажем, *змея подколодная* обозначает одно понятие (так же, как и *змея* в

---

[1] Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963, стр. 32.

том же значении, ср. «Не человек, *змея*!»), а *большой хитрец* («Он был ловкий придворный, *большой хитрец* и больше ничего...» — Тургенев), *страшный хитрюга* и т. п. — два понятия или что *хитрец* обозначает одно понятие, а *коварный человек* (ср. невозможность соответствующего суффиксального образования) — два. Ясно, что ссылка на закрепленность понятия в значении отдельного слова никак не может помочь делу, так как речь идет как раз о сочетаниях слов, что же касается семантической сложности различных слов, то она явно неодинакова: ср. *лошадь* и *кляча* («плохая лошадь»), *идти* и *плестись* («медленно идти»), *большой* и *чрезмерный* («слишком большой»); *брат жены* и *шурин*, *писатель* и *автор прозаических произведений; канифолить смычок* и *смазывать канифолью смычок*, *столярничать* и *заниматься столярными поделками* и т. д. и т. п. Следовательно, семантическая «нерасчлененность» слова не может быть соотнесена с его семантической «элементарностью» или со словообразовательной нерасчленимостью. Мы говорим о целостности, «нерасчлененности» значения отдельного слова, исходя именно из того, что это отдельное слово, а о расчленимости значения словосочетания, исходя из того, что это сочетание отдельных слов. Таким образом, когда мы дальше утверждаем, что такое-то словосочетание характеризуется семантической нерасчленимостью, а поэтому оно эквивалентно слову, в связи с чем и должно быть признано фразеологическим, — мы попросту выдаем за определение то, что как раз собирались определить, или же выдавая «эквивалентность слова», «лексичность значения» фразеологизма за его основной признак, на самом деле исходим из каких-то других признаков.

Одним из таких признаков является «немотивированность значения» (идиоматичность) фразеологизма. Но здесь опять-таки возникают затруднения разного рода. Во-первых, неясно, как на основании признака семантической немотивированности можно отнести к фразеологии и мотивированные словосочетания вроде *потупить глаза* и *таращить глаза* (неясно, почему словосочетание *потупить глаза* ближе к немотивированным словосочетаниям, чем *опустить глаза* — скорее как раз наоборот). Во-вторых, оказывается не только неопределенным, но и противоречивым само понятие немотивированности. Что, собст-

венно, мы имеем в виду, говоря, что немотивированными являются словосочетания, общее значение которых не вытекает из значения входящих в них слов? Если то, что словосочетание может иметь и какое-то еще значение (которое «вытекает» из значения слов), то мы никак не должны считать немотивированными словосочетания вроде *бить баклуши, камень преткновения, охулки на руку не положит* и т. п. Напротив, их значение должно быть признано полностью мотивированным, так как в данных сочетаниях слова не могут иметь иного значения, чем то, из которого и вытекает значение целого. Если же, говоря о немотивированности, иметь в виду то, что значение какого-то словосочетания не может быть выведено из тех значений отдельных слов, которые отмечены и в других словосочетаниях (ср. *бить жену, детей...; бить стекла, посуду..., бить в колокол, в доску...* и т. п. при уникальности значения *бить баклуши*), то мы опять-таки наталкиваемся на трудности, так как общее «образное» значение целого ряда фразеологизмов никак не противоречит возможному образному применению отдельных входящих в них слов (ср. *тянуть канитель* и под.).

С другой стороны, значительная часть фразеологического состава языка состоит из таких словосочетаний, которые характеризуются «мотивированностью» своего значения,— но не значениями отдельных компонентов, взятых в их относительно свободных значениях, а «буквальным» значением целого (ср. *сидеть между двух стульев, становиться поперек горла, положить на обе лопатки* и т. д. и т. п.). Ясно, что можно с равным успехом говорить о мотивированности или немотивированности таких словосочетаний, смотря какой смысл мы будем вкладывать в эти понятия. Многим фразеологам представляется поэтому более уместным рассматривать подобные словосочетания вообще не с точки зрения их мотивированности — немотивированности, а с точки зрения «образности», нередко образность («метафоризация» и т. п.) и расценивается как основной или один из основных признаков фразеологизмов. Однако в таком случае объем фразеологии приходится значительно сузить — не только за счет всевозможных лексикализованных словосочетаний и стандартных выражений, заведомо лишенных образности, но и за счет целого ряда таких словосочетаний, которые трудно рассматривать как образные (ср.

сбить с панталыку и т. д.), но которые неизменно признаются фразеологическими.

В общем очевидно, что если для определения и выделения приблизительно того же самого множества словосочетаний выдвигаются совершенно различные признаки, которые во многом не соотносительны друг с другом и которые по-разному и в разных направлениях то сужают, то расширяют границы этого множества, — то, следовательно, или эти признаки описываются не совсем точно, или самое понятие «фразеологичности» в том виде, в каком оно сложилось к настоящему времени, внутренне противоречиво.

Однако как бы мы ни переосмысливали это понятие, остается несомненным, что словосочетания, причисляемые на разных основаниях к фразеологизмам, при всех своих различиях, имеют и что-то общее, что и заставляет нас объединять их, противопоставляя свободным словосочетаниям. По-видимому, общим для всех них и является только то, что они как-то противостоят «свободным» словосочетаниям, т. е. их «связанность».

Понятно, что в таком случае объединить эти словосочетания на основе более определенных признаков, чем общий признак «связанности», невозможно. Невозможно и дать единое основание для их классификации, поскольку источники «связанности» здесь различны. Следовательно, нужно прежде всего точнее установить самый характер «связанности» для разных групп словосочетаний.

3. Как отмечалось выше, языковые единицы всех уровней характеризуются п а р а д и г м а т и ч е с к и м и и с и н т а г м а т и ч е с к и м и отношениями, в которых они находятся как единицы языка. В отличие от односторонних единиц (фонем), единицы лексики имеют и т р е т ь е и з м е р е н и е, обусловленное тем, что они существуют как обозначения чего-то вне самих себя, т. е. имеют значения. Способ представления значения в каждой данной единице определяет ее внутреннюю форму и тем самым третий вид связей данной единицы с другими единицами.

Объединяясь в речи в соответствии со своими значениями, слова образуют словосочетания, представляющие собой реализацию того или иного синтаксического образца, или схемы конструкции. Именно последние закреплены в языке, следовательно, находятся в определен-

ных парадигматических отношениях друг с другом. Понятно, что это отношения уже иного рода, чем отношения между словами, это отношения между синтаксическими единицами, образующими синтаксические парадигмы. Парадигматическое же значение конкретного словосочетания — как синтаксической единицы — определяется его соответствием определенной схеме конструкции.

Однако парадигматическое значение целого ряда словосочетаний определяется не соответствием той или иной схеме конструкции, а их принадлежностью к различным лексическим парадигмам. В этом смысле они являются парадигматически связанными. Например, в ряду слов, обозначающих родственные отношения, оказываются такие составные наименования, как *двоюродный брат, двоюродная сестра*. Парадигматическая связанность этих обозначений определяется не их семантической «нерасчленимостью» — ее у них нет (ср.— Это твой родной брат? — Нет, *двоюродный*),— а тем, что они занимают вполне определенные клеточки соответствующей лексической «матрицы»: *отец — мать — сын — дочь — брат — сестра; дядя — тетка — племянник — племянница — двоюродный брат — двоюродная сестра*. Ср. *белый гриб* среди названий других грибов (*березовик, опенок* и т. д.). Семантическая «слитность» составных наименований может быть различной, ср. названия растений типа *гвоздичное дерево, конский щавель, волчьи ягоды, медвежий корень, медвежье ухо, львиный зев, куриная слепота, анютины глазки* и т. д.; понятно, что *медвежье ухо* представляется более слитным, чем *медвежий корень*, а сочетание *медвежий корень* в свою очередь, менее «членимо», чем такие наименования, как *белый гриб, волчьи ягоды* и под., которые в самом своем составе заключают «родовое» обозначение (грибы, ягоды). Парадигматический ряд, отражающий родо-видовые соотношения обозначаемых предметов, во многих случаях вообще построен именно на таком (специфическом в каждом случае) «расчленении» «родового» обозначения: *смородина*: *черная* — — *красная*; *хлеб*: *белый* — *черный* и т. п.

В некоторых случаях можно говорить о принципиальной незамкнутости соответствующего ряда, ср. названия министерств (*Министерство обороны, Министерство иностранных дел* и т. д., вновь образуемое министерство получает наименование, созданное по тому же образцу).

Легко заметить, что среди наименований различных организаций, учреждений, официальных документов и т. д. значительное место принадлежит именно составным наименованиям: *адресный стол, биржа труда, касса взаимопомощи, нотариальная контора, дом отдыха, аттестат зрелости, больничный лист, выходное пособие, гербовый сбор* и т. д. и т. п.

Мотивированность, так же как и семантическая членимость подобных наименований, неодинакова. Разумеется, неодинакова и их парадигматическая обусловленность в том или ином ряду соотносительных с ними наименований (так же, как и соответствующих однословных обозначений). Однако их парадигматическая «связанность» заключается не в характере или степени прикрепленности к определенному парадигматическому ряду, а в том, что они вообще остаются на уровне лексических отношений, на уровне лексической парадигматики. Этим и определяется их «эквивалентность слову». Понятно, что парадигматическая закрепленность всегда предполагает стабильность и регулярную воспроизводимость соответствующих обозначений, поэтому сама по себе смысловая равнозначность отдельного слова и словосочетания никак не предопределяет языковой «статус» последнего.

3. Целый ряд словосочетаний характеризуется тем, что связь между их компонентами является детерминированной: один из компонентов словосочетания невозможен вне определенного лексического окружения. Таковы, например, слова *проселочный* (проселочная дорога), *торный* (торная дорога, торный путь), *окладистый* (окладистая борода), *писчий* (писчая бумага), *кромешный* (кромешный ад, кромешный мрак, кромешная тьма), *закадычный* (друг), *заклятый* (враг), *вперить* (глаза, взгляд, взор, очи), *воздеть* (руки), *вменить* (в вину, в заслугу, в обязанность), *смежить* (глаза, очи, веки), *слезно* (просить, молить, умолять), *земно* (кланяться), *скоропостижно* (умереть, скончаться), *впросак* (попасть, попасться), *наотрез* (отказать, отказаться), *ни зги* (не видно,) *дотла* (сжечь, сгореть, уничтожить, разорить, проиграться) и т. п.

Фразеологически закрепленное слово сигнализирует об определенном словосочетании, т. е. словосочетание, в котором оно выступает, является синтагматически связанным. Это — связанность опять-таки не на синтаксическом,

а на лексическом уровне, связанным словосочетание является не как синтаксическая единица, а как сочетание конкретных слов, т. е. как единица лексическая.

Можно ли считать, что, поскольку фразеологически закрепленное слово неупотребительно вне фиксированных сочетаний, оно лишено собственного значения? Это значение, действительно, часто трудно определимо само по себе, так как оно как бы растворяется в значении целого. Но вместе с тем оно и отражает значение целого, в связи с чем слово потенциально сохраняет способность к разрушению своих синтагматических ограничений и проявлению «отраженного» значения в новых контекстах. Поэтому утверждения о «бессмысленности» таких слов не кажутся правильными. Именно эта часть цитированной выше характеристики фразеологизмов М. В. Панова, вызывает возражение: «Итак, если в единстве, состоящем из единиц АБ, смысловой элемент А не встречается в других единствах, то он теряет свое отдельное значение, свою индивидуальную семантичность, обессмысливается и сплавляется с другими в неразложимое фразеологическое целое». И дальше: «*Зга, кулички* — бессмысленны, так как встречаются лишь в одном контексте» [2]. Если бы это было так, были бы «бессмысленными» фразы «Не знаю, решена ль Загадка *зги* загробной» (Пастернак), «От этих лет не вспомнят *ни зги*», «Но нынче не время любовных *ляс*» (Маяковский), невозможны образования вроде *баклушничать* (ведь *баклуши* встречается только в сочетании *бить баклуши*, как *ляс* только в *точить ляс*ы, *ни зги* в *не видно ни зги*).

4. Многие фразеологи рассматривают синтагматически связанные словосочетания, подобные указанным выше, в одном ряду со словосочетаниями, в которых реализуются несвободные, фразеологически связанные значения слов (называя и те и другие, вслед за В. В. Виноградовым, «фразеологическими сочетаниями»). Другие, напротив, отказывают последним в «фразеологичности» на том основании, что проявление того или иного значения многозначного слова всегда зависит от контекста, т. е. является контекстно обусловленным. Можно ли считать, что поэтому противопоставление свободных и фразеоло-

[2] М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1956, стр. 51; стр. 143.

тически связанных значений слов не оправданно (ср. приведенное выше мнение Н. Н. Амосовой)?

Сопоставим такие примеры. Для глагола *идти* выделены среди других следующие значения: во-первых, согласно словарю Ожегова «двигаться, переступая ногами»; во-вторых, «отправляться, направляться куда-нибудь». В каком из этих значений выступает глагол, зависит от его окружения. В этом смысле можно сказать, что значения глагола являются контекстно обусловленными. Так, в словосочетаниях вроде *идти медленно, идти босиком, идти размеренным шагом, идти переваливаясь* и под. реализуется первое из указанных значений, в словосочетаниях вроде *идти на работу, идти в лес, идти гулять* и под. — второе. Понятно, что невозможно перечислить все лексические окружения, которые обусловливают проявление того или другого значения — это невозможно сделать не только потому, что круг соответствующих сочетаний неизмеримо велик, но и потому, что он вообще не ограничен и не замкнут чисто лексически. Можно лишь установить общие синтаксические и семантические условия, в которых эти значения реализуются.

В том же словаре выделено и такое значение этого глагола: «Об осадках: падать»[3]. Легко обнаружить, что данное значение реализуется вовсе не со всеми обозначениями осадков, которые могут «выпадать», как это можно было бы предположить на основании данного толкования, а только со словами *дождь, град* и *снег*. Это уже не семантическое, а чисто лексическое ограничение: значение привязано к строго очерченному ряду словосочетаний (они должны быть даны списком), в сочетании с другими, семантически близкими словами, даже синонимическими, но невозможно. Не говорят **идет роса*, **идут белые мухи* и т. п., в этом плане и различаются свободные и фразеологические связанные значения слов[4]. Ср.

[3] В четырехтомном академическом «Словаре русского языка» это значение определено так: «Лить, падать (об осадках)».

[4] В. В. Виноградов так иллюстрировал фразеологическую связанность значения: «Слово *брать* в значении: «овладевать, подвергать своему влиянию» и в применении к чувствам, настроениям — не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет* (...). Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т. п.» («Русский язык». М., Учпедгиз, 1947, стр. 86).

значение прилагательного *глубокий*, которое проявляется только в сочетании со словами *осень, ночь, старость* (*но не весна, вечер* и под.); значение прилагательного *волчий* — в сочетании *волчий аппетит*, прилагательного *бешеный* — в сочетании *бешеные деньги*, глагола *брать* — в сочетании со словами *направо, налево, правее, левее, прямо* и т. п.

Фразеологическая связанность какого-то (или каких-то) из значений многозначного слова обнаруживается только в словосочетании,— само по себе слово *идти* не требует сочетания со словами *дождь* или *снег*, так же, как слово *глубокий* со словами *ночь* или *осень*. Следовательно, самые словосочетания *снег идет, глубокая осень* и т. п. нельзя назвать синтагматически связанными, хотя один из их компонентов и выступает во «фразеологически связанном» значении. Вместе с тем эти словосочетания следует, по-видимому, рассматривать как деривационно связанные.

Значения производных слов являются деривационно связанными по отношению к значениям исходных слов (ср. *лесной* и *лес*), вторичные значения многозначных слов — деривационно связанными по отношению к исходным значениям. Когда в толковых словарях при некоторых словах дается вместо толкования указание на другое слово, вроде «*земной* — прилагательное к *земля* (в I значении)»,— это и показывает, что значение данного слова является «деривационно связанным». Точно так же, когда какие-то значения квалифицируются в словарях как «переносные», — это свидетельствует о том, что они воспринимаются в связи с другими значениями тех же слов, т. е. также являются деривационно связанными.

Деривационная связанность значения не обусловливает какой-либо связанности самого словосочетания, в котором выступает слово с данным значением. Какое из значений многозначного слова будет реализовано, зависит, действительно, от того, с какими словами будет сочетаться это слово — однако это семантическая, а не лексическая зависимость. Так, разные значения прилагательного *глубокий*, в том числе и деривационно связанные, реализуются в различных семантических синтагмах (ср. *глубокая река, глубокий овраг, глубокая рытвина* и т. п. и *глубокая натура, глубокие знания, глубокий ум, глубокая книга* и т. д.), но они не закреплены в определенных (лексически) сло-

восочетаниях. В противоположность этому значение прилагательного *глубокий* в словосочетаниях *глубокая ночь, глубокая осень, глубокая зима, глубокая старость* — ограничено именно этими словосочетаниями (не говорят: *глубокая весна, глубокий вечер, глубокий час* и т. п.), т. е. значение данных словосочетаний не является семантически мотивированным, каждое из них мотивировано как бы само по себе, в отдельности.

Понятно, что характер этой мотивированности в соответствии с этим для разных случаев различен; ср. *глубокий старик* в связи с *глубокая старость, медвежья услуга* в связи с переносным значением слова *медведь* (т. е., возможно, и независимо от фактического источника выражения — басни Крылова) и т. д.

Каждое из подобных словосочетаний имеет, следовательно, свою особую, индивидуальную внутреннюю форму. А это опять-таки свойство, делающее словосочетания похожими (в этом отношении) на слова, т. е. на единицы лексики.

Мотивированность на уровне слова — идет ли речь о значении производного слова или о производном значении — это всегда частичная мотивированность[5]. Это лишь некоторая зависимость значения от другого значения (деривационная «связанность» значения). Мотивированность на уровне сочетания слов — это, как правило, полная мотивированность, в этом сущность словосочетаний как таковых; словосочетания с «неполной» мотивированностью значения могут возникнуть только вследствие того, что словосочетание мотивировано какой-то не отраженной или неполно отраженной в нем ситуацией, или благодаря тому, что исходное (свободное) словосочетание подвергается переосмыслению. Новое значение словосочетания в таком случае мотивировано уже не непосредственно (не своим составом), а опосредствованно — отношением к исходному значению. Отношение это — зависимость, т. е. перед нами деривационно связанное значение словосочетания.

Кажется очевидным (хотя многие придерживаются прямо противоположного взгляда), что указанная за-

---

[5] «Между смыслом частей и смыслом целого получается зазор, люфт. Это о б ы ч н о для слова, это н о р м а для него» (М. В. П а п о в. Указ. соч., стр. 147).

висимость потенциально присуща всякому идиоматическому выражению. Ведь самое «ощущение немотивированности» возникает только благодаря соотнесению значения «фразеологического сращения» со значением аналогичного свободного словосочетания.

Показательно, что при отсутствии реальных аналогов среди свободных словосочетаний (ср. *без году неделя*) значение фразеологизма строится именно на мнимой возможности его буквального понимания (если отрицать это — смысл подобных фразеологизмов вообще утрачивается). Поэтому даже лишенные подлинной «внутренней формы» (с точки зрения синхронных внутриязыковых отношений) сращения, типа *бить баклуши*, представляются деривационно связанными в ряду с нулевым исходным элементом (субъективно, как показывают различные случаи употребления фразеологизма, этот «нуль» может подменяться разного рода ассоциативными «единицами»).

Возможное возражение: «внутренняя форма» тех или иных фразеологизмов не воспринимается, стерта, уводит в сторону от правильного понимания реального их значения — не является возражением. Ведь мы и у большей части слов ее «не ощущаем». Важно, есть она у слова или нет. Это и раскрывается словообразовательным анализом, а то, что «словообразовательное значение» почти никогда не равно лексическому значению слова, что оно может даже направлять по ложному пути осмысление слова,— хорошо известно.

Значение словосочетания *железная дорога* является в этом смысле деривационно связанным (при этом неважно, что внутренняя форма словосочетания «не ощущается»), а значение (также парадигматически связанного и, кроме того, синтагматически связанного) словосочетания *перочинный нож* не является деривационно связанным (понятно, что у слова *перочинный* самого по себе, напротив, значение связанное в деривационном отношении).

В последнее время часто говорят о том, что слова, входящие во фразеологизм, лишены лексического значения, что это вообще «не слова», а лишь «компоненты» фразеологизма. Можно было бы, по-видимому, не считаться с тем, что фразеологические словосочетания интуитивно воспринимаются нами как именно словосочетания со связанными («опосредствованно мотивированным») значением (можно было бы думать, что интуиция

нас обманывает и как раз, «отделавшись» от нее, мы подходим к пониманию существа фразеологизмов), если бы не то немаловажное обстоятельство, что сколь бы ни была затемнена «мотивированность» фразеологизма (мотивированность именно через исходное словосочетание), она никогда не стирается настолько, чтобы последний превратился в полностью «внесловесное» образование. В общем-то ведь дело не доходит до того, чтобы все компоненты фразеологизма стали никак не сопоставимы с «обычными» словами. Даже *ни зги, ни бельмеса, с панталыку* и т. п. отсвечивают для нас отраженным значением целого — именно как определенные формы слов (ср. *щец, дровец*). Совсем странно думать, что в выражениях *держать язык за зубами* или *прикусить язык* — слово *язык* лишено лексического значения или что это вообще не слово[6]. Самый характер и внутриязыкового варьирования фразеологизмов, не говоря об их нарочитом переиначивании в речи, указывает на вполне значимый образный стержень, лежащий в их основе.

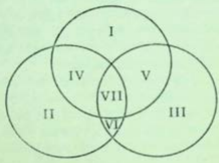
Из сказанного ясно, что степень мотивированности — немотивированности фразеологизмов, хотя ее учет и важен во многих отношениях, не рассматривается нами как решающий признак фразеологических объединений слов. Решающим признаком считается деривационная связан-

---

[6] Показательно, что в подтверждение того, что «словосочетание состоит из лексических единиц — слов — с их конкретными лексическими значениями, но в целом оно не образует единицы с лексическим значением, фразеологизм, наоборот, не состоит из лексических единиц — слов, но сам по себе является самостоятельной единицей языка с конкретным лексическим значением», предлагается сравнить следующие фразы: «Я хотел было завести разговор с моим ямщиком, но только что раскрыл рот, меня подбросило и *я прикусил язык* (Добролюбов, Внутреннее обозрение) и: Кто-то из молодежи, сославшись на традицию, предложил «обмыть» нового токаря, но мастер посмотрел на знатока традиций так, что тот сразу *прикусил язык* (И. Соловьев, Будни милиции) (см.: А. И. Молотков. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. «Фразеологический словарь русского языка». М., 1967, стр. 9). Между тем очевидно, что и в первом примере налицо фразеологическое значение словосочетания, которому дана только «внешняя мотивировка», придающая фразе нарочитую двусмысленность (вообще характерный для многих писателей того времени прием).

ность их значения (соответственно неполная, в отличие от свободных словосочетаний, мотивированность).

5. Парадигматические, синтагматические и деривационные значения единиц лексики сами по себе не являются независимыми друг от друга. Вместе с тем семантическая связанность словосочетаний в каждом из указанных планов может быть установлена независимо. Таким образом, каждый вид «связанных» словосочетаний имеет свою собственную характеристику. Однако ряды соответствующих словосочетаний, как это можно было заметить уже из приводимых примеров, оказываются в значительной части пересекающимися. Определив эти пересечения, мы получаем строго разграниченные типы фразеологических словосочетаний, что может быть представлено в схеме:

где I — парадигматическая связанность (П); II — синтагматическая связанность (С); III — деривационная связанность (Д); IV — VII — сочетание этих видов связанности в разных группах фразеологических единиц.

Выделенные в схеме типы фразеологических сочетаний слов могут быть пояснены примерами.

I (П): *подъемный кран, стиральная машина, запасные части, единицы оборудования, сделать замечание, вступить в должность;*

II (С): *закадычный друг, обложной дождь, проливной дождь, кружной путь (дорога), спертый воздух, воздеть руки, насупить брови, смежить глаза (веки), земно кланяться, курить взатяжку, во сто (много) крат;*

III (Д): *глубокий старик, медвежья услуга, собачий холод, хранить молчание (спокойствие), обдать презрением, читать нотацию (нравоучение), пороть чушь (вздор, ерунду), влюбиться по уши, реветь белугой;*

IV (П+С): *подзорная труба, грецкий орех, перочинный нож, оказать помощь* (*содействие, поддержку, услуги*);

V (П + Д): *железная дорога, волшебный фонарь, головной убор, тянуть лямку, заливаться соловьем, мозолить глаза, лодыря гонять, зашибить дрозда, плыть по течению, смотреть сквозь пальцы;*

VI (С + Д): *беспробудное пьянство, черный как смоль, ни зги не видно, орать* (*кричать*) *во всю ивановскую, позарез нужно;*

VII (П + С + Д): *краеугольный камень, камень преткновения, змея подколодная, темна вода во облацех, бить баклуши, точить лясы, поставить вупик, вскружить голову, замолвить словечко, со скрежетом зубовным, вверх тормашками, быльем поросло.*

Предлагаемая схема[7] — при всех возможных неточностях и ошибках в квалификации тех или иных конкретных фразеологизмов — обладает, как кажется, по крайней мере, тем преимуществом, что она охватывает весь или почти весь традиционный материал фразеологии, не навязывая ему ложного «единого критерия» классификации и не подчиняя его априорной характеристике того, что «должно» считаться фразеологией. Вместе с тем эта схема дает возможность последовательно и единообразно соотнести фразеологическое словосочетание со словом и свободным словосочетанием. Естественно, она никак не заменяет других классификаций, отражающих структурно-грамматические, стилистические и т. д. особенности разных типов фразеологизмов.

---

[7] Схема представляет собой уточнение классификации фразеологизмов в нашей книге «Очерки по семасиологии русского языка» (М., 1964, стр. 220 и сл.).

Заключение

*

В лексикологии, пожалуй, больше, чем в каком-либо другом разделе науки о языке, дает о себе знать своеобразная «лингвистическая мифология». Некоторые понятия, такие, например, как многозначность, омонимия, синонимия, фразеологичность и т. п., приобрели здесь отчасти как бы самостоятельное существование, не вполне зависящее от тех реальных языковых явлений, к которым они могли бы относиться. Утверждения, вроде «неправильно считать синонимами такие-то слова», «нельзя относить к фразеологии то-то», «ошибочно определять многозначность так-то» и т. п., показывают, что указанные понятия рассматриваются иногда как уже однозначно отграниченные в самом языке данности (наподобие, например, конкретным словоформам) и дело не в том, чтобы наблюдаемые явления языка соотнести с конструируемыми нами на основе обобщений и дефиниций категориями, а в том, чтобы отыскать непреложные признаки данных категорий и «правильно» описать их, что пока, к сожалению, никому не удавалось.

Но в языке нет в уже отграниченном виде этих признаков. В языке есть факты, которые мы можем считать целесообразным объединить (на основе устанавливаемых нами самими критериев) и рассматривать как синонимы, омонимы и т. д. О целесообразности рассмотрения языкового материала с точки зрения названных категорий свидетельствует давняя и устойчивая традиция выделения всех этих явлений, которая, однако, отчасти и привела к тому, что для нас, лингвистов, они стали и привычными, и трудноопределяемыми. Между тем очевидно, что задача, например, истолкования семантического содержания реально существующих в языке слов и задача распределения этого содержания по «значениям» — уже принципиально различные задачи. При решении первой из них мы должны прежде всего исходить из правил употребления слов, из возможности их применения для

обозначения тех или иных предметов и явлений действительности, при решении же второй задачи речевой узус, правила употребления слов в речи, способность слов служить обозначениями тех или иных денотатов — в общем недостаточны, так как мы должны исходить еще из некоторого *определения* понятия «значения», определения, которое не дано языком, а которое мы должны дать сами, опираясь на то, что реально наблюдается нами в языке (и при этом учитывая очень разнообразные и часто как будто противоречивые факты).

Иначе говоря, истолковать значения слов *стол*, *ходить*, *добрый* и т. д. может оказаться тоже трудной задачей, но все же решение этой задачи в одном случае окажется более правильным, в другом — менее правильным; распределение же семантического содержания слова по значениям, выделение омонимов, синонимов и т. д. не может быть само по себе безошибочным или ошибочным, оно может быть противоречивым или непротиворечивым, целесообразным (с точки зрения адекватности отражения языковых фактов) или нецелесообразным, соответствующим устанавливаемым критериям или нет. Привычность для нас понятий многозначности, омонимии, синонимичности, идиоматичности и т. п. приводит к тому, что любое их определение кажется как будто недостаточным, поскольку оно не вполне соответствует тем довольно устойчивым, но не вполне отчетливым представлениям, которые постепенно складывались у нас об этих категориях.

Решительный пересмотр ряда неопределенных понятий «традиционной» лингвистики в настоящее время приводит к отказу и от некоторых лексикологических «мифов», в том числе подобных вышеуказанным. Однако, думается, может быть найден и другой путь преодоления их недостаточной определенности — попытка их «критического прочтения», попытка, по-видимому, оправданная соображениями о том, что в этих «мифах» в общем-то отражены существенные особенности самой лексики. По такому пути и стремился идти автор настоящей работы.

В практике лексикографического описания словарного состава языка давно проводится разграничение явлений многозначности и омонимии. Это разграничение представляется важным и в теоретическом плане, и, хотя многое здесь продолжает оставаться спорным, *презумпция тождества* слова, основанная на материальной тож-

дественности знака, представляется решающим принципом данного разграничения.

Выделение различных значений слова диктуется, думается, не только практическими потребностями лексикографии, но и соображениями общего характера, опирающимися на непосредственные наблюдения над соотношением различных обозначений друг с другом. Отсутствие объективных и общепризнанных критериев разграничения значений не в последнюю очередь является следствием того, что семантическая организация различных групп слов пока еще очень мало изучена. Отдельные значения, независимо от степени их регулярности, от метафорического или метонимического их характера, трактуются в общем одинаково. Между тем есть все основания предполагать, что различные «значения» внутри слов по-разному соотносятся друг с другом, точно так же как в неодинаковой степени зависят (парадигматически и синтагматически) от значений других слов.

Как показывает лексикографическая практика, семантическое описание слова заключается прежде всего в соотнесении его с рядом других слов, благодаря чему становится возможным выделение существенных для тех или иных из его значений семантических элементов, или признаков. Существенным представляется исследование различной «семантической плотности» различных слов, т. е. неравномерного распределения в них отдельных семантических признаков (ср. *жилище — дом — изба*; *двигаться — лезть — карабкаться* и т. д.) и вероятности их появления в определенных речевых ситуациях.

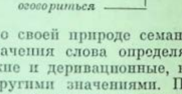
Анализ самих семантических признаков слов показывает, что их характер в разных случаях различен. Так, можно разграничить дифференциальные и интегральные семантические признаки, которые по-разному определяют значение слова. Ср. строение лексических значений таких слов, как *река* и *осина;* для первого может быть выделена семантическая тема «водоем» и дифференциальные (поскольку, благодаря им, данное значение противопоставлено значениям других единиц лексики) признаки «размера», «формы», «происхождения»; для второго, кроме семантической темы «дерево», может быть выделен лишь интегральный признак — «осиновость» (поскольку ни по одному реальному признаку, который характеризует обозначаемый данным словом предмет, само наиме-

нование не противопоставлено в русском языке другим).

Наряду с дифференциальными и интегральными должны быть выделены ассоциативные, или репрезентативные, признаки, связанные с представлением о самом обозначаемом предмете или явлении. Не будучи существенными для основного значения слова, они тем не менее приобретают собственно лингвистическую значимость благодаря фразеологическим, т. е. так или иначе закрепленным в самом языке, возможностям употребления слова (ср. *трясется как осина*; ср. *белоснежный как береза, стройный как береза* и т. п.), и особенно благодаря его деривационным возможностям, как, например, в случае со словами *лететь, ползти*, в основных значениях которых нет (существенных для них) признаков «быстроты (или медленности)» действия (ср. возможность такого словоупотребления, как *Сапер быстро полз по снегу, Вертолет медленно летел вдоль деревни* и т. п.), но в то же время именно соответствующее представление о характере данных действий делает возможным переносное употребление данных глаголов в значении «быстро передвигаться» и «медленно передвигаться».

«Нетавтологичность» таких фраз, как *Писатель написал письмо (в газету), Носильщик нес (тяжелую) ношу, Учитель (немногому) научил (своих) учеников* и под., указывает на необходимость изучения деривационных связей слова по двум линиям. Во-первых, во всех аналогичных обозначениях «производителя действия» и «объекта действия» (также: «результата действия», «орудия действия» и т. д.) должны быть выделены существенные семантические признаки каждого из производных слов, которые реально определяют его семантику (*писатель* — это не просто тот, кто *пишет; письмо* — это не все *написанное*, но существенным элементом соответствующих значений выступает в каждом случае реальное семантическое ограничение, т. е. существенный семантический признак соответствующих образований). Во-вторых, аналогичные деривационные отношения должны быть выявлены для других аналогичных обозначений, не объединяемых собственно словообразовательными (в узком понимании) связями; ср. *петь — певец — песня — пение; говорить — оратор — речь* и т. д. Деривационные возможности слов по-разному соотносятся с различными семантическими признаками (ср. *смотреть — смотритель — смотрины —*

смотр — осмотр; смотреть за кем-л., чем-л. — присмотреть и т. п.) и по-разному проявляются в их парадигматических взаимоотношениях с другими словами (ср. *глядеть за кем-л., чем-л.— приглядеть* и т. п.), но они неразрывно связаны с семантической структурой каждого отдельного слова. Ср. также такого рода соотношения, как:

Различные по своей природе семантические элементы лексического значения слова определяют не только его парадигматические и деривационные, но и синтагматические связи с другими значениями. Предстоит еще выяснить, насколько регулярно сочетаются друг с другом слова, имеющие однородные семантические признаки (ср. *дождь непрерывно лил; поставить на ноги; покрытый железной крышей дом* и т. п.), в каких случаях «лексическая экспликация» одного из признаков слова другим словом воспринимается как тавтология, а в каких — должна расцениваться как следствие общего закона семантической координации слов. Во всяком случае несомненно, что, поскольку семантические признаки слов, определяемые при помощи других слов, в принципе не равны значениям последних,— тавтологичность каких-то словосочетаний, так же как и избыточность тех или иных словарных толкований, не могут быть установлены путем прямого соотнесения семантических элементов объединяемых (синтагматически) слов. Ср. словарное толкование глагола *карабкаться* — «лезть вверх, цепляясь ногами и руками, хватаясь за что-л.» и несомненную допустимость таких сочетаний, как *карабкался, цепляясь руками за камни; карабкался на вершину холма, хватаясь за ветви деревьев* и т. п. Отсюда следует, в частности, что критика словарного толкования на основе подстановки последнего на место соответствующего слова в тексте (если это приводит к тавтологии) не может быть признана всегда безоговорочно доказательной. Ср. невозможность подстановки цитированного толкования глагола *карабкаться* в приведенные и многие подобные фразы, что, по-видимому, не указывает на несущественность выделенных в данном толковании признаков глагола.

Синтагматическая закрепленность слова также не исключает существования в собственной семантике слова тех признаков, которые и без того устойчиво раскрываются другими словами словосочетания. Ср. *стая птиц, рыб; свора собак; табун лошадей, оленей* и т. п. Возможность самостоятельного употребления соответствующих обозначений не отрицает, а подтверждает это, особенности их значений при метафорическом применении явно указывают на «несинонимический» их характер; ср. *табун мальчишек* и *стайка мальчишек*; ср. также:

Страшны ли
рабочим
при этакой спайке
Буржуевы
белые
своры и *стайки*?!
(Маяковский, Солидарность).

Неодинаковая обусловленность разных значений слова парадигматическими и синтагматическими связями определяет различную роль контекста при реализации этих значений; ср. значения глагола *сидеть* в сочетаниях *сидеть на стуле, скамейке, полу, крыше* и т. д. и *сидеть на хлебе, картошке* и т. п., где для реализации вторичного значения глагола необходимо «контекстное» соотнесение со значениями «голодать» или «диета» и т. п. (при ином соотнесении, т. е. в ином контексте, в этих сочетаниях может, естественно, выступать и основное значение глагола), в то время как позиция глагола при словах *на стуле* или *на крыше* (независимо от различной частотности соответствующих словосочетаний) является сама по себе достаточной для выявления значения слова.

Позиционная обусловленность значений многозначного слова не в одинаковой мере для разных значений может быть интерпретирована как фразеологичность. Различные значения, например, прилагательного *глубокий*, бесспорно, позиционно обусловлены; однако то, что значение этого прилагательного в сочетаниях *глубокая яма, глубокая река, глубокая впадина, глубокий колодец* и т. д. обусловлено семантически, а не лексически, как в сочетаниях *глубокая осень, глубокая старость*, свидетельствует о различной связанности данных значений, причем — при соответствующем понимании — термин «фразеологичность» может характеризовать именно вторые.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Содержание

От автора 5
Введение 7
Проблема определения слова 35
Семантическое тождество слова 64
Парадигматические отношения в лексике 103
Синтагматические отношения в лексике 156
Деривационные отношения в лексике 190
Семантическая структура слова 211
О понятии фразеологии 259
Заключение 274

Дмитрий Николаевич Шмелев

Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Е. Н. Евтанова*

Сдано в набор 16/III-1973 г. Подписано к печати 17/III-1973 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,2.
Тираж 4600 экз. Тип. зак. 1884. Цена 91 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука». 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР